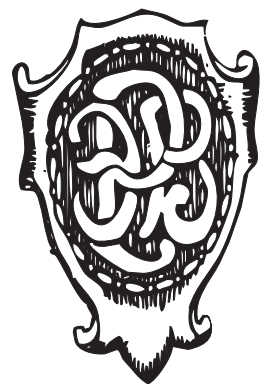

Подписные индексы
ОАО Агентство «Роспечать»: 46811

«Сила власти государственной всегда измеряется
народным благосостоянием»

Андрей Карлович Шторх (1766–1835),
*первый российский академик
в области политической экономии и статистики,
вице-президент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук*

ISSN 1990-9780
Экономическое возрождение России
№4 (58) 2018

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ №4 (58) 2018

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала * О влиянии финансового сектора на мировую экономику * Деньги как исторический феномен * Унаследованные от прошлого и приобретённые современностью проблемы финансирования экономики * Финансирование и экономический рост * Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации * Изменение качества и структуры цепочек добавленной стоимости в эпоху четвертой промышленной революции: влияние кризиса глобализации и наступление цифровой экономики * Теоретико-методологические проблемы оценки стратегической устойчивости предприятий депрессивных регионов

№4 (58)

2018

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Редакционная коллегия журнала «Экономическое возрождение России» принимает на рассмотрение статьи по актуальным вопросам базисной и прикладной экономической теории, хозяйственной практики и научной жизни экономического сообщества.

Научные статьи должны включать следующие элементы: постановку проблемы в общем виде, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами; анализ последних исследований и публикаций (в том числе иностранных), в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор; выделение не решенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья; формулирование целей статьи (постановку задания); изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Обязательны ссылки на источники статистических данных, а также на использованную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Кроме текста статьи необходимо представить название, аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках, а также УДК.

Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на представленное произведение (статью).

Просьба направлять статьи на электронный адрес: evr@inir.ru и в виде распечатки на бумаге по адресу: 197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16. Каждая статья должна быть представлена отдельным файлом в формате MS Word, иллюстрации – в черно-белом варианте в формате tiff или jpg.

Для представления авторов просьба полностью указывать фамилию, имя, отчество, название учреждения, в котором автор работает, должность, ученую степень и звание, а для общения с редакцией – адрес электронной почты и телефон. Редакция оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации. Статьи, соответствующие тематике журнала, отсылаются на рецензирование специалистам.

С аспирантов плата за публикацию не взимается.

Редакция доводит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «РУНЭБ» неисключительных прав на использование как журнала «Экономическое возрождение России» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство «Роспечать»».

Сведения о подписке через редакцию можно получить по телефону: (812) 313-82-68 или e-mail: evr@inir.ru.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 4 (58) 2018

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетель-
ство о регистрации средства массовой информации от 27.08.2012 г.
ПИ № ФС77-50990).

Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубли-
кованы основные научные результаты диссертаци-
онных исследований на соискание ученых степеней доктора и канди-
дата наук (Решение Президиума Высшей аттестаци-
онной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля
2012 года № 8/13).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.
Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руковод-
ством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР — С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР — Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержа-
щихся в настоящем издании, допускается с письменного раз-
решения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка С. Л. Пушин

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru
Подписано к печати 12.12.2018 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж 1500 экз. Заказ 181043

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7
© ИНИР им. С. Ю. Витте: составление, редакционная
подготовка, 2018

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН,
председатель научно-редакционного совета;
А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, профессор Техасского
университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Непителов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);
В. В. Окрепилев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;
З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик
НАН Азербайджана;
Ж.-Л. Трюэль, профессор Университета Париж-12
(Франция)

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

V. V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of
Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific edi-
torial board;
A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, correspond-
ing member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the Uni-
versity of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding
member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nikipelov, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician
of Russian Academy of Sciences;
G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;
Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of National Academy of Sciences of Azerbaijan;
J.-L. Truel, Professor of University of Paris-12 (France)

CONTENTS

Foreword from Editor-in-Chief

Bodrunov S. D. Nooindustrial transition: economy of creativity and creative economy 5

Proceedings of S. Y. Witte INID research workshop *Financial Capital and Strategems of the Industrial Revolution*

Bodrunov S. D. Nooindustrial transition: the role of financial capital 8

Grinberg R. S. On the influence of financial segment on the global economy 19

Buzgalin A. V. Money as a historical phenomenon 23

Khubiev K. A., Tekeeva A. Kh. Inherent and recently emergent issues related to the financialization of the economy 29

Ivanov V. V. Financialization and economic growth 37

Komolov O. O. Deglobalization in the context of global economic stagnation 50

Problems of economic development

Tolkachev S. A. Change in the quality and structure of value added chains in the era of the Fourth Industrial Revolution: influence of globalization crisis and the advent of the digital economy 64

Malenkov Y. A., Kuznetsov Y. V., Anokhina E. M., Zhigalov V. M. Theoretical and methodological problems of enterprises strategic sustainability evaluation in the depressed regions 81

Burak P. I., Kasimov L. B. Regional development models (the Irkutsk region experience)..... 89

Dzhabborov D. B. Role of the state in the development of creative labor 99

Maslov G. A. Practical potential of techno-economic development theories in the Russian system..... 106

Voykina E. A. Labor efficiency in Russia and abroad: comparative analysis and growth prospects..... 114

Article excerpts (in English)

Bodrunov S. D. Nooindustrial transition: the role of financial capital 123

Grinberg R. S. On the influence of financial segment on the global economy 126

Buzgalin A. V. Money as a historical phenomenon 128

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора

<i>Бодрунов С. Д.</i> Нооиндустриальный переход: экономика креатива и креатив экономики	5
---	---

Материалы научного семинара ИНИР им. С. Ю. Витте «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции»

<i>Бодрунов С. Д.</i> Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала.....	8
<i>Гринберг Р. С.</i> О влиянии финансового сектора на мировую экономику	19
<i>Бузгалин А. В.</i> Деньги как исторический феномен	23
<i>Хубиев К. А., Текеева А. Х.</i> Унаследованные от прошлого и приобретенные современностью проблемы финансиализации экономики.....	29
<i>Иванов В. В.</i> Финансиализация и экономический рост	37
<i>Комолов О. О.</i> Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации	50

Проблемы развития экономики

<i>Толкачев С. А.</i> Изменение качества и структуры цепочек добавленной стоимости в эпоху четвертой промышленной революции: влияние кризиса глобализации и наступление цифровой экономики	64
<i>Маленков Ю. А., Кузнецов Ю. В., Анохина Е. М., Жигалов В. М.</i> Теоретико-методологические проблемы оценки стратегической устойчивости предприятий депрессивных регионов	81
<i>Бурак П. И., Касимов Л. Б.</i> Региональные модели развития (опыт Иркутской области) ...	89
<i>Джабборов Д. Б.</i> Роль государства в развитии творческого труда	99
<i>Маслов Г. А.</i> Практический потенциал теорий технико-экономического развития в российской системе.....	106
<i>Войкина Е. А.</i> Производительность труда в России и за рубежом: сравнительный анализ и перспективы роста	114

Извлечения из статей (на английском языке)

<i>Бодрунов С. Д.</i> Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала.....	123
<i>Гринберг Р. С.</i> О влиянии финансового сектора на мировую экономику	126
<i>Бузгалин А. В.</i> Деньги как исторический феномен.....	128

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

28 сентября 2018 г. в Санкт-Петербурге состоялся очередной научный семинар Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции».

С основным докладом выступил директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, д-р экон. наук, профессор С. Д. Бодрунов.

В данном номере публикуется подборка статей, подготовленных на основе докладов участников семинара.

**Редакция журнала
«Экономическое возрождение России»**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

*С. Д. Бодрунов*¹

НООИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД: ЭКОНОМИКА КРЕАТИВА И КРЕАТИВ ЭКОНОМИКИ

Проблема поэтапного перехода современного общественного устройства к устройству нооиндустриальному, базирующемуся на неэкономическом способе удовлетворения ноопотребностей индивида в рамках ноосоциума (для краткости мы называем ее проблемой «нооиндустриального перехода») весьма многогранна.

Мы неоднократно отмечали, что в процессе развития индустриального способа производства при формировании нового индустриального общества второго поколения все компоненты производства претерпевают качественные изменения. Одной из компонент, преобразование которых начинает проявляться все более выражено, является труд.

Напомним, что важнейшей особенностью нооиндустриального этапа развития общества является переход к превалированию в общественном продукте знания над «материальной частью». При этом качественное повышение уровня знаниеемкости касается не только результата производства – продукта, но и всех компонент производственного процесса. В равной степени это относится и к труду.

Что такое знаниеемкость труда? В процессе трудовой деятельности человек для достижения/сотворения результата вынужден познавать мир. Творчество неотделимо от познания, осознания. Более того, творчество – это высший уровень познания, достигаемый человеком, оно не может существовать в отрыве от знания, без осознания нового и накопления знания. Знание есть творческая компонента труда. Повышение знаниеемкости труда – это увеличение в нем доли творческой компоненты.

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор.

В практической плоскости творческий процесс, оформленный в достижение/сотворение нового/оригинального/измененного продукта, представляет собой то, что часто называют креативностью.

Наблюдаем ли мы процесс повышения креативности современной трудовой деятельности? Безусловно. Более того, незаметный на первый взгляд процесс роста творческой компоненты в трудовой деятельности зашел так далеко, что возникли и сформировались «творческие профессии», а в последние десятилетия – целые сектора «креативной индустрии», представляющей собой отрасли индустриальных практик, которые объединяет превалирование творческой/знаниевой компоненты. Этому активно способствует ускоряющийся научно-технический прогресс, предъявляющий экономический запрос на все более продвинутые продукты и решения, способствующий формированию экономикой элементов/механизмов их производства («креативных индустрий») и предоставляющий все более развитые технологии для их практической реализации.

Как правило, под креативными индустриями понимают спектр продуктов/сервисов нематериального назначения: в сфере культуры (в узком смысле), интеллектуальной деятельности, развлечений и др. Однако все чаще сюда включают и дизайн, в том числе промышленный (моделирование любых изделий – от модной одежды до станков и технических устройств), архитектурные и инженерные решения в промышленном и гражданском строительстве, индустрию маркетинга и продаж продукции/услуг и т. п.

Такого рода индустриальные сектора в наиболее продвинутых экономиках мира растут опережающими темпами и постепенно занимают важное место в их структуре. По имеющимся данным, их совокупная доля в Германии, Франции, ряде других стран ЕС и в США достигает 5...7 %; в целом в мировой экономике их доля составляет уже 2,3 трлн долларов (более 3 %); в них занят каждый сотый член экономически активного населения планеты. При этом их рост наблюдался даже в период последнего крупного экономического кризиса. Как отмечает ЦСР, доля подобных индустрий в ВВП России к 2035 г. может вырасти до 10 %. А по исследованиям ЮНИДО (очередной годовой мировой доклад организации был представлен в Вольном экономическом обществе России в октябре с. г.), уже к 2020 г. креативность как трудовое качество будет стоять на третьем месте в списке умений участника трудовой деятельности.

При этом креативность присуща всем областям современной трудовой деятельности. Вполне определенно можно говорить о креативности подходов в создании научных продуктов, о креативности инженерных решений, о креативности формирования социальных конструкций и т. д. Развитие инновационного процесса невозможно без повышения креативности его участников. Современное «ускорение ускорения» научно-технического прогресса тесно связано с повышением креативности труда специалистов всех отраслей общественного производства, направленного на удовлетворение возрастающих потребностей человека.

И этот процесс продолжается в полном соответствии с теорией возрастания знаниеемкости производства общественных благ и перехода к новому индустриальному обществу следующего поколения. Процесс «креативизации» труда во всех сферах общественного производства постепенно приводит к выделению многих типов трудовой деятельности в отдельные сектора и отрасли, насыщение которых «креативом» достигло своего порога. Это позволяет говорить о том, что такой конкретный тип деятельности является преимущественно творческим, занимает значимую нишу в производстве общественного продукта и заметно влияет на структуру экономики.

В этом смысле можно говорить о все более явном переходе от этапа малозначимого и не слишком заметного роста творческой компоненты в труде в предыдущие исторические периоды и от нынешнего этапа «экономики креатива», характеризующегося значимым влиянием современной экономики на формирование отраслей креативной индустрии, к «креативу экономики» – началу этапа ее реформатирования, перехода к наполнению преимущественно творческой производственной деятельностью. А это является важнейшей предпосылкой формирования нооиндустриального общества и его индивида – человека творческого.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА ИНИР ИМ. С. Ю. ВИТТЕ «ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И СТРАТЕГЕМЫ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

*С. Д. Бодрунов*¹

НООИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД: РОЛЬ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА²

Прослеживается эволюция функции денег, зарождение финансового капитала, постепенное усиление его роли. Подчеркивается двойственная природа капитала. Гиперразвитие финансового капитала представляется как угроза устойчивости экономики. Его доминирование в России – основная причина деиндустриализации. Ограничение финансового капитала рассматривается как фактор реиндустриализации, необходимой для перехода к НИО.2. Чтобы задействовать инновационную функцию капитала, необходим финансовый форсаж – вливания в инновационные направления технологического развития.

Ключевые слова: финансовый капитал, гиперразвитие финансового капитала, переход к НИО.2, влияние капитала на экономику, инновационная функция капитала, финансовый форсаж, нооиндустриальный переход.

УДК 330.254

Последние десятилетия все ярче проявляется нарастание перманентного системного кризиса [2, 9], что, правда, признается не всеми. И хотя падение мирового и страновых ВВП, вызванное финансовым кризисом 2008 г., судя по данным эконо-

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор.

² По материалам доклада на семинаре Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции» (28 сентября 2018 года).

мической статистики, успешно преодолено, причины, вызвавшие обвал экономик ведущих стран мира, не исчезли. В современной экономике накопилось множество противоречий, которые перестают играть роль источника ее развития, так как их преодоление в рамках существующей парадигмы хозяйствования практически невозможно.

В современной рыночной экономике диспропорция между финансовым и реальным капиталом столь существенна, что можно говорить о гиперразвитии финансового капитала, которое мы рассматриваем как одну из угроз устойчивости экономики и одну из основных причин ее стагнации. Активы банков в Западной Европе превышают ВВП соответствующих стран в 2...3 раза. В США госдолг превысил объем ВВП; объемы страхования, ипотечных фондов, паевых фондов и др. (каждый!) приблизились к объему ВВП. Деривативы превысили мировой ВВП в 6,5 раз; ВВП США – в 27,5 раза.

Начнем с исторического аспекта проблемы. В классической политической экономии принято считать, что деньги и порожденные ими финансовые отношения не являются обязательным атрибутом хозяйственной деятельности. Деньги – результат длительного исторического развития человечества. Они возникли вследствие развития экономики выше некоторого уровня, преодоление которого привело к появлению устойчивого производства прибавочного продукта, принявшего с течением времени форму товара.

Меновая торговля была неудобной и не всегда эффективной, что привело (в некоторых денежных теориях – стихийно, в других – на основе сознательного принятия соответствующего индивидуального или коллективного решения) к появлению денежного эквивалента стоимости (ценности) продукта. Возникла возможность аккумулировать стоимость в денежных единицах, что привело к образованию денежных фондов (хотя это не всегда были деньги в современном понимании – их функции могли выполнять скот, зерно, металлы и другие товары, выступавшие в качестве денежных эквивалентов). Владельцы фондов стали применять их для извлечения доходов, источником которых стала плата за пользование заемными средствами. Например, в одном из первых документальных источников по регулированию экономических отношений (в так называемых Законах вавилонского царя Хаммурапи) большое количество статей посвящено описанию правил совершения ростовщических операций.

Подчеркнем, что *первичные деньги* (мы понимаем под этим термином в данном случае товар-эквивалент) были локальными. Их оборот охватывал сравнительно обособленные географические области, и у разных народов (племен, родов и т. п.) появлялись разные денежные единицы. При взаимодействии этих хозяйственных общностей устанавливался «валютный курс». Деньги возникали «из денег». Это привело к зарождению финансового капитала.

Оказалось, что эффективным (с позиций простоты совершения операций и затрат на преумножение денежных фондов) способом аккумулирования прибыли является совершение именно такого рода денежных сделок. Процесс развивался по нарастающей: *вложение аккумулированной валютной прибыли в валютный обмен позволя-*

ло получать «деньги из денег» существенно проще с точки зрения количества усилий по добыче/производству и последующей реализации тех или иных товаров.

Добавим сюда изобретение связанного с этими процессами займа под «процент», аккумуляцию «прибыли будущего». В итоге в силу большей простоты аккумуляции прибыли получило развитие *ростовщичество*. Этот финансовый институт стал весьма эффективным, но он существует не в сфере производства товаров, где человеческим трудом создаются новые ценности, а в сфере обращения денежных фондов, где ценности лишь перераспределяются. Эта эффективность принципиально базируется на несправедливости: выигрыш одних основан на проигрыше других. Проникновение института ростовщичества в социальную «ткань» приводит к формированию на несправедливой основе и других институтов общества. *Несправедливые финансовые отношения, базирующиеся на ростовщичестве, подчиняют себе прочие институты общества и в первую очередь – само производство.*

Для характеристики масштаба и серьезности проблемы вспомним библейский сюжет об изгнания Христом торговцев из храма – это ведь не о торговле, а о ростовщичестве. В древней Иудее оно не просто получило предельно оформленное развитие, но и через религиозно-государственное управление было внедрено в хозяйственный обиход едва ли не как «указание сверху».

Какова же была схема сформированной «религиозной» финансовой системы? В храме нельзя было жертвовать «неподходящее» животное (а, согласно канонам, жертва была обязательной), если оно не было одобрено «специальными людьми», которым иерархи храма предоставляли такое право. Поэтому было рекомендовано покупать «проверенную» жертву непосредственно при храме. В силу очевидного монополизма такого рынка цены на нем были завышенными, а всю выгоду получали создатели рассматриваемой системы. Была введена специальная «храмовая» валюта (только ее и можно было жертвовать, а денежная жертва была обязательной, существовали даже специальные «тарифы», дифференцированные в зависимости от категории прихожан и случаев пожертвования). Таким образом, древний иудей, идя в храм (что было обязательным), должен был менять ходившие в быту деньги на храмовые. Курс обмена устанавливали менялы, «офисы» которых (меняльные конторы) размещались в храме. При необходимости менялы-ростовщики могли ссудить под процент нужную сумму.

Данное явление, проникшее в государственно-религиозный институт управления обществом и поддержанное им, стало подменять истинное содержание и смысл религиозных установлений. При этом оно издревле рассматривалось как непроизводительный и потому несправедливый вид деятельности. По нашему мнению, в том числе поэтому и восстал Христос, возможно, первым явственно осознавший губительность этого явления для цивилизации.

В Европе ростовщичество распространилось в средние века. Это было связано с увеличением объемов торговых операций и численности купцов, использующих этот финансовый институт, а также с рассеиванием иудейских общин, с их традици-

онным видом финансовой деятельности. Ростовщичество полностью изменило лицо европейской культуры и общественный уклад. В дальнейшем этот финансовый институт стал важным фактором активного развития капитализма как нового общественного строя.

Однако на начальных этапах извлечение прибыли шло, преимущественно опосредуясь сферами производства и обмена товаров. Соответственно и инвестиции должны были пройти сложный путь, обязательно включающий стадии производства и обмена. Финансовый капитал был необходимым подспорьем в этом процессе. Еще раз подчеркнем, что основную роль играл производительный, промышленный капитал.

Почему так происходило? Потому что первичной была потребность растущего общества в товарах: надо было «во что-то одеться и чем-то кормиться». На базе этой потребности и возник *индустриальный способ производства*, породивший капиталистическое (по Марксу) индустриальное общество. С развитием капиталистических отношений роль финансового капитала росла. *Финансовые транзакции – это самый простой и быстрый способ извлечения/аккумуляции прибыли.*

Стремительный рост промышленного производства формировал потребность общества в развитии *финансовых технологий*. Появились кредитные организации и соответствующий инструментарий. При этом развитие финансирования как института, финансовых инструментов и технологий в силу более быстрой оборачиваемости капитала осуществлялось быстрее, чем развитие собственно производства, требовавшего больших затрат и операций для извлечения прибыли.

На данном этапе *монетизированный эквивалент все еще не мог существовать без реального сектора экономики. Финансовые потоки в индустриальном обществе играли очень важную, но все же вспомогательную, обслуживающую роль в воспроизводственном процессе.*

В дальнейшем финансы, первоначально встроенные в процесс производства продукта, постепенно превратились в равноценный, а затем – в основной элемент экономики. Реальный и финансовый сектор постепенно менялись местами. Финансовый сектор по мере своего разрастания встраивал (только в необходимых случаях!) производство в процесс извлечения прибыли. Почему так происходило? Мы выделяем две ключевых причины:

1. *Более простое/быстрое/эффективное аккумуляция прибыли в этом секторе экономики.*

2. *Капиталист ориентирован, в конечном счете, не на производство товаров (скажем, масла или станков), а на извлечение прибыли в любой ее форме: например, в товарной (те же сапоги или огурцы), но лучше – в денежной, которая удобнее и универсальнее.*

В бесконечной цепочке движения капитала произошла смена приоритетов: вместо *T-D-T* она приняла форму *D-T-D'*. Новая формула привела к сдвигу в экономическом мировоззрении: деньги стали рассматриваться не как посредник между товарами, а наоборот. Отсюда – тренд на выдавливание производительного капитала (бо-

лее сложно устроенного и «добываемого») финансовым, подчинившим себе на современном этапе производственный капитал. Сегодня этот тренд стал настолько значимым, что можно говорить о его фундаментальном влиянии на экономику.

Начиная с конца XIX в. происходит интенсификация этого направления, что отразили в своих работах Р. Гильфердинг [5], В. И. Ульянов (Ленин) [8] и др. В настоящее время доминирование финансового капитала над капиталом реального сектора экономики получило название *финансиализации* [13–18]. Причины и содержание этого процесса, как правило, детально не раскрываются, дается лишь его количественная характеристика, хотя в последние годы появились монографии и статьи, в которых анализируется этот феномен [6, 10, 11].

Поскольку аккумуляция прибыли осуществляется в денежной форме, при достижении пределов насыщения рынка (удовлетворения реальных потребностей), но при неизменном сохранении желания капиталиста получать прибыль, неизбежно происходит изменение характера/типа удовлетворения потребностей и вида рынка. Вместо «рынка покупателя/потребителя» (формирующего преимущественно реальные потребности) формируется и все более растет «рынок продавца», которому требуются новые источники прибыли, и он начинает активно влиять на предпочтения потребителя, в том числе стимулируя формирование и расширение симулятивных потребностей.

Меняется характер отношений в системе «потребитель – покупатель – рынок – продавец – производитель». Например, буквально на глазах одного поколения изменился характер рекламных обращений. Если изначально реклама оповещала потребителя о товаре (давала ответ на вопросы: что? где? почём?), то сегодня, как правило, она навязчиво внушает потребителю мысль о том, что без очередного «супертовара» (чаще всего – симулятивного!) он просто не сможет существовать – если не физиологически, то социально.

Современная реклама как сублимированный выразитель/провайдер интересов финансового капитала стимулирует возникновение и развитие прежде всего симулятивных потребностей, что привело (и не могло не привести) к превалированию соответствующих товаров на рынках. Таким образом, финансиализация меняет не только соотношение между реальным и финансовым секторами экономики, но и структуру реального сектора, в том числе структуру материального производства, а в дальнейшем – и социальную структуру через изменение моделей поведения, ценностей и мировосприятия.

Отметим, что к причинам, способствующим росту доминирования финансового капитала, относятся не только обусловленные его собственной природой (пределно высокие пенетрация, реадинесс-способность [4] и др.), но и *развитием, как ни покажется странным, производственного сектора*.

Мы говорим о создании качественно новых технологий и их активном применении в финансовой сфере как отклике на ее собственные потребности, а также об иных трансформационных процессах, обусловленных прогрессом технологий.

Финансовый капитал как более гибкая и динамичная форма капитала активно и результативно использует данные трансформации.

Прогресс технологий материального производства как фактор экспансии финансового капитала – это лицевая сторона медали. Есть, однако, и обратная, о которой мы скажем ниже. А сейчас рассмотрим внимательно лицевую сторону медали.

Большая гибкость и динамичность финансового капитала обусловлена различиями в инвестировании в разные сектора экономики. Между технологическими вложениями финансовых и производственных капиталистов имеется определенная разница. Промышленник-капиталист, как и финансовый капиталист, стремится к максимуму прибыли. Чтобы минимизировать издержки, он, однажды освоив производство некоего продукта (сделав вложения в технологию и оборудование), будет производить его без изменений, «снимая сливки» (по Ф. Котлеру [7]), до тех пор, пока не будет достигнут предел насыщения рынка данного продукта, не произойдет насыщение потребности и не окупятся технологические инвестиции, а если он промахнулся с направлением вложений, – пока не подтолкнет конкуренция. И только после этого иницируется усовершенствование и создается инновация.

Заметим, что в древнем обществе не было активного инновационного процесса. Столетиями и даже тысячелетиями ни продукты, ни технологии их производства существенно не менялись. И так продолжалось до тех пор, пока не были изобретены деньги и прибыль. Инновации – это ответ на требование удовлетворения все возрастающих потребностей, удовлетворение которых, как мы отмечали в предыдущих работах, через феномен осознания создает новые, все более расширяющиеся потребности.

Формирование финансовых институтов для получения прибыли активно содействовало развитию института инноваций, придавая ему постоянное ускорение. И это – **второй выход на проблему соотношения финансовализации и развития НИО.2**.

Уместно вспомнить тезис, активно обсуждавшийся в экономической науке с середины XX в. и получивший закрепление в государственной политике многих стран, в том числе в СССР. Речь идет об «ускорении НТП». Откуда оно взялось, это ускорение? Почему вдруг возник НТП, да еще и начал ускоряться? Не секрет, что в рыночной экономике главной экономической причиной этого являлось (и является) стремление к увеличению прибыли. При этом развитие инноваций, ускорение их внедрения формирует предпосылки для поддержки ими других процессов (в частности через инвестиции) и самого инновационного процесса, создавая эффект ускорения ускорения НТП [3]. Итогом является периодическая смена технологических укладов по мере накопления критической массы инноваций.

В частности, современные технологии стремительно формируют новый технологический уклад, и в этот процесс «ускорение ускорения» инноваций вносит основной вклад. Это – одна из базовых отличительных черт нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) [3]. Кстати, отсюда следует несостоятельность постиндустриалистского тезиса об «отказе от производства» и подтверждение наше-

го тезиса о сохранении его (в качественно новом виде) в роли основы нового индустриального общества второго поколения.

Теперь об оборотной стороне финансиализации: о ее негативном влиянии на прогресс технологий, экономики и общества. Финансиализация, вызванная к жизни в немалой степени прогрессом технологий, как любой паразит, начинает пожирать то тело, на котором и благодаря которому она выросла, вызывая перелив капитала из сферы материального производства (в том числе – инновационного) в сферу финансового посредничества. Но это не все. В силу своей природы она, вынужденно поддерживая и ускоряя инновационный процесс, при каждой возможности тормозит развитие материального производства. Более того, она ориентирует его, как показано выше, на удовлетворение симулятивных потребностей, в немалой степени способствуя экспансии последних.

К чему может привести растущая финансиализация экономики да и всего общества? Финансовый капитал и капитализм по своей сути требуют постоянного дополнительного дохода (прибыли). Как это может быть обеспечено? По нашему мнению, имеется несколько путей.

Сначала – о *втором, симулятивном* пути. Он предполагает дальнейшее разрастание финансового сектора и, по-видимому, в перспективе – его полный отрыв от реального сектора экономики. Ключевую идею этого пути можно сформулировать так: «деньги делают деньги», причем делают их «из воздуха». Очевидно, что это – тупиковый путь, что убедительно показал глобальный кризис 2008 г.

Первый путь – производственный. Его суть – расширение производства (подварианты – экстенсивно либо интенсивно, в количественном и/или в качественном отношении – это не принципиально, в данном случае эти вопросы носят тактический характер). Здесь речь идет о создании нового продукта, а значит, и прибыли не из «воздуха».

Но, как известно из классической политической экономии, любое производство – это создание продукта из вещества природы посредством приложения человеческого труда. А природный ресурс стремительно сокращается – это одна из глобальных проблем современного человечества. А поскольку преобладающими становятся симулятивные потребности, значит, переработанный природный ресурс в значительной степени тратится не на удовлетворение реальных потребностей общества, а, в конечном счете, на отходы. Получается, что при сохранении экономических и социальных отношений в текущей парадигме развития и этот путь оказывается тупиковым.

Подходим к самому главному – к *роли финансового капитала в трансформации индустриального капиталистического способа производства в ноономику.*

Сценарный анализ, выполненный нами в книге «Ноономика» [4], показывает, что растущая финансиализация способствует ускоренному движению цивилизации к глобальному кризису.

Очевидно, что необходимо изменение парадигмы социального и экономического развития. Существует жизненно важная (и объективная!) потребность в «ог-

раничении капитализма», рационализации потребностей общества и способов их удовлетворения, в переходе к НИО.2 и последующему ноообщественному устройству (при сохранении и развитии индустриального способа производства для удовлетворения реальных потребностей людей и отказе от наращивания потребностей симулятивных).

Такой *переход* (в том числе и приоритетно – вследствие эволюционирования финансового капитала как института в гипертрофированные формы) становится *объективной потребностью*. Мы имеем (также объективно!) *возможность* реализации такого перехода – через ускорение ускорения НТП в силу более быстрого, «ускоренного», развития по сравнению с развитием экономических институтов, обеспечивающего переход хозяйственной деятельности из экономической в неэкономическую форму в рамках ноообщественной парадигмы развития – и тем самым *неизбежность* такого перехода! Но в нооиндустриальном обществе, материальный базис которого основан на неэкономических отношениях, исчезнет целевая функция экономических отношений – извлечение прибыли! А вместе с этим – и сам финансовый капитал как институт, обеспечивающий данную функцию.

Напрашивается вопрос – исчезнет ли и инновационный процесс? Нет, поскольку он обеспечивается не только целью извлечения прибыли (даже в экономическом обществе), но и иными целями, в частности, необходимостью удовлетворения потребности человека в творчестве, которая будет возрастать, и в нооиндустриальном обществе творческий труд станет главной потребностью человека.

Эта теоретическая конструкция имеет абсолютно практическое значение для России сегодня, для оценки трендов ее (и мирового) развития. *Доминирование финансового капитала в России, возникшее и постоянно усиливающееся после развала СССР, – основная, глубинная причина деиндустриализации и отката страны в социально-экономическом развитии на десятилетия.*

Отсюда следует, что требование ограничения финансового капитала в современной России должно рассматриваться как фактор реиндустриализации, необходимой для перехода к НИО.2. Без смены парадигмальных приоритетов декларируемые цели промышленной политики останутся красивыми лозунгами. Без эффективного контроля и целенаправленного управления финансовыми процессами не удастся создать предпосылки для перелома в технологической модернизации национального хозяйства и экономического лидерства в будущем.

Безусловно, *не следует понимать призыв к ограничению финансового капитала как отказ от него уже на данном этапе. Финансовый капитал, имея двойственную природу, сегодня – не только создатель фиктивных благ и симулятивных потребностей, но и акселератор развития реального производства, в том числе в некоторой мере – инновационного процесса.* Поэтому правильнее понимать на данном этапе предлагаемые ограничения как переформатирование механизмов его использования (от превалирования к обслуживающей роли) в целях возврата его к исходной

и позитивной функции – поддержке развивающегося новоиндустриального сектора и акселератора включения российской экономики в 4-ю индустриальную революцию.

Необходима трансформация финансового капитала, превращение его из паразитического нароста на экономике и обществе, генерирующего симулятивные потребности и иррациональные способы их удовлетворения, в акселератор инновационного развития реального сектора по пути перехода к НИО.2 и затем – к ноономике.

Таким образом, перед нами вырисовывается **стратегема нооиндустриальной революции**. В нашем понимании стратегема (в широком смысле!) – это некие комплексы/последовательности объективных событий в стратегических направлениях развития избранного предмета, в данном случае – нооиндустриальной революции (которая, как мы подозреваем, есть технологический/базисный элемент перехода к НИО.2 и, далее, к ноопроизводству, ноономике и нообществу).

Подытожим: финансовый капитал в процессе исторического развития из слуги индустрии (и технологического прогресса!) превратился в его хозяина, сеньора, сюзерена. Имея *двойственную* природу, он, с одной стороны, вынужденно способствовал технологическому прогрессу, а с другой – все больше его тормозил. В исторической перспективе это противоречие должно разрешиться таким образом: финансовый капитал вновь станет слугой развития производства и общества на весь оставшийся ему век, вплоть до его ликвидации. Причина – в базовой стратегеме НТР, которая состоит в опережающем развитии технологий, причем с «ускорением ускорения», что неизбежно должно привести к переходу к неэкономическим формам хозяйствования (и удовлетворения потребностей!) и исчезновению (*гибели!*) финансового капитала!

В заключение – две практические позиции, вытекающие из логики наших рассуждений:

1. Инновационная функция капитала еще не изжила себя и может быть поставлена на службу рациональному цивилизационному развитию. Опыт многих стран в предыдущие десятилетия показывает высокую эффективность «финансового форсажа» (термин Я. Миркина [12]), когда за счет форсированных финансовых вливаний в реальный сектор экономики ряда стран наблюдался мощный экономический рост, поскольку в результате создавались новые инновационные продукты, новые реальные потребности и дополнительные рынки. Для России этот опыт, подтверждающий сохранившуюся на данном историческом отрезке развития цивилизации инновационную функцию финансового капитала, бесценен.

Нам как воздух необходим финансовый форсаж – но не просто накачка экономики деньгами, а целенаправленные вливания в инновационные прорывные направления технологического развития; в направления, создающие новую экономику очередного технологического уклада: продукты на базе инфо-, когни-, нано-, био-, генно- и прочих технологий. Есть ли у нас средства? Да, я говорю об этом много лет. Мы имеем огромные и плохо используемые деньги. Наши ЗВР переразмерены примерно втрое, банковские активы в разы превышают ВВП, триллионы рублей россиян лежат под подушкой. И практически ничего ни во что не инвестируется. Я

не привожу цифр, я просто отсылаю вас к новой книге академика А. Г. Аганбегяна «Финансы, бюджет и банки в новой России» [1], где есть масса выкладок, подтверждающих приведенные утверждения. При рациональном использовании финансовых ресурсов мы смогли бы грамотно распорядиться инновационной компонентой института под названием финансовый капитал и стать экономическими лидерами будущего, поскольку экономические лидеры будущего – лидеры технологические!

2. Анализируя современные мирохозяйственные и военно-политические процессы, отметим еще один эффект неконтролируемой финансиализации. Непрерывный рост финансового капитала как концентрированное выражение потребности капитализма (в Марксовом понимании) в непрерывном извлечении прибыли требует постоянного расширения рынка, создания потребности получать и сбывать продукт снова и снова. Но экстенсивное расширение ограничено, а интенсивное – не всегда выгодно, так как сопряжено с дополнительными затратами и рисками. Тогда возникает соблазн расширить рынок не за счет освоения новых пространств или новых изделий, а ... путем уничтожения уже созданного/накопленного!

Способ «расчистки» рынков, к сожалению, хорошо известен. Это – война... И у нее в эпоху капитализма есть экономическая подоплека. Если ценности (запасы товаров, инфраструктуру и т. д.) выгоднее уничтожить – капиталист их уничтожит. Война при таком взгляде – не что иное, как «зачистка» социально-экономического пространства для новых рыночных экспансий. И чем мощнее финансовый капитал, тем проще его собственникам представляется такой способ его наращивания. В настоящий момент ситуация в мире становится критической: человечество находится на развилке истории. И тут либо нас ждет окончательная «победа» финансового капитала с весьма вероятной «расчисткой» рынков (в любой, в том числе военной, форме), либо будут найдены способы его ограничения и формирования НИО.2.

И если мы хотим сохранить свою цивилизацию, второй путь представляется безальтернативным.

Список литературы

1. *Аганбегян, А. Г.* Финансы, бюджет и банки в новой России / А. Г. Аганбегян. – М.: Издат. дом "Дело" РАНХиГС, 2018. – 400 с.
2. *Бодрунов, С. Д.* Выход из противоречий глобализации: Евразийское сотрудничество может стать общей дорогой к новой цивилизации / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 207. – С. 39–60.
3. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. – 328 с.
4. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
5. *Гильфердинг, Р.* Финансовый капитал / Р. Гильфердинг. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 491 с.
6. *Ершов, М. В.* Экономический суверенитет России в глобальной экономике / М. В. Ершов. – М.: Экономика, 2005.
7. *Котлер, Ф.* Основы маркетинга / Ф. Котлер. – М.: Издат. дом "Вильямс", 2007. – 656 с.

8. Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. – 299–426.
9. О стратегии развития экономики России / С. Ю. Глазьев, В. В. Ивантер, В. Л. Макаров [и др.] // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 3. – С. 7–31.
10. Пороховский, А. А. Деньги: функции и роль в XXI веке / А. А. Пороховский // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 12. – С. 108–114.
11. Рязанов, В. Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России / В. Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016.
12. Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / под ред. Я. М. Миркина. – М.: Магистр, 2014. – 496 с.
13. Binswanger, M. Stock Markets, Speculative Bubbles and Economic Growth: New Dimensions in the Co-evolution of Real and Financial Markets / M. Binswanger. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1999.
14. Minsky, H. Stabilizing an Unstable Economy / H. Minsky. – New Haven: Yale University Press, 1986.
15. Money and the Nation State. The Financial Revolution, Government and the World Monetary System / R. H. Timberlake, K. Dowd (Eds.), M. H. Miller (Foreword). – L., 1998.
16. Sweezy, P. The Triumph of Financial Capital / P. Sweezy // Monthly Review. – 1994. – Vol. 46.
17. Tobin, J. World Finance and Economic Stability: Selected Essays of James Tobin. – Cheltenham, Glos. et al.: Elgar, 2003.
18. Toussaint, E. Bankocracy / E. Toussaint. – Delhi: Aakar Books, 2017.

S. D. Bodrunov. Nooindustrial transition: the role of financial capital. S. D. Bodrunov traces the evolution of the money function, the genesis of financial capital and gradual strengthening of its role. The article emphasizes the dual nature of capital and demonstrates that hyperdevelopment of the financial capital poses a threat to economic sustainability. The hegemony of financial capitals in Russia constitutes the main cause of deindustrialization. Bodrunov perceives the restriction of financial capital as a factor in Reindustrialization necessary for the transition to the NIS.2. In order to engage the innovative function of capital, we require financial acceleration which can be achieved by investing in innovative segments of technological development.

Keywords: financial capital, hyperdevelopment of financial capital, transition to NIS.2, influence of capital on the economy, innovative function of capital, financial acceleration, nooindustrial transition.

Р. С. Гринберг¹

О ВЛИЯНИИ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ²

Рассматривается влияние финансового капитала на мировые экономики. На основе анализа роли денег в современном мире делается вывод о наличии как положительных, так и отрицательных моментов. Для нейтрализации негативного влияния предлагается введение налогов на краткосрочные финансовые операции и запрещение оффшоров, резко ослабляющих налоговую базу государства. Для усиления позитивной роли следует определить приоритетные направления и последовательно их финансировать.

Ключевые слова: финансовый капитал, роль денег, негативное и позитивное влияние, мировая экономика, запрещение оффшоров, финансирование приоритетных направлений.

УДК 330.254

Сергей Дмитриевич Бодрунов сделал сегодня очень последовательный доклад о гипертрофированном влиянии финансового сектора на мировую экономику. Это действительно так. Благодаря тому, что в мире происходят очень серьезные, даже мировоззренческие сдвиги, не говоря уже о политических, финансовая тема отошла на второй план. Потому что торговые войны, все против всех, ситуативные альянсы, появление Трампа совершенно изменили представление о ценностях.

Есть некий феномен, о котором говорил Сергей Дмитриевич, – это финансовый капитал, который из слуги превратился в господина. И этот феномен настолько широко распространился по всему миру, что можно говорить о появлении и укреплении мировой финансовой номенклатуры. От США до Китая существуют силы, заинтересованные в сохранении статус-кво – в господстве и доминировании финансового капитала. Я очень не люблю конспирологические теории. Есть еще теория глупости – стьюпидити, которая мне кажется более пригодной для объяснения феноменов, происходящих в мире и в России. Это отдельная тема. Но важно отдавать себе отчет в том, что эта номенклатура возникла естественным образом, и это очень важно, пото-

¹ Руслан Семенович Гринберг, научный руководитель Института экономики РАН и ИНИР им. С. Ю. Витте, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор.

² По материалам доклада на семинаре Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции» (28 сентября 2018 года).

му что очень сложно даже начать борьбу. Казалось бы, кризис 2008–2009 гг., который начался с кризиса ипотеки в США, доказал абсолютную бесперспективность господства финансового капитала. Кто-то хорошо нажил на этом кризисе. Ну, слава Богу, кого-то в тюрьму посадили. Но, в основном, все продолжается. И многие левые, и правые, и центристы считают, что опять надувается финансовый пузырь. И, похоже, система стимулов, приводящая к надуванию финансового пузыря, продолжает успешно жить.

Надо сказать, что есть предложения академических ученых по ограничению возможностей повторения ситуации, и это очень важно.

Приведу несколько афоризмов о роли денег в современном мире, чтобы сделать обсуждение не очень серьезным, хотя на самом деле тема – серьезная. Мне больше всего нравится такой афоризм: деньги – корень всякого зла, то же самое можно сказать и о безденежье. И еще мне нравится такая история (не помню, сам я это придумал или у кого-то списал, но очень нравится): деньги не приносят счастья, но очень помогают, когда счастья нет. Есть еще такой афоризм (он Гёте принадлежит): здоровье – далеко не всё, но без здоровья всё – ничто. То же самое можно сказать про деньги. Они не дают счастья, но без них тоже очень сложно жить.

Чем хороши деньги?

Во-первых, они облегчают обмен: шкуры на топоры люди меняли на протяжении столетий. Но вдруг придумали деньги. И, конечно, люди, которые их придумали, не предполагали, что эти деньги из вспомогательного средства превратятся в господствующий инструмент и главное благо, к которому надо стремиться.

Второй важный момент – перераспределение денег. Когда они нужны в одной сфере, но там их нет, и они не нужны в другой сфере, где они есть, возникает кредит. Это удивительное достижение человечества, и рост экономики в XX в. в значительной мере определен именно этим.

Третий момент, на котором я хотел бы остановиться, и выступить с легкой критикой позиции (назовем ее «Миркин – Бодрунов») финансового форсажа. Вообще говоря, деньги – это очень хорошее средство, чтобы оживить экономику. И все указывает на то, что для нашей любимой родины сегодня настал такой момент. А почему это так? Наша экономика 10 лет находится в состоянии стагнации. А если вычесть годы бурного роста цен на нефть и соответственно бурного роста экономики России, то окажется, что ежегодный прирост экономики на протяжении последней четверти века составлял примерно 0,8 %. Если бы в свое время россиянам, когда они отказывались от «плохого» социализма, сказали, что пройдет 25 лет, и темпы роста будут меньше 1 % в год, это был бы большой скандал для политиков, которые вели нас в лучшее будущее. Так что же такое сегодня деньги для нашей экономики? Есть спор между двумя научными школами. Одну возглавляет Алексей Леонидович Кудрин, системный (или уже не системный) либерал, теперь уже – придворный. Они считают, что все очень просто. На самом деле инвестиционный климат у нас плохой, очень плохо, что мы с Западом поссорились – и неважно, кто виноват. И очень плохо, что у

нас нет хороших проектов. Надо улучшать инвестиционный климат – это мы слышим уже четверть века. Можно было бы спросить у того же Алексея Леонидовича: а что мешало Вам раньше позаботиться об этом самом инвестиционном климате?

Сегодня мы наблюдаем очень позорную для развитой страны картину, когда почти 20 миллионов человек не учтены. Они работают, а про них никто ничего не знает, вообще не знает, а они работают, получают зарплату, детей учат и воспитывают. Умножьте на три (у кого-то есть жена или муж, или дети) – это сколько человек получается? Где-то 60 миллионов. Возникает вопрос, а почему так получается? Почему нельзя вывести их из тени? А потому что все боятся, что тогда экономика встанет полностью и окончательно. Ведь это они не от хорошей жизни работают в теневом секторе. Чтобы они вышли из тени и работали в нормальном секторе, необходимо сформировать инвестиционный климат, который им покажет, что работать нужно здесь. Так вот насчет форсажа. Кажется, все просто: если сейчас бросать деньги с вертолета или просто снизить процентную ставку, то начнется экономический рост. Так многие говорят. Я противник нынешней денежно-кредитной политики страны, но ее адепты правильно боятся того, что может случиться и что уже происходит в нашей стране. Например, в Америке или в Германии, когда нужно ускорить экономический рост, система накачивания экономики деньгами работает всегда. А у нас она не работает, потому что у нас слишком открытая и недиверсифицированная экономика, и абсолютно предсказуемый результат накачивания экономики деньгами – это перевод их в импортные товары либо в валюту. Значит, страна ничего не делает с валютными ограничениями, не проводит диверсификацию экономики, и это приводит к патовой ситуации. Но если этот форсаж есть, он должен быть более точечным. С. Д. Бодрунов правильно говорил: этот форсаж должен быть целенаправленным. Но для этого необходим выбор приоритетных направлений, которые нужно последовательно финансировать. Сегодня же мы видим историю в стиле «всем сестрам по серьгам». Это намного лучше для сохранения статус-кво – все более-менее счастливы, все получают какие-то деньги, и все молчат. Но нет никакого аппетита к инвестициям. И вот здесь я хочу привести самый лучший, самый циничный афоризм всех времен и народов за последнее время, это наше, русское изобретение. Что такое инвестиция? Ответ: инвестиция – это неудавшаяся спекуляция. В этом очень много смысла, это – краткое выражение господства денег.

Я перечислил три позитивных момента, связанных с деньгами. Теперь – плохие.

О первом мы уже говорили: когда деньги – хозяин, это – вред.

Второе – углубление материального неравенства, это очень важный момент. До кризиса 2008–2009 гг. мир занимался безответственным кредитованием. Барак Обама назвал это культурой безответственности. Когда финансовые институты давали деньги кому попало, они знали, что полученными деньгами они как-нибудь отобьются. Но все понимали, что этому придет конец, хотя никто не знал, когда будет «без пяти двенадцать». Вот когда вода кипит, мы знаем – при 100 °С. Там хоть понятно, когда она примерно закипит. А сегодня мы не знаем, когда вода закипит.

Мы видим, что надувается пузырь, но не знаем, когда он лопнет. И каждый думает, что он как-нибудь проскочит. Но так не бывает, и надо бы это исключить. С другой стороны, пресса, телевидение, СМИ – все заняты этим делом. И все кому-то принадлежит из финансовой номенклатуры, и поэтому никто не хочет задуматься о том, что нужно делать.

Третье, самое плохое – это гипертрофированная роль денег. Для молодых людей это особенно важно. Я считаю, что крен в сторону неолиберальной доктрины, когда главное – деньги, когда ты должен думать только о себе, абсолютно контрпродуктивная для человечества вещь. В советское время говорить о деньгах было неудобно, нельзя было показывать, что ты хочешь их иметь, хотя 90 % людей этого хотели. Было принято презирать деньги. Конечно, это была большая глупость, но не обязательно бросаться в другую крайность, когда деньги – это всё. Это – чистый эгоизм, без всякого альтруизма. Ты не должен думать об общественном благе, ты должен думать лично о себе, своих деньгах, заработке и стремиться к этому любой ценой. Здесь уже даже хорошее воспитание не спасает, потому что ты должен в этом мире жить. И я считаю это самой серьезной издержкой российской перестройки.

И последнее – что делать?

Во-первых, надо ввести налоги на краткосрочные финансовые операции; лауреат Нобелевской премии Джеймс Тобин это предлагал. Я думаю, это остается актуальным.

Ну, и что еще? Конечно, самое ужасное – это распространение оффшорных операций. Если мы действительно хотим сделать финансы вспомогательным средством для роста реальной экономики, о которой говорил Сергей Дмитриевич, то оффшоры должны быть запрещены, потому что их существование резко ослабляет налоговую базу государств.

R. S. Grinberg. On the influence of financial segment on the global economy. R. S. Grinberg considers the influence of financial capital on the global economy. He analyzes the role of money in the modern world and delineates its positive and negative aspects. In order to neutralize the negative effect, Grinberg suggests the introduction of taxes on short-term financial operations and a ban on offshores which exude a sharply negative effect on tax base at the state level. As for the positive aspect, it can be amplified once we determine priority trends and ensure their consistent financial support.

Keywords: financial capital, role of money, negative and positive influence, global economy, off-shore ban, financial support of priority segments.

А. В. Бузгалин¹

ДЕНЬГИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН²

Деньги и финансовый капитал рассматриваются как феномен, имеющий исторические пространственные границы. Отмечается актуальность подхода С. Д. Бодрунова – исторический взгляд на развитие денег и финансового капитала. В пространстве рыночной экономики деньги рассматриваются как товар особого рода, всеобщий эквивалент, позволяющий купить все, что продается. С появлением фиктивного капитала деньги теряют это качество и могут превратиться в ничто. Показано, что в будущем капитал утратит роль главного регулятора экономического процесса. Автор считает, что ограничение виртуального финансового капитала должно осуществляться нерыночными методами – путем прямого вложения ресурсов в экономику из государственного бюджета.

Ключевые слова: деньги, роль денег, финансовый капитал, исторический феномен, фиктивный капитал, виртуальный капитал, количественное изменение денег, ограничение виртуального финансового капитала.

УДК 332.254

Мы сегодня обсуждаем очень многогранную тему, и, естественно, что спектр выступлений варьирует от характеристики конкретных проблем финансовой жизни мира и России до прогнозов будущей посткапиталистической революции. Мне хотелось бы вернуться к нескольким ключевым положениям доклада С. Д. Бодрунова «Нооиндустриальный переход: роль финансового капитала», который мы прослушали, и подчеркнуть значение тезисов, на которые часто не обращают внимания. Прежде всего – это тезис об историческом развитии финансового капитала (в исходном пункте – даже еще не финансового капитала) и денег. Нам представляется, что деньги и финансы – это нечто вечное, более того – это единственное пространство жизнедеятельности экономики. Так чаще всего мы смотрим на этот феномен, даже не задавая себе вопроса: «Когда же большая часть человечества стала жить в условиях де-

¹ Александр Владимирович Бузгалин, профессор кафедры политической экономии МГУ имени М. В. Ломоносова, научный руководитель Московского отделения ИНИР им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук.

² По материалам доклада на семинаре Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции» (28 сентября 2018 года).

нежного мира?». Этот вопрос в той или иной форме я постоянно задаю студентам (иногда и профессорам) в самых разных странах мира. Разброс в ответах велик: от третьего тысячелетия до нашей эры до начала XX в. И это не случайно. Прежде всего, мы, профессиональные исследователи, сами до сих пор с трудом осознаем, что люди живут не только в США и Западной Европе. Подавляющее большинство научных работ посвящено именно этим экономикам, и только в довольно узком круге специальных исследований рассматриваются проблемы «развивающихся экономик». Пожалуй, лишь в последние 10...15 лет все больше экономистов стали признавать правомерность включения в научный дискурс проблематики Китая, в меньшей степени – Индии и других стран со стремительно развивающимися рынками.

Вслед за историческим исследованием, представленным в докладе профессора С. Д. Бодрунова, мы можем дать достаточно неожиданный ответ на вопрос, когда люди стали жить в денежном мире. Я перефразирую этот вопрос и спрошу: когда большинство жителей земного шара стали грамотными, научились читать, считать и писать? (Без этих умений денежный мир невозможен.) Ответ достаточно прост: примерно в 1920–1930-е гг., по самой оптимистической оценке. Можно сказать, что до этого времени в мировом масштабе люди производили и потребляли в большинстве своем, не опосредуясь деньгами.

Второй момент, который мне хотелось бы подчеркнуть и который был в теоретической форме представлен в докладе. Я адресую свой вопрос молодым участникам нашего семинара. Скажите, пожалуйста, в современном мире существуют внеденежные пространства, в которых можно производить и потреблять так, чтобы деньги при этом не имели никакого значения? Я отвечу на этот вопрос утвердительно. Приведу пример: я не знаю такого студента, который бы не брал бесплатно из бесплатного источника бесплатно созданную важнейшую продукцию современного мира – информацию. Мы все ее берем из Википедии, из Google и т. д., и т. п. И даже книги на нашем научном семинаре сегодня распространяются бесплатно. Авторы бесплатно делятся тем, что они наработали за последние месяцы, годы и десятилетия исследовательской деятельности. Аналогично, бесплатно делятся знаниями и профессора, и студенты, и молодые исследователи – во время семинаров, конференций и других научных и образовательных мероприятий. Таким образом, огромное пространство человеческой деятельности – прежде всего креативной – лежит в сфере, где денег нет, и они не нужны. Не нужны как предпосылка.

Это небольшое, но очень важное введение. Деньги, и тем более финансовый капитал, – это исторический феномен, причем феномен, имеющий не такие безумные исторические пространственные границы, как нам подчас кажется. Тезис очень многих великих экономистов о том, что экономика – это деньги, а деньги – это то, чем занимается министерство финансов, подтвержденный всевластием Министерства финансов в России, на самом деле является некорректным.

Второй важный тезис, представленный сегодня в докладе профессора С. Д. Бодрунова – это исторический взгляд на развитие денег и финансового капита-

ла. Такой подход является нетипичным. Сегодняшняя экономическая теория живет в одномоментном срезе локального пространства. Временного измерения как бы нет, качественных изменений, происходящих на наших глазах, тоже как бы нет, за исключением тех случаев, когда вдруг появляется биткоин или что-нибудь еще, и все вдруг начинают осознавать – что-то может измениться. Между тем, деньги претерпели качественное изменение, превратившись сначала в капитал, потом – в финансовый капитал. Точнее, до этого был еще фиктивный капитал, потом – финансовый, который затем стал виртуальным, а сейчас вообще уходит в сферу неопределенного киберпространства в виде криптовалют. Это все произошло на протяжении чуть более ста лет. Возник феномен, который привел, на мой взгляд, к качественному изменению денег и поставил под вопрос само их существование. Кстати, еще один интереснейший тезис доклада, на который прошу всех обратить внимание и который, к сожалению, не был акцентирован. Это то, что у финансового капитала, у денег есть историческая граница, и связана она с переходом к новому качеству общественной жизни, экономики и материального производства, к тому, что в книге профессора Бодрунова называется ноономикой.

Сначала скажу кратко об этих качественных переходах. Первое: деньги – это товар особого рода, который появляется на мировом рынке и имеет стоимость. Чтобы золото вышло на рынок, его надо добыть и отчеканить монету. Это труд, который имеет универсальную форму. Второе: на этой основе деньги превращаются во всеобщий эквивалент. Для студентов я часто привожу пример джина: потеряли волшебную лампу Алладина, появился джин, готовый исполнить любое желание хозяина лампы. Деньги – это своего рода аналог джина в реальной жизни: если вы вынимаете из кармана банковскую карту, желательную платиновую, за которой стоит соответствующий счет в банке, вы получаете возможность купить все, что продается. Но тут возникает еще один момент: все перечисленное характерно только для пространства рыночной экономики. А за пространством рыночной экономики всегда лежало то, что не покупается и не продается. Студентов при рассмотрении темы денег я всегда прошу перечислить, чего нельзя купить и что нельзя продать. Бывают очень глубокие ответы, но часто отвечают, что купить и продать можно все.

Итак, деньги в пространстве рыночной экономики – это всеобщий эквивалент, т. е. товар, который обладает свойством всеобщего эквивалента, свойством потенциального удовлетворения потребностей во всем, что можно продать и купить. Но как только появляется фиктивный капитал, деньги становятся зависимыми от деривативов, от всего, что обращается на финансовом рынке: от акций, облигаций, фиктивного капитала и производных денежных инструментов. Выясняется, что это – «как бы деньги». Когда мы доходим до агрегата М3, в который входит огромное количество «не совсем денег» (выражаясь простым языком), выясняется, что эти «не совсем деньги» в любой момент могут превратиться в ничто. Деньги теряют свое качество всеобщего эквивалента и становятся продуктом капитала. В России то, что деньги могут превратиться в ничто, старшее поколение не раз испытало на собственном

опыте: сбережения в советских рублях превратились в ничто за нескольких месяцев; во время дефолта сбережения в постсоветских рублях уменьшились в несколько раз за короткое время, по мановению волшебной палочки в руках лиц, принимающих решения; курсы валют в настоящее время испытывают серьезные колебания. Все это свидетельствует о том, что деньги перестали быть в полной мере всеобщим эквивалентом. Попав в киберпространство, деньги превратились в виртуальные. Слово *virtual* в английском имеет два значения: 1 – виртуальный, располагающийся в интернет-пространстве, в кибер-пространстве, 2 – вероятность какого-либо феномена. То есть виртуальные деньги – это «как бы деньги», «возможно деньги», «только с некоторой степенью вероятности деньги как всеобщий эквивалент». Почему же происходит это превращение, подрыв качества денег, благодаря которому они играли свою историческую роль на протяжении длительного времени? Ответ на этот вопрос последовательно развит в докладе профессора С. Д. Бодрунова. Причиной этого является финансовый капитал в его качестве «паразитического посредника», а не источника воспроизводства, обеспечивающего технологическое, экономическое и социальное развитие.

Когда финансовый капитал перестает быть главным источником воспроизводства технологического, экономического и социального развития, он порождает, ускоряет дальнейшую виртуализацию денег во втором смысле, т. е. вызывает превращение денег в «как бы деньги» и их отрыв от своего качества всеобщего эквивалента. Этот процесс сегодня развивается очень активно. Более того, он приобретает неожиданное качество зависимости от функционирования экономического процесса, т. е. от тех, кто эти деньги «делает». Сегодня деньги «делает» не только система государства. Многие знают, что Федеральная резервная система (ФРС) США – это частный институт, за которым стоят крупнейшие банки Соединенных Штатов Америки. Большая часть ФРС – это 10 крупнейших банков США. Это и есть «сделанный» финансовый капитал, являющийся продуктом субъектного и субъективного, зависящего от воли и сознания участвующих в этом процессе акторов. Такие действия становятся на самом деле угрозой для мирового экономического процесса.

Дальше встает вопрос о поисках решений проблем, которые возникают вследствие того, что деньги: а) продукт фиктивного финансового капитала; б) виртуальные, двояковоероятностные, обращаются в киберпространстве; в) являются продуктом деятельности субъектов, а не некоторым объективным феноменом, каковым было золото, выступающее в качестве мирового всеобщего эквивалента. В результате встает вопрос, что дальше? Один из ответов представлен в докладе профессора С. Д. Бодрунова. Отмечу, что во многих ключевых положениях я с его позицией согласен. В принципе, в будущем нас ждет отмирание финансового капитала как главного регулятора экономического процесса. Промежуточный шаг состоит в подчинении финансового капитала задачам экономического и социального прогресса, прежде всего – прогресса Человека.

Что касается механизмов этого процесса, то здесь я хотел бы немного по дискутировать с предшествующими докладчиками. На мой взгляд, ограничение виртуального финансового капитала должно осуществляться нерыночными методами. Такая постановка вопроса может у кого-то вызвать в памяти образ матроса с ружьем (мы, кстати, находимся недалеко от Зимнего дворца, который когда-то охранялся такими матросами). Прозвучит фраза «караул устал» или что-то в этом роде, в результате – банк закрывается, приходит матрос Железняк и становится новым директором банка. Но это – фантазмагорическая картина. Здесь же речь идет о другом, о том, что для финансового капитала, как и для любых других рыночных транзакций, могут быть созданы коридоры, определенные рамки, в которых происходит функционирование рынка и финансового капитала и вне которых рынка нет. То есть, для рынка создаются некие пространства, в которых рынок функционирует, в них есть все условия для рынка, для финансового капитала, но одновременно существуют и другие пространства, в которых рынка нет. И каждый из нас выбирает, в каком пространстве ему жить. Конечно, будет диффузия на границе, будут огромные противоречия – от этого никуда не уйдешь, но сама постановка вопроса о том, что есть внерыночные, пострыночные пространства – на мой взгляд, очень важна.

И это – выбор, который стоит перед каждым из нас, особенно перед молодым поколением. Стоит выбор, куда пойти: в финансовую корпорацию в надежде, что вас не заставят работать по 12 часов в сутки без выходных, а через 5 лет вы станете крупным финансистом и будете получать огромные деньги? Или учителем в школу, ассистентом в университет, младшим научным сотрудником в Академию наук – с зарплатой, которая позволяет нормально жить, заниматься творческой исследовательской деятельностью, пользоваться общественным транспортом, но на которую не купишь, например, хорошую машину. Это – реальный выбор. Но, на мой взгляд, этот выбор – не такой уж мучительный, потому что заниматься наукой, преподавать гораздо интересней и приятней, чем сидеть в офисе по 12 часов в сутки, чтобы потом на заработанные деньги пойти в фитнес-центр и, наконец, привести себя в порядок, чтобы потом снова по 12 часов в сутки сидеть в офисе. Выбор этот, безусловно, не такой простой. Но в случае такой постановки вопроса мы выходим за границы рыночного пространства.

И тогда встают принципиальные вопросы.

Если говорить об экономическом развитии, о технологиях, то здесь создаются точно такие же пространства – пространства, в которых мы действуем нерыночными методами, осуществляем прямое общественно-государственное воздействие на экономику. И в данном случае деньги, которые мы будем расходовать на что-то в рамках этих пространств, будут уже планово-нормативными ресурсами, а не деньгами в точном политико-экономическом смысле этого слова.

Приведу последний пример в качестве иллюстрации этого тезиса: во время кризиса 2008–2009 гг. во многих странах встал вопрос – что делать, как спасти? И ответом было – «спасти при помощи государства», хотя, исходя из принципов ры-

ночной экономики, государству следовало бы сказать: «Друзья-финансисты, вы играли в «казино-капитализм» (термин не мой, его ввели американские исследователи). В казино люди не только выигрывают, но и проигрывают. Вы проиграли – значит, разоритесь. В результате вашего разорения не будет многих частных финансовых институтов, ну и что из этого? Ничего страшного. Несколько миллионов человек останутся без работы, вы можете пойти в школы преподавать, например, арифметику, никаких проблем с таким трудоустройством не будет. Будете получать нормальную зарплату, вы ведь убеждены, что учителя получают достойное вознаграждение за свой учительский труд». Но государства большинства стран вместо такого рода действий (которые я представил намеренно утрированно, полностью сохранив смысл в соответствии с принципами свободного рынка) решили взять деньги из карманов налогоплательщиков для помощи компаниям, пострадавшим во время кризиса.

А дальше – развилка. *Первый вариант*: помочь погасить долги частных финансовых институтов в надежде на то, что эти институты вернут долги банкам в надежде на то, что банки за счет возвращенных им средств дадут кредиты реальному сектору в надежде на то, что реальный сектор эти кредиты использует для расширения производства в надежде на то, что при расширении производства рабочим заплатят достойную зарплату, которая позволит им удовлетворить свои потребности, и в результате этой длинной цепочки действий, в которую вовлечены все основные акторы экономики, экономика начнет расти. Но даже для неспециалиста очевидно, что в случае реализации этого варианта значительная часть денег, направленных на ликвидацию последствий кризиса, уйдет в оффшоры. *Второй вариант*: прямое вложение ресурсов в экономику из государственного бюджета – абсолютно не рыночный метод прямого инвестирования, в духе госплана советских времен. Этот метод использовал Китай, обеспечив не 12 % роста, как до кризиса, а «всего лишь» 7 % роста, тогда как в России произошел 10 %-ный спад экономики. Здесь я поставлю многоточие...

A. V. Buzgalin. Money as a historical phenomenon. A. V. Buzgalin analyzes money and financial capital as a historical phenomenon with historical spatial boundaries and pinpoints the relevance of S. D. Bodrunov's historical perspective on the evolution of money and financial capital. In the market economy, money is perceived as a special type of goods, namely a general equivalent used to buy anything that is up for sale. With the emergence of fictitious capital, money loses that characteristic and may become redundant. The author shows that in the future capital will no longer serve as the chief regulator of economic processes. According to Buzgalin, the restriction of virtual financial capital should be performed through non-market measures, i.e. direct investment of resources into the economy of the federal budget.

Keywords: money, role of money, financial capital, historical phenomenon, fictitious capital, virtual capital, quantitative money changes, restriction of virtual financial capital.

К. А. Хубиев¹, А. Х. Текеева²

УНАСЛЕДОВАННЫЕ ОТ ПРОШЛОГО И ПРИОБРЕТЕННЫЕ СОВРЕМЕННОСТЬЮ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ³

Статья посвящена противоречивой природе и роли денег и денежных инструментов. Феномен, называемый финансиализацией, охватывает сложную совокупность отношений. Предлагается аналитически разграничивать содержание, роль и функции денег как таковых и иных по своему содержанию отношений, сопровождаемых денежной формой, включая деривацию ценных бумаг. Появление криптовалюты, связанное с цифровыми технологиями, рассматривается как этап развития денег в их закономерном продвижении к всеобщности формы общественного богатства. Обращается внимание на нарастание негативных проявлений в историческом развитии денег и необходимость опережающих теоретических исследований в этой области. Отмечаются масштабность и историческая важность научно-технологического прорыва. На основе изучения источников Н-ТР делается вывод о проблематичности решения этой задачи без существенного изменения экономической политики с ее переориентацией на реальный сектор. Приводятся источники и ресурсы для ускоренного развития Н-ТР в России.

Ключевые слова: финансиализация, деривативы, криптовалюта, научно-технологическая революция, всеобщая форма общественного богатства, реальный сектор экономики.

УДК 332.254

Изобретение денег – одно из величайших изобретений человечества в процессе стихийной, но целесообразной деятельности, наполненной стремлением к рациональности и эффективности экономических отношений, ежедневно проверяемых и подтверждаемых практикой. Их значение не ограничивается областью экономики. Они являются мощным фактором цивилизационного развития. Для определения роли денег в экономическом и цивилизационном развитии часто (особенно в студенческой аудитории) предлагается ответить на вопрос: где бы находилось человечество, если

¹ *Кайсын Азретович Хубиев*, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р экон. наук.

² *Альбина Ханатиевна Текеева*, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, канд. экон. наук.

³ По материалам доклада на семинаре Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции» (28 сентября 2018 года).

бы не было денег? Конкретных вычислений нет. Но нетрудно спрогнозировать, что без обмена человечество и теперь пребывало бы недрах натурального хозяйства с примитивными технологиями и определяемыми ими хозяйственными и общественными укладами. А обмен без денег остановил бы развитие человечества на дальних подступах к промышленной революции.

Но с развитием экономики и общества сами деньги тоже развивались, и наступил период, когда «великие деяния» денег и порождаемые ими отношения и инструменты превратились в свою регрессивную противоположность. В этом контексте возникает необходимость исследования финансиализации, где переплетены противоречивые и фетишистские элементы, связанные с развитием денег, а также порожденные и сопровождаемые ими отношения и инструменты, имеющие свое собственное содержание. В научном отношении это довольно сложная задача, а в практическом плане – чрезвычайно важная. Основная сложность состоит в том, что деньги в их собственном содержании смешивают с финансами, для которых они являются формой, хотя и сохраняют собственное содержание и форму. Например, в денежной форме может существовать ростовщический или какой-нибудь другой капитал. Но отношение ростовщичества – это не элемент внутреннего содержания денег или их функций. Некоторые финансовые инструменты, вообще не имеющие денежной формы, вместе с деньгами «сваливаются» в одно множество под названиями «финансы», «финансовый капитал», «финансовая система». Разграничение названных выше понятий необходимо и практически важно, когда происходят финансовые кризисы и ставится задача борьбы с ними. При ошибочном методологическом подходе, смешивающем содержание и форму разных отношений или отождествляющем их, могут быть выбраны ошибочные направления и средства борьбы с финансовыми кризисами и негативным влиянием совокупности, охватываемой понятием финансы, на экономическое развитие.

Приступая к обсуждению проблем финансиализации, введем категориальное уточнение. Как отмечалось выше, речь идет о сложном комплексе отношений, где деньги как таковые в своем собственном содержании представляют лишь один из элементов, причем меньше всего ответственный за финансовые кризисы, торможение индустриального развития, за неравенство в распределении доходов. Более или менее правдоподобным основанием «для возложения вины» на деньги является представленная в них всеобщность общественного богатства.

Экономика в основном страдает не от денежной массы, а от всякого рода финансовых инструментов, которые сейчас принято называть деривативами. Теоретически и практически следует разделять «нормальные» деньги, долговые или кредитные деньги, ценные бумаги и всякого рода суррогатные платежные средства, которые в совокупности образуют то, что принято называть финансовой системой. Тогда точнее будут определены направление критики финансиализации и, соответственно, выработки экономической политики ее преодоления. Такое уточнение позволяет определить, что именно в умножении видов и форм ценных бумаг заключается основная

проблема финансиализации экономики. За каждым видом новой ценной бумаги тянется целый шлейф усложняющих событий. Во-первых, для обеспечения их оборота отвлекаются деньги, которые могут быть использованы в реальном секторе, в том числе для инновационного развития. Во-вторых, каждый вновь появляющийся вид ценной бумаги притягивает к себе новую форму дохода без создания эквивалента реальных благ. С появлением очередного вида ценной бумаги возникает вопрос: а сколько еще может выдержать экономика ценных бумаг, которые обременяют общество, притягивая к себе все возрастающую часть общественного дохода без эквивалентного встречного потока?

Далее, обсуждая проблемы финансиализации, разграничим реальный и финансовый сектора. Отечественная статистика определяет их по ведомственному признаку: банки – финансовый сектор, заводы – не финансовый сектор. Более точным будет разграничение на основе кругооборота капитала. Если завод на свою прибыль или оборотные средства приобретает ценные бумаги, в этой части своей деятельности он не может быть отнесен к реальному сектору.

Обратимся к практической части проблемы. Трамп в начале своего президентства решил отказаться от Транстихоокеанского партнерства, и многих аналитиков это крайне удивило. Ведь этот крупный международный проект создавался его предшественниками для того, чтобы продвигать американские товары на азиатско-тихоокеанский рынок. А в совокупности с трансатлантическим проектом планировалось создать миропорядок с абсолютной мировой торгово-экономической гегемонией США, поскольку эти два глобальных проекта охватывали половину мировой торговли. Возникли даже вопросы об отказе новой американской элиты от мирового экономического господства. Оказалось, нет – был выбран другой путь и другие средства к той же цели.

Позже выяснилось, что Трамп сделал основную ставку на реальный сектор американской экономики. Это подтвердилось его последующими шагами: он резко сократил налог на прибыль корпораций, освободил их от давления экологических требований, создал внутренние оффшоры, ввел ускоренную амортизацию в важных секторах и т. д. Трамп сделал ставку на мировое экономическое господство через реальный сектор, предоставив ему возможность выдвинуться на мировой рынок с помощью относительно дешевых и качественных товаров. Конечно, он решал и внутренние проблемы, но и о внешних рынках не забывал. Основной акцент был направлен на поддержку реального сектора – хороший урок для российского руководства. Годами и даже десятилетиями на уровне фронтовых сводок проявляется интерес к трем основным проблемам (фондовому, денежному и валютному рынкам), вместо того, чтобы сделать серию правильных шагов в направлении поддержки реального сектора. В связи с этим хотелось бы сказать добрые слова в адрес ИНИР имени С. Ю. Витте, который с момента создания поставил вопрос о развитии реального сектора экономики, в инновационно-технологически-революционном ключе. В этом смысле ИНИР им. С. Ю. Витте был создан не конъюнктурно, а стратегически. Это

выразилось в названии института и проявилось во всех последующих мероприятиях: конгрессах, конференциях, семинарах. У российского руководства еще есть шанс последовать примеру Трампа и, пусть со значительным запозданием, опереться на отечественных ученых и практиков для решительного разворота экономической политики в сторону развития реального сектора на инновационной основе для решения задач научно-технического и социального прорыва, как заявлено в майских (2018 г.) указах Президента РФ.

Далее, обратим внимание на новые угрозы и вызовы. Проблема финансирования экономики обсуждается довольно давно. Но появились новые, еще не изученные угрозы, в которых следует разобраться. Одной из главных претензий к мейнстриму является упрек в ослаблении прогностических возможностей. В частности, они не предсказали появление последнего кризиса и криптовалюты, которая не просто появилась, она начинает выполнять все функции денег. Более того, уже претендует на функции капитала – ростовщичество, спекулятивные сделки с криптовалютами. Приходится слышать (и читать), что за криптовалютами стоят только какие-то сложнейшие безымянные компьютерные технологии, основанные на доверии в обход посредников, в том числе и государства. Деньги в любых своих разновидностях являются «представителями» общественного богатства, и какие бы формы они ни принимали, им всегда обеспечено пристальное и заинтересованное внимание со стороны отдельных лиц, групп лиц, организаций и государства. Возможны новые угрозы, может быть, даже более серьезные, чем от деривативного размножения ценных бумаг. Для объяснения этой ситуации обратимся к небольшому сюжету.

Все этапы развития денег подчиняются одной закономерности: деньги появились на свет как всеобщая форма общественного богатства, где в единичном представлено всеобщее. И все этапы развития денег есть развитие этой всеобщей сущности. Сначала они сбрасывали с себя товарную форму, превращаясь в бумажные, потом электронные и т. д. Восходя по ступеням развития, деньги все больше продвигались в доказательстве привилегированного положения своей всеобщности, где в единичном (деньги) представлена всеобщность (прямая непосредственная обмениваемость на все многообразие благ).

Процесс развития денег не является безоблачным. Двоякого рода токсичные выбросы в экономику сопровождают развитие этого ценного общественного инструмента. Во-первых: деньги как универсальная и всеобщая форма общественного богатства всегда возбуждали желание владеть как можно большим их количеством. В этом стремлении, особенно в достижении цели, люди действовали по-разному. Одни удовлетворяли свои устремления созданием эквивалента в единичной форме общественного богатства и обменом на всеобщее. Другие стремились бесплатно завладеть свидетельством на общественное богатство. Развитие технологии изготовления металлических денег привело к появлению фальшивомонетничества в разных формах, то же самое произошло и при возникновении бумажных денег. На уровне электронных денег появились новые способы безвозмездного завладения.

В основе этих аномальных путей развития денег – сама природа и форма всеобщности денег, а также элементы криминально-корыстной природы человека. Но есть и другие основания для появления негативных фрагментов в развитии и функционировании денег. Инфляция и гиперинфляция не могут быть обусловлены порочной природой отдельных лиц. Двойное основание для негативных явлений в развитии денег сохраняется на всех этапах их развития (за некоторым исключением для металлических денег). При этом обнаружилась тенденция: на более развитых этапах возникали более масштабные угрозы. Достаточно сравнить самые громкие ограбления с похищением металлических и бумажных денег со скромными фактами завладения электронными деньгами через хакерские атаки. Есть основания полагать, что отмеченная тенденция не прервется с появлением новой формы денег, связанной с цифровыми технологиями. Экономическая наука «пропустила» появление криптовалюты. Чтобы не пропустить прогнозы ее негативных последствий, необходимы теоретические исследования этого нового явления глобального масштаба.

Появление криптовалюты не является последним этапом в историческом развитии денег, в их движении к своей сущности, поскольку пределы всеобщности еще не исчерпаны. Представляется, что эти пределы находятся в рамках всеобщих форм существования пространства и времени. То есть в любом пространстве и в любое время деньги должны иметь способность превратиться в любую конкретную форму общественного богатства с абсолютной мобильностью, портативностью, защищенностью, масштабной делимостью и сложимостью и т. п. Возникновение криптовалют – один из этапов движения денег к своей всеобщности, и едва ли последний. Здесь обнаруживается еще одна интересная деталь. В свое время преградой в движении денег к всеобщности стал захват государством процесса создания денег и даже их функций – деньги превратились в фиатные.

Криптовалюта обходит государство и самостоятельно стремится утвердить себя в структуре мировой и национальных экономик. Что за этим следует? С одной стороны, может быть, деньги в виде криптовалют освобождаются от опеки государства; с другой стороны, появляется неконтролируемая сила, которая может тяжело ударить по экономике.

Проблема финансовализации в современных условиях имеет не только сугубо теоретические, но и практические контексты с драматическим насыщением. Научно-технологический прорыв оказался жизненно важной необходимостью для России в XX в. Либо она вырвется из стагнационной воронки и займет достойное место в глобальном тренде мирового экономического развития, либо окажется на обочине мировой экономики с истощающимися природно-сырьевыми ресурсами. Если исходить из безальтернативности Н-ТР, то возникает существенный вопрос о ресурсах для модернизации. В чем состоит драматичность ситуации при поиске ответа на этот вопрос? Четверть века назад руководством страны, плотно окруженным экономистами определенного толка, был взят на вооружение стратегический курс, который привел к нынешнему положению в области производительных сил. Стратегия исходила

из того, что в стране существует неэффективная государственная экономика, и стоит только передать государственные ресурсы частным лицам, как появятся индивидуальный интерес, конкуренция, предпринимательская состязательность, на базе которой возникнут потоки инноваций, ибо конкурентное преимущество обеспечивают прежде всего инновации. Была твердая уверенность в том, что этот негосударственный сектор, «заведенный» силами частного интереса, двинет технологии вперед, и Россия вырвется на ведущие позиции в Н-ТР. В сказанном нет преувеличений.

Так рисовалась картина, когда государственную собственность превращали в негосударственную. Вот уже 25 лет прошло – четверть века, «а репа не растет». Нельзя утверждать, что нет отдельных очагов и фактов прогресса. Но на уровне национальной экономики проблема не только не решена, еще не полностью преодолены последствия технологической деградации и деиндустриализации. Обратимся к последним майским указам Президента РФ. Их суть и цель – научно-технологический прорыв! Но за счет каких ресурсов и кто должен стать основным субъектом. Частный сектор, которому переданы государственные ресурсы, жизненно важную для национальной экономики проблему не решил⁴. Теперь государство, не надеясь на частный сектор, берет на себя задачу и функцию технологического прорыва. Но оно уже лишилось основной доли ресурсов. Главное противоречие, сложившееся в современной ситуации, состоит в том, что субъект, наделенный ресурсами, проблему Н-ТР не решает, а субъект, взявшийся за ее решение, достаточными ресурсами не обладает. Возникает очень серьезный вопрос о реализуемости указов Президента РФ. Но поставленные цели и задачи являются жизненно важными для судеб страны, поэтому источники ресурсов надо изыскивать. В силу исключительной

⁴ Сказанное не означает, что частный капитал не решает задачи технологического прогресса. В странах развитого капитализма именно частный капитал был основным актором технологического развития. Из этого факта догматически исходили российские реформаторы. Но сложившаяся в России ситуация требовала специального анализа и особого решения. По сей день актуален ответ на вопрос: почему частный капитал, справившись с задачей Н-ТР в одних странах, дал осечку в России? Отвечали на вопрос российские экономисты, критически относившиеся к проводимым реформам. Суть аргументации состояла в том, что заработанная собственность и наделенная частная собственность имеют разные цели и разный потенциал Н-ТР. Эта позиция поддержана в теории поведенческой экономики. В ее рамках «эффект наделенности» сопровождается той же аргументацией: собственность на приобретенное (заработанное) благо и собственность на даром наделенное благо дают разные мотивации экономическим агентам. Примитивный догматизм в выборе стратегии развития привел к потере исторического времени длиной в четверть века, разрушительным результатам в экономике, особенно в промышленности. Близким примером альтернативного решения задач переходной экономики с диаметрально противоположными результатами явился опыт Китая, у руководства которого нашлись политическая воля и интеллектуальные силы, чтобы творчески и конкретно-исторически подойти к экономическим реформам. Вознаграждением оказались результаты стремительного развития Поднебесной на фоне экономической деградации в России, где к 1998 г. ВВП сократился на 50 %, а инвестиции упали на 80 %.

важности вопроса выскажем свои суждения, некоторые из которых могут показаться острыми и даже провокационными.

Задача Н-ТР столь важна, что для поиска направлений и ресурсов для ее решения следует обратиться к достаточно острым и непопулярным вопросам. Для решения важнейшей задачи национального значения необходимо существенное изменение экономической политики, а это требует изменений в отношениях собственности и главных потоках доходов.

1. Предлагая изменения в отношениях собственности, мы не имеем в виду возврат к тотальной национализации. В сложившихся условиях это невозможно и неэффективно. Раз частный капитал, которому четверть века назад были отданы государственные ресурсы, не справился с проблемой технологического прогресса, государство должно набраться политической воли и совершить другую акцию такого же масштаба, как приватизация. Для этого предприятия следует объявить объектами открытого инвестиционного конкурса с конкретными научно-техническими заданиями (с учетом отраслевой специфики). Дополнительные инвестиции инновационного характера должны быть критерием конкурсного состязания претендентов, каковыми могут быть прежние хозяева, новые отечественные и зарубежные субъекты, а также государство. Если этот конкурс выиграют прежние собственники – флаг им в руки, пусть реализуют свои инвестиционные обязательства. Если эти конкурсы выиграют новые субъекты, то они должны будут выплатить прежним собственникам средства, затраченные при приватизации этих объектов. Это не схема – отнять и поделить. Смысл предложения состоит в переходе ресурсов к инновационно мотивированным и состоятельным субъектам с компенсационными выплатами прежним собственникам.

2. По нашему убеждению, одной из главных проблем развития нашей экономики и фактором ее торможения является глубоко эшелонированная коррупция. Миллиардные коррупционные аферы, о которых становится известно, – это только вершина айсберга. Коррупционная система пронизывает всю экономику. Здесь пока нет готовых экономических рецептов, необходим поиск институционально-правовых и политических средств.

3. Еще одна проблема – безвозвратный переток созданных в стране доходов за рубеж не только в форме оффшоров, но и в виде инвестиционных вложений, банковских вкладов, приобретения имущества и ценных бумаг. Ограничимся примерами: сообщения о продаже «Челси» за 3 млрд долларов, о стоимости имущества самых крупных олигархов, где цена яхты доходит до полумиллиарда долларов, поражают воображение. Но и это только вершина айсберга. Эти средства тоже являются потенциальными источниками решения задачи технологического прорыва.

4. Источник Н-ТР содержится в перенаправлении основных денежных потоков. При физиократическом взгляде на экономику России представляется картина, где совокупный труд в народнохозяйственном комплексе выливается в денежные потоки, которые выплескиваются вовне, материализуясь за рубежом в недвижимость, бизнес, спортивные клубы и т. п. И здесь требуется государственная воля. К сонму

олигархов надо обращаться не как к священным коровам, а хотя бы как к резидентам страны. Ведь миллиардные состояния они нажили, не продвинув человечество (как Билл Гейтс, например), а только потому, что государство позволило им хорошо отщипнуть от народного пирога. Теперь «благодетель» (государство) имеет все основания призвать своих «подданных» на помощь в осуществлении великой цели посредством инвестиций в научно-технические инновации.

5. Государство имеет право и даже обязано от имени народа присваивать все доходы рентного и монопольного происхождения, в том числе от продажи алкоголя и иной спиртосодержащей продукции (кроме, разумеется, лекарственных средств).

6. Следует выработать схемы и методы привлечения средств населения, обременяя налогом нахождение у лиц денег сверх временного лимита и поощряя инвестиционное вложение денег субсидиями и льготными условиями приобретения продукции инвестируемых предприятий реального сектора.

С учетом дискуссионности некоторых положений хотелось бы в заключение отметить, что стоящие перед страной задачи столь важны, что их решение требует организации широкого поиска и научных обсуждений.

K. A. Khubiev, A. Kh. Tekeeva. Inherent and recently emergent issues related to the financialization of the economy. K. A. Khubiev and A. Kh. Tekeeva discuss the controversial nature and role of money and financial instruments. The phenomenon commonly referred as *financialization* encompasses a complex combination of relations. The authors suggest analytical delimitation of the content, role and function of money per se and substantively different monetary relations, including derivative securities. The emergence of cryptocurrency resultant from the evolution of digital technologies is perceived as a stage in the development of money in its logical progress towards the universal form of public wealth. Khubiev and Tekeeva point out the increase in negative manifestations accompanying the historical development of money and the need for progressive research in the field. The authors recognize the scope and historical significance of a breakthrough in science and technology and, through examining its origins, highlight the difficulty of achieving such a breakthrough in the absence of a major change in the economic policy and its reorientation towards the real sector of the economy. Khubiev and Tekeeva identify the premises and resources for accelerated development of the revolution in science and technology in Russia.

Keywords: financialization, derivatives, cryptocurrency, revolution in science and technology, universal form of public wealth, real sector of the economy.

В. В. Иванов¹

ФИНАНСИАЛИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ²

Рассматриваются предпосылки и сущностные аспекты процесса финансовализации экономики, анализируются особенности процессов финансовализации в США и в Российской Федерации, показана противоречивость финансовализации в Российской Федерации, ее негативное воздействие на восстановление экономического роста в стране. Особое внимание уделено вопросам налоговой политики Министерства финансов РФ. Обосновываются отдельные предложения по ее совершенствованию, которые направлены на сокращение теневого бизнеса, увеличение доходов государственных и муниципальных бюджетов.

Ключевые слова: финансовализация экономики, финансовые рынки, финансовые кризисы, монетарная политика, фискальная политика.

УДК 336.02

Финансиализация: предпосылки и сущность

Влияние финансовализации на экономический рост по-разному оценивается научным сообществом и экспертами. Во многом это обусловлено тем, что финансовализация как процесс выступает и важнейшим драйвером экономического развития национальных экономик, и фактором возникновения локальных и мировых финансовых кризисов, а также стагнации, рецессии национальных экономик на различных этапах развития. Однозначной трактовки данной категории пока нет.

При рассмотрении финансовализации как процесса преобладает трактовка, предложенная в 2001 г. Г. Эпштейном: «Финансиализация – это возрастающая роль финансовых мотивов, финансовых рынков и их участников, а также финансовых институтов в функционировании экономики на национальном и международном уровнях» [1]. Финансиализация как форма функционирования экономики характеризуется преобладанием финансовых сделок в общей структуре хозяйственных операций, подчинением реального сектора экономики финансовому.

¹ Виктор Владимирович Иванов, заведующий кафедрой теории кредита и финансового менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

² По материалам доклада на семинаре Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции» (28 сентября 2018 года).

Развитие процессов финансиализации непосредственно связано с развитием финансовых рынков, их инфраструктурных сегментов. На этих рынках ценные бумаги и другие финансовые инструменты в процессе рыночной игры получают неадекватную оценку и обречены на создание иллюзии того, что они представляют собой реальный капитал. Финансовые инновации в виде производных финансовых инструментов порождают синергетический эффект и лежат в основе создания пирамид финансовой экономики.

В финансовой сфере наблюдается масштабная мультипликация ценных бумаг, различных производных финансовых инструментов. Их стоимостная оценка в десятки раз превышает мировой ВВП. В современной рыночной экономике объемы торговли ценными бумагами и производными финансовыми инструментами достигают 90 % в общем объеме операций.

Финансиализация рассматривается и в качестве обобщенного понятия, обозначающего как процесс финансовой глобализации, так и результат его воздействия на национальную экономику. Как глобальное явление финансиализация интегрирует национальные рынки капиталов в общее инвестиционное пространство, в рамках которого конкуренция за финансовые ресурсы приобретает глобальный характер.

На разных этапах своего развития финансовый сектор по-разному влиял на развитие реального сектора экономики. Вплоть до 1980-х гг. прошлого столетия основной задачей финансового капитала являлась поддержка реального сектора в обеспечении экономического роста. Ситуация начинает меняться в 1980–1990-х гг., когда доходность в финансовой сфере возрастает, и финансовый капитал начинает быстро расти. С чем это связано? Прежде всего с развитием международного рынка капиталов, с появлением новых, высокодоходных финансовых инструментов на финансовых рынках и переориентацией денежного хозяйства на небанковские финансовые институты. Данные процессы сопровождалось нарастанием рисков в функционировании финансового хозяйства, ростом зависимости банков от рынков капитала по сравнению с традиционным депозитарным фондированием.

Эмпирические исследования, проведенные в 1990-х гг., показали наличие устойчивой связи между процессами финансиализации и темпами экономического роста. Причем финансовые рынки способствовали прежде всего развитию предприятий наукоемких отраслей, которые в первую очередь зависят от внешнего долгосрочного финансирования [2]. В конце XX – начале XXI в. в экономике развитых стран стало преобладать доминирование финансового рынка. Накопление капитала в финансовой сфере ускорилось с появлением своеобразных финансовых холдингов (включая различного рода фонды), которые создавались на микро-, макро- и мезо-уровнях, с появлением новых финансовых инструментов, с развитием финансового инжиниринга, дерегулированием финансовых рынков и, соответственно, с возникновением дополнительных рисков, которые неизбежно ведут к различного рода кризисам.

С развитием инструментов срочного характера количество участников на финансовых рынках значительно увеличилось. Появились новые институты финансового рынка (паевые инвестиционные фонды, хеджевые фонды и т. п.). Секьюритизация, замещение реального оборота товаров оборотом прав на них дематериализует финансы, способствует росту общедоступности на финансовые рынки, росту всевозможных рисков. Экспоненциальный процесс финансиализации порождает кризисы, которые выступают способом разрешения накопившихся проблем и диспропорций.

Дальнейший процесс финансиализации получил развитие и с финансиализацией сырьевых рынков в форме товарных деривативов. Цены на такие виды ресурсов, как нефть и газ, стали определяться на срочном рынке. Уровень этих цен определяется не только данными о запасах сырья и прогнозах его потребления, он во многом зависит от политических аспектов в странах, где, в основном, добывается или потребляется данный вид ресурса. Значимым катализатором процесса финансиализации выступают не только представители бизнеса, но и сами государства, увеличивая заимствования на финансовых рынках.

Финансиализацию как экономическую категорию справедливо стали рассматривать «как растущую и системную власть финансов и финансового инжиниринга» [3, с. 202]. Высшим проявлением власти финансов является доминирование представителей финансового бизнеса во властных административных структурах страны, которые создают комфортные условия для функционирования финансового капитала.

Таким образом, финансиализация как процесс характеризуется доминированием финансового капитала над капиталом реального сектора и насаждением финансовым сектором законов не только для бизнеса, но и для всего общественного хозяйства, которые позволяют финансовому капиталу генерировать более высокие доходы.

Характер влияния финансиализации на развитие национальных экономик можно определить на основе статистических показателей, в первую очередь доли финансового сектора в ВВП, соотношения инвестиций в финансовый и реальный сектора экономики, масштабов сделок на финансовых рынках, показателей корпоративного и государственного долга и ряда других.

Особенности финансиализации в США

Наиболее активно процессы финансиализации происходили и происходят в США. Этому процессу способствовал и статус доллара как мировой валюты, установленный в 1945 г. Бреттон-Вудским соглашением, когда валюты 44 стран были жестко привязаны к доллару США, а доллар – к золоту. Долларизация ряда национальных экономик способствовала неконтролируемой эмиссии долларов в США и ставила под сомнение обеспеченность выпущенных долларов США золотом (35 долларов

приравнивались к тройской унции³). Переход в 1971–1978 гг. к Ямайской валютной системе, основанной на свободной конвертации валют без привязки к золоту, позволил доллару США избежать неминуемого фиаско, более того, укрепил его позиции на международных финансовых рынках, усилил его позиции как наиболее стабильной и обеспеченной валюты и ускорил свободное движение капитала; способствовал быстрому развитию рынка производных финансовых инструментов. Все эти процессы происходили на фоне дерегулирования финансовых рынков. В ноябре 1999 г. в США был принят закон «О финансовой модернизации» (Закон Грэмма – Лича – Блайли), открывший путь к созданию финансовых холдингов, которые могли осуществлять не только депозитные, инвестиционные операции, но также страховые и ряд нефинансовых операций.

Быстрое развитие финансовых холдингов сопровождалось стремительным ростом новых высокорискованных производных финансовых инструментов, сделки (операции) с которыми не отражались на официальных балансах финансовых институтов (забалансовые операции). Такая ситуация ускорила рост теневого бизнеса в сфере финансов и привела в 2007 г. к финансовому, а затем – к экономическому кризису в США. ВВП США в 2008 г. сократился по сравнению с 2007 г. на 0,3 %, а в 2009 г. – на 3,5 % по отношению к ВВП 2008 г. [4]. Финансовый кризис в конце 2006 – начале 2007 г. охватил ипотечный рынок США, а в дальнейшем распространился на фондовый рынок, на рынки страховых услуг, межбанковского кредита и на другие сегменты финансового рынка США. Финансовый кризис США быстро перерос в экономический. Властями были предприняты беспрецедентные для США меры по преодолению глубокого финансово-экономического кризиса.

В декабре 2007 г. была принята Программа финансовой помощи американским семьям, которые оказались под угрозой выселения из квартир, домов в связи со сложностями выплаты ипотечных кредитов. В октябре 2008 г. был принят Закон о чрезвычайной экономической стабилизации, призванный решить ряд задач:

- восстановить ипотечную систему кредитования;
- стимулировать экономическую активность хозяйствующих субъектов и населения посредством налоговых преференций;
- обеспечить ликвидностью (финансовыми ресурсами) коммерческие банки;
- осуществить поддержку исследований в области возобновляемых источников энергии.

Для решения поставленных задач использовались разнообразные методы государственного вмешательства, призванные «оздоровить» финансовый и реальный секторы экономики. В литературе наибольшее внимание уделяется использованию Федеральной резервной системой (ФРС) США нетрадиционного метода денежной политики центральных банков – политики выкупа у коммерческих банков облигаций,

³ Одна тройская унция равняется 31,1034768 граммам.

ипотечных ценных бумаг. Впервые такой метод, получивший название «метод количественного смягчения», был применен Центральным банком Японии. В США практика использования данного метода продлилась до 2014 г. У коммерческих банков ФРС были выкуплены значительные объемы указанных выше ценных бумаг. Например, у «FannieMae» и у «FreddieMac» было выкуплено таких ценных бумаг на 5 триллионов долларов [5, с. 9], что равнялось половине доходов государственного бюджета США в 2008 г.

Меньше внимания в литературе уделяется мерам государственного вмешательства в реальный сектор экономики США, значимость которых в преодолении финансово-экономического кризиса переоценить трудно. В феврале 2009 г. президент США подписал «Закон об оздоровлении американской экономики и реинвестициях», предусматривающий комплекс мер по активизации развития реального сектора экономики США за счет значительного увеличения государственных расходов:

- на финансирование инфраструктурных объектов (строительство, ремонт автомобильных, железнодорожных дорог, морских портов, аэропортов, водопроводных и канализационных систем, очистных и гидротехнических сооружений);
- техническое переоснащение учебных заведений;
- развитие общественного транспорта;
- финансирование научных исследований в области разработки инновационных продуктов, услуг;
- создание рабочих мест;
- увеличение выплат пособий по безработице;
- расширение продовольственной помощи нуждающимся (более 30 млн граждан);
- установление налоговых преференций для компаний малого бизнеса.

Важным шагом на пути оздоровления финансовой системы США явилось принятие в июле 2010 г. Закона Додда – Фрэнка. Закон вносил запрет на осуществление коммерческими банками значительной части операций с ценными бумагами, ограничивал их суммарную долю в капитале хэдж-фондов и фондов прямых инвестиций тремя процентами от величины собственного капитала банков. Указанный закон четко прописывал и процедуру ликвидации крупных банков, которая исключает возможность их спасения за счет бюджетных средств; устанавливает порядок возврата активов ликвидированных банков, которые выводились из банков перед объявлением их банкротами.

Президент США Д. Трамп продолжил политику «оздоровления» реального сектора экономики, снижения уровня безработицы посредством, прежде всего, фискальных механизмов.

Международное регулирование процессов финансовализации

Как известно, финансовый кризис США, разразившийся в 2007 г., быстро распространился на страны Еврозоны и ряд других ведущих стран мира. В каждой из них применялись свои меры государственного регулирования выхода из кризиса.

Мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. наглядно продемонстрировал недостаточность национальных мер регулирования финансовых рынков. Необходимость международного (наднационального) регулирования мирового рынка капиталов осознается всеми участниками этого рынка, что нашло отражение в Декларации саммита глав государств большой двадцатки (G-20), проведенного в Вашингтоне 14–15 ноября 2008 г. В ней записано: «Мы исполнены решимости наращивать свое сотрудничество и работать сообща в целях возобновления глобального роста и проведения реформ, в которых нуждаются мировые финансовые системы» [6]. В декларации указаны главные причины финансового кризиса. Среди них были выделены:

- стремление к получению высоких прибылей без должного учета имеющихся рисков;

- слабые нормы в отношении гарантий;
- сложность и непрозрачность финансовых продуктов;
- чрезмерное использование кредитов для биржевой игры.

На саммите с участием глав государств большой двадцатки, проходившем в Лондоне в 2009 г., при G-20 был сформирован Совет по финансовой стабильности (FSB), в задачи которого входила подготовка международных актов по контролю и регулированию рынков ценных бумаг. На этот институт была возложена и задача мониторинга решений, принятых G-20. В докладе FSB, подготовленном к саммиту 2017 г. в Гамбурге, указывалось, что, несмотря на существенное снижение теневого банкинга, в его сфере сосредоточено 13 % всех финансовых ресурсов мира. По мнению экспертов FSB, такой уровень теневого банкинга не представляет значимых рисков для финансовой стабильности. В то же время эксперты не исключали возможность появления и быстрого развития новых форм теневого банковского обслуживания [7].

Специфика финансовализации в Российской Федерации

Россия относится к группе стран, которые зависят от характера функционирования мирового финансового рынка и подвержены различного рода спекуляциям со стороны других участников, связанных с экспортом сырья, поскольку доходы бюджетов во многом зависят от размеров валютной выручки. В России процесс финансовализации находится на начальной стадии из-за низкого уровня развития финансового рынка не только с точки зрения объемов обращающихся на нем финансовых ресурсов и состава используемых финансовых инструментов (в том числе высокорисковых), но и с точки зрения его взаимосвязи с реальным сектором экономики.

Характер процессов, происходящих на финансовом рынке РФ, в значительной мере предопределяется денежно-кредитной и валютной политиками Банка России. Эти процессы сопровождаются постоянным оттоком финансового капитала за рубеж и лишь частичным его возвращением в РФ в виде «иностранных» инвестиций. ЦБ РФ предоставлены большие полномочия в области макроэкономического регулирования, за ним закреплены функции мегарегулятора финансового рынка. В настоящее время эти полномочия используются Банком России преимущественно для сдерживания

роста денежной массы. Официальная позиция Банка России по-прежнему состоит в создании «условий для формирования ставок денежного рынка вблизи ключевой ставки Банка России» [8]. Размеры же ключевой ставки Банк России увязывает прежде всего с устойчивостью рубля (его укреплением, либо ослаблением), т. е. преимущественно с внешними факторами, влияющими на функционирование финансового рынка России.

Жесткая денежно-кредитная политика ЦБ РФ, направленная на поддержание инфляции на уровне 4 % в стране, слабо учитывает потребности внутреннего рынка, затрудняя предприятиям реального сектора получение необходимых объемов финансовых ресурсов для модернизации производства, осуществления структурных изменений в национальной экономике и реализации мер по стимулированию спроса.

Безусловно, низкий уровень инфляции, стабильность национальной валюты являются исходными условиями для устойчивого развития национальной экономики, накопления капитала и последующих инвестиций. Решение этих задач исключительно методами монетарной политики, как свидетельствует мировая практика, нереально. Тем более ее невозможно решить посредством сдерживания роста денежной массы.

Анализ темпов роста денежной массы и темпов инвестиций в РФ за последние 15 лет свидетельствует о наличии между этими показателями прямой зависимости. Так, для роста инвестиций в размере 5 % темпы прироста денежной массы должны составлять не менее 20 % в реальном исчислении (скорректированном на уровень инфляции) [9, с. 1].

Статистика инвестиций в основной капитал показывает, что за последние 5 лет объемы инвестиций варьировались от 19,5 до 21,4 % ВВП. Это уровень, который не позволяет ВВП расти больше, чем на 2...2,5 % годовых. Для стабильного роста на уровне не менее 4...5 % годовых объемы инвестиций должны составлять минимум 28 % ВВП, а для осуществления финансового форсажа объемы инвестиций, по примеру Китая, должны возрасти до 45...46 % ВВП.

Главным источником финансирования инвестиций предприятий остаются их собственные средства. У подавляющей части российских компаний доля собственных средств в объеме инвестиций превышает 50 %, в то время как в компаниях развитых стран она составляет порядка 20 %, а 80 % средств на инвестиции они заимствуют [10, с. 9–10].

Основным источником финансирования инвестиций в основной капитал в последние годы являются собственные средства компаний (табл. 1). В 2016 г. они составили порядка 51 %, а 49 % – это привлеченные средства, из которых 16 % – бюджетные средства; кредитные ресурсы составляют порядка 10 %. При сохранении сложившейся практики обеспечение высоких темпов экономического роста представляется крайне сложным, если не сказать – невозможным.

Таблица 1

Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования, %*

Показатель	2000	2010	2014	2015	2016
Всего инвестиций	100	100	100	100	100
В том числе собственные средства	47,5	41,0	45,7	50,2	50,9
Привлеченные средства	52,5	59,0	54,3	49,8	49,1
Из них:					
кредиты банков	2,9	9,0	10,6	8,1	10,4
заемные средства других организаций	7,2	6,1	6,4	6,7	6,0
бюджетные средства	22,0	19,5	17,0	18,3	16,5
средства гос. внебюджетных фондов	4,8	0,3	0,2	0,3	0,2
средства организаций и населения на долевое строительство		2,2	3,5	3,2	3,0
из них средства населения		1,2	2,7	2,4	2,3
прочие	15,6	21,9	15,7	12,1	12,2

* Данные Росстата: Инвестиции в России. 2017.

По данным опроса руководителей компаний (табл. 2), среди факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность, наиболее значимыми в 2016 г. являлись: недостаток собственных финансовых средств и неопределенность экономической ситуации в стране (61 % от общего числа опрошенных); высокий процент коммерческого кредита (56 %) и высокие инвестиционные риски (50 %). Сюда же можно отнести и сложный механизм получения кредита (46 %).

Таблица 2

**Факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность,
% от общего числа опрошенных***

Показатель	2000	2010	2014	2015	2016
Недостаточный спрос на продукцию	10	19	23	28	27
Недостаток собственных финансовых средств	41	67	60	61	61
Высокий процент коммерческого кредита	47	31	29	56	56
Сложный механизм получения кредита	39	15	16	42	46
Инвестиционные риски	35	23	30	60	50
Неудовлетворительное состояние технической базы	18	5	7	18	22
Низкая прибыльность инвестиций в основной капитал	8	11	13	22	20
Неопределенность экономической ситуации в стране	49	32	34	66	61
Несовершенство нормативной базы	36	10	11	27	27

* Данные Росстата: Инвестиции в России. 2017.

Объемы кредитования субъектов экономики в последние годы (с учетом инфляционных процессов) существенно не изменяются (табл. 3), прежде всего это характерно для некредитных организаций.

Таблица 3

Объемы выданных банковских кредитов субъектам экономики*

Дата	Объем кредитов нефинансовым организациям и предпринимателям, млн р.	Объем кредитов физическим лицам, млн р.
На 01.01.2014	31 582 836	8 778 163
На 01.01.2015	33 241 362	8 629 722
На 01.01.2016	29 995 671	5 861 351
На 01.01.2017	32 395 589	7 210 282
На 01.01.2018	34 818 075	9 233 726
На 01.10.2018	28 436 499	8 762 288

* Данные ЦБ РФ.

Кредитование росло в тех секторах экономики, которые пользовались государственной поддержкой, в частности, сельское хозяйство, добывающая промышленность, ипотечное кредитование. В последние годы за счет бюджета идет субсидирование процентной ставки ипотечных кредитов. Основные объемы ипотеки сосредоточены в регионах с наиболее высокой средней заработной платой (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Тюмень), т. е. субсидируются более состоятельные люди. Вряд ли такую политику можно признать обоснованной.

Цивилизованный путь системы ипотечного кредитования связан с созданием ипотечных банков, которые освобождаются от значительной части налогов, сборов, а процентные ставки по ипотечным кредитам регулируются государством. В Российской Федерации ресурсная база может формироваться за счет кредитов Банка России по ставке, равной уровню инфляции. В этом случае ипотечная ставка жилищного кредитования будет определяться уровнем инфляции и размером процентной маржи, необходимой для обеспечения нормальной деятельности указанных банков.

В условиях экономических санкций в отношении России резко возрастает значимость наращивания объемов внутреннего потребления. Для этого необходимо повышение заработной платы, прежде всего низкооплачиваемых категорий, занятых в различных отраслях и сферах национальной экономики. По данным председателя Счетной палаты РФ А. Кудрина, 13,2 млн человек живут за чертой бедности [11]. Дифференциация среднего размера заработной платы населения по субъектам РФ достигает трех-четырёхкратного размера. Если на апрель 2018 г. средняя заработная плата в Москве составляла 89 318 рублей, по Санкт-Петербургу – 59 576 рублей, по Тюменской области – 70 334 рубля, то по Карачаево-Черкесской республике она составила 24 856 рублей, в Ивановской области – 24 353 рубля, в Тамбовской – 24 807 рублей [12]. Еще выше дифференциация средней заработной платы между 10 % занятых с наиболее высокой заработной платой и 10 % с самой низкой заработной платой, разница достигает 17...19 раз [13]. Подобные разрывы в

оплате труда в различных субъектах РФ свидетельствуют о наличии не столько экономических, сколько социальных проблем, и их разрешение значительно важнее для страны в целом, чем удержание инфляции на четырехпроцентном уровне.

В настоящее время традиционных источников «длинных» ресурсов для перехода на интенсивный путь развития национальной экономики не хватает. В ряде развитых стран мира (например, в США и Японии) используются специфические способы формирования «длинных» денег в экономике в рамках осуществления денежно-промышленной политики. Суть ее состоит в эмитировании валюты под финансирование конкретных инвестиционных программ [14].

Данный механизм финансирования инвестиционной деятельности основан на эмитировании валюты под выкуп центральными банками целевых государственных ценных бумаг, которые в дальнейшем не участвуют в обращении на финансовых рынках. Такой механизм финансирования инвестиционных программ не влияет на ликвидность финансового рынка. Он хорошо известен монетарным властям РФ. Его необходимо изучать, анализировать с целью адаптации к российским условиям ведения бизнеса.

В условиях секторальных санкций применение многих финансовых инструментов экономического стимулирования инвестиционной активности в РФ ограничено. Все меры финансового характера следует рассматривать через призму их содействия решению задач восстановления экономического роста в России. Это в полной мере относится и к налоговой политике. Министерство финансов РФ на протяжении ряда последних лет справедливо акцентирует внимание на необходимости обеспечения стабильности налоговой системы с понятными правилами как для налогоплательщика, так и для налоговых органов. В реальной действительности говорить о стабильности налоговой системы вряд ли правомерно. Так, с 1 января 2019 г. планируется повышение акцизов на дизельное топливо и бензин, соответственно на 2700 и 3700 рублей за тонну; увеличивается ставка НДС с 18 до 20 %. Продолжаются «фискальные маневры» со снижением таможенных пошлин при одновременном повышении ставок налога на добычу полезных ископаемых. По оценкам ЦБ РФ и Счетной палаты РФ, все эти меры в совокупности вызовут рост цен и увеличение в 2019 г. уровня инфляции до 5...5,5 % [15]. Предлагаемые Правительством РФ новации в налоговой сфере приведут к увеличению расходов домашних хозяйств россиян, и наиболее чувствительными они окажутся для семей с низкими доходами. Налоговые новации в основном не задевают финансово состоятельные домашние хозяйства россиян. Это касается не только налога на доходы физических лиц, но и, например, налога на наследство и дарение⁴, отмененного в 2006 г. в части имущества, переходящего в порядке наследования, и с некоторыми ограничениями в части дарения. Данный налог существует в большинстве развитых стран мира. Сущностные различия, в основном, связаны с налоговыми ставками в за-

⁴Данный налог имеет разное название, например, в Российской Федерации до 2006 г. он назывался в соответствии с «Законом о налоге с имущества, переходящего в собственность физических лиц в порядке наследования или дарения».

висимости от родства с наследодателем. Например, в Италии ставка налога находится в диапазоне от 4 до 8 %, в Германии – от 7 до 50 %, во Франции – от 5 до 60 % [16]. Возвращение в налоговую систему РФ налога на наследство и дарение позволит пополнить доходы государственных и муниципальных бюджетов и, что не менее важно, в определенной мере будет способствовать соблюдению принципа справедливости в налогообложении доходов физических лиц.

Для стимулирования инвестиционной активности в Российской Федерации предусмотрены налоговые льготы и другие налоговые преференции. В 2018 г. объем налоговых льгот составит порядка 3 трлн рублей; объемы же инвестиций, осуществляемых компаниями, получающими налоговые льготы, несопоставимо меньше. Значительная часть налоговых льгот инвестиционного характера в настоящее время идет на потребление, а не на развитие предприятий. Представляется, что следует использовать более эффективные механизмы налогового стимулирования инвестиционной активности, например, инвестиционные налоговые вычеты, на которые могут претендовать предприятия и организации лишь при осуществлении инвестиций в реальный сектор экономики.

В налоговой системе РФ в последние годы существенно улучшилось администрирование налогов. В первую очередь это относится к налогу на добавленную стоимость, поступления от которого в федеральный бюджет значительно превышали запланированные показатели. Сложнее с администрированием налога на прибыль организаций. Достоверность финансовой отчетности многих компаний вызывает большие сомнения, прежде всего в части обоснованности включения тех или иных затрат в себестоимость продукции (услуг, работ), а также в группу прочих расходов. Несмотря на достаточно жесткие меры Банка России по отношению к банкам, осуществляющим обналичивание средств предприятий (организаций) через «компания-однодневки», масштабы теневого бизнеса в этой сфере остаются весьма значительными, что отражается на прибыли компаний, осуществляющих «обналичку».

В этой связи заслуживает пристального внимания опыт Эстонии, исключившей из налоговой системы налог на прибыль организаций [17]. Количество убыточных компаний в Эстонии после отмены данного налога значительно сократилось. На наш взгляд, целесообразно в Российской Федерации налог на прибыль организаций заменить налогом на потребленные материальные ресурсы, включаемые в себестоимость продукции (работ, услуг), а также прочие расходы, учитываемые при исчислении прибыли до налогообложения. Ставки предлагаемого налога должны быть дифференцированы в зависимости от видов экономической деятельности.

Заключение

Финансиализация – закономерный процесс финансового развития экономики, в котором активы фигурируют на финансовых рынках в виде свободно обращающихся прав на эти активы. Исходными предпосылками финансиализации экономики являются прежде всего:

- встроенная инфляция, ведущая к насыщению экономики деньгами (на протяжении XX в. покупательная способность доллара США упала в 20 раз);
- отказ от фиксации цен, курсов валют, что связано с переходом к Ямайской валютной системе, основанной на торговле валютой без какой-либо привязки к золоту (уход от золотого паритета);
- вхождение национальных экономик в мир волатильности.

Развитие процессов финансовализации имеет страновые особенности. В Российской Федерации регулирование этих процессов де-юре и де-факто осуществляется Банком России и Министерством финансов РФ. Политика этих институтов исполнительных органов государственной власти в РФ весьма противоречива. Жесткая монетарная политика ЦБ РФ, направленная на сдерживание роста денежной массы, приводит к тому, что кредиты становятся недоступными для большинства хозяйствующих субъектов, тем самым тормозится экономический рост. Одновременно Минфин РФ за счет бюджетных средств оказывает прямую финансовую помощь отдельным отраслям, видам деятельности, в том числе и в банковской сфере. Возникающие бюджетные дефициты минфин старается ликвидировать посредством наращивания доходной части бюджетов, увеличивая налоговую нагрузку на бизнес и физических лиц, что неизбежно ведет к росту инфляции. Кроме того, Министерство финансов регулярно скупает валюту на пополнение различных фондов, что ведет к росту курса этих валют и усиливает инфляционные процессы. Образуется «замкнутый круг», когда одно ведомство старается снизить инфляцию, а другое принимает меры, ведущие к ее росту.

Указанное выше свидетельствует о необходимости изменения монетарной и фискальной политики в РФ с целью их ориентации на решение задач восстановления экономического роста в стране.

Список литературы

1. *Epstein, G.* Financialization, Rentier Interests, and Central Bank Policy: manuscript / G. Epstein; Department of Economics, University of Massachusetts. – Amherst, MA, December 2001.
2. *Rajan, R.* Financial Dependence and Growth / R. Rajan, L. Zingales // *American Economic Review*. – 1998. – №88.
3. *Осик, Ю. И.* Деглобализация мировой экономики как следствие ее финансовализации / Ю. И. Осик // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2014. – №1, ч. 2.
4. ВВП США по годам. Режим доступа: <https://worldtable.info/yekonomika/tablica-vvp-ssha-po-godam.html>. (дата обращения 05.10.2018).
5. *Гребенников, П. И.* Современная практика стабилизационной политики по преодолению экономического кризиса / П. И. Гребенников // *Финансы и Бизнес*. – 2018. – № 3.
6. Декларация саммита «Группы двадцати» по финансовым рынкам и мировой экономике. Режим доступа: <http://www.rondon.org/polit-081117125206> (дата обращения 05.10.2018).

7. Global Shadow Banking Monitoring Report 2017. Режим доступа: <http://www.fsb.org/2018/03/global-shadow-banking-monitoring-report-2017/> (дата обращения 05.10. 2018).

8. Доклад о денежно-кредитной политике. Банк России. – 2015. – №2 (10) – Июнь. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/publ/> (дата обращения 07.10.2018).

9. Блинов, С. Текущий кризис, его причины и необходимые меры / С. Блинов // Эксперт Online. – 2015. – 06 фев. Режим доступа: <http://expert.ru/2015/02/6/> (дата обращения 10.10.2018).

10. Аганбегян, А. Г. Социально-экономическое развитие России: финансово-кредитные аспекты / А. Г. Аганбегян // Деньги и кредит. – 2013. – № 1.

11. Выступление Председателя Счетной палаты А. Л. Кудрина на пленарном заседании Госдумы по вопросу «О проекте федерального закона №514334-7 «Об исполнении федерального бюджета за 2017 год». Режим доступа: <http://www.gosman.ru/contacts?news=54453> (дата обращения 10.10. 2018).

12. Средняя зарплата в России по регионам в 2018 году. Режим доступа: http://fincan.ru/articles/16_srednyaya-zarplata-v-rossii-po-regionam-v-2018-godu/ (дата обращения 10.10.2018).

13. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.doc (дата обращения 10.10. 2018).

14. Ершов, М. В. Мировая финансовая система после кризиса: тенденции и проблемы развития / М. В. Ершов // Деньги и кредит. – 2013. – № 1. – С. 11–18.

15. Кудрин видит риски падения реальных доходов населения. Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/5770366> (дата обращения 10.10.2018).

16. Forbs: Дети олигархов получают \$ 211 млрд от предприятий СССР. Режим доступа: [https://sobityadnya.ru/blog/43634359732/privatizatsiya-glazami-Forbs:-Deti-oligarhov-poluchat-\\$-211-mlrd?tmd=1](https://sobityadnya.ru/blog/43634359732/privatizatsiya-glazami-Forbs:-Deti-oligarhov-poluchat-$-211-mlrd?tmd=1) (дата обращения 10.10.2018).

17. Кривоблоцкий, Д. Эстония и ее налоговая система / Д. Кривоблоцкий. Режим доступа: <https://www.imrex.academy/nalogovaya-sistema-estonii/> (дата обращения 03.10.2018).

V. V. Ivanov. Financialization and economic growth. The article examines prerequisites and essence aspects of the process of economy financialization, analyses peculiarities of financialization processes in USA and Russian Federation, shows discrepancy of financialization in Russia and its negative effect on economic growth in the country. Special attention is paid on tax policy of Russian Ministry of Finance. The author provides some valid suggestions for improving this policy which can result in shortening the scale of shadow business, in increasing incomes of state and municipal budgets in Russia.

Keywords: economy financialization, financial markets, financial crises, monetary policy, fiscal policy.

О. О. Комолов¹

ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАГНАЦИИ²

Мировая экономика вступила в фазу деглобализации, о чем свидетельствуют снижение интенсивности международных экономических связей, рост протекционистских тенденций и усиление политической напряженности в мире. Причиной этого стало нарастание противоречий неоллиберального этапа в развитии мировой экономики начиная с 1970-х гг. Они проявились в усилении эксплуатации периферии мировой экономики ее центром, вызвавшей углубление глобального неравенства, торможение научно-технического прогресса и финансиализацию мировой экономики. Глобальная рецессия, растянувшаяся на целое десятилетие, отражает пределы экспансии капитализма, ставя вопрос об исторических границах капиталистического способа производства.

Ключевые слова: глобализация, кризис, протекционизм, неравенство, научно-технический прогресс.

УДК 334.7

«Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи. Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву» [1, с. 29]. Эта знаменитая цитата из Манифеста Коммунистической партии стала отражением всей последующей истории капитализма – истории глобализации.

Некоторые исследователи рассматривают экономическую глобализацию лишь как современный этап развития мировой экономики – апогей интернационализации хозяйственных связей [3, с. 1]. С глобализацией связывают унификацию потребительских вкусов, усиление мощи и власти корпораций, резкий рост богатства и ни-

¹ Олег Олегович Комолов, доцент Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, старший научный сотрудник ИЭ РАН, канд. экон. наук.

² По материалам доклада на семинаре Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте по теме «Финансовый капитал и стратегемы индустриальной революции» (28 сентября 2018 года).

щеты, «макдональдизацию» питания и культуры, господство неолиберализма в политике государств [4, р. 524]. МВФ описывает глобализацию как рост взаимной интеграции экономик, развитие культурного и научного сотрудничества [5]. Безусловно, эти и многие другие черты отличают современный этап развития капиталистического способа производства от предыдущих. Несмотря на это, глобализация в ее современном виде является закономерным результатом эволюции мировой экономики на протяжении предыдущих столетий, когда был заложен фундамент тех противоречий, которые сегодня становятся вызовами для всего человечества.

В эпоху великих географических открытий XV–XVII вв. европейские страны получили доступ к безграничным источникам сырья и рынкам сбыта; товарно-денежные отношения преодолели государственные границы. Конец XIX – начало XX в. – эпоха «перезревания» капитализма в метрополиях; происходит экспорт капитала в отсталые аграрные страны, ставшие «топливом» для индустриализации метрополий. Постепенное сужение «кормовой базы» вынуждало монополистический капитал вступать в борьбу за передел мира, используя силу национальных государств, что стало источником двух мировых войн.

Колониализм сменился неоколониализмом. Распад колониальной системы стал одной из предпосылок неолиберальной эпохи в развитии капитализма. Главными признаками неолиберализма американский экономист Д. Котц называет глобализацию и финансиализацию мировой экономики [55, р. 32]. Точкой отсчета истории неолиберализма можно считать 1970-е гг., когда значительное падение средней нормы прибыли [6, с. 40] заставило западный капитал осуществить экспансию в еще «некапитализированный» азиатский мир. Этот шаг, наряду с включением стран распавшегося социалистического блока в международное разделение труда, позволил западным корпорациям значительно снизить издержки, расширить рынки сбыта и получить новый импульс роста.

Действие этого фактора закончилось в 2008–2009 гг., когда мировую экономику поразил один из самых глубоких кризисов в ее истории, от которого она не может восстановиться на протяжении 10 лет. И дело не только в том, что темпы роста мирового ВВП, продолжающие падать с 2011 г., очень далеки от значений середины 2000-х гг. Более значимым явлением становится дальнейшее ослабление международных экономических связей – основного критерия глобализации (рис. 1).

Интенсивность мировой торговли и инвестиций, достигнув пика в 2007 г. (51 % от мирового ВВП), за два года кризиса упала почти вдвое. После небольшого восстановительного роста в 2009 г. следует устойчивое снижение показателя, что отразилось на динамике развития глобальных цепочек добавленной стоимости, роль которых в мировой экономике также сократилась в последние годы. По данным ВТО, доля чистого национального производства в мировом ВВП в период 1995–2007 гг. упала с 86 до 79 %. Однако после начала мирового финансового кризиса она возросла на 2 п.п. Одновременно доля простых цепочек стоимости (с однократным пересечением таможенной границы товаром промежуточного потребления) упала на 1 п.п., а сложных – на 2 п.п [9, р. 2].

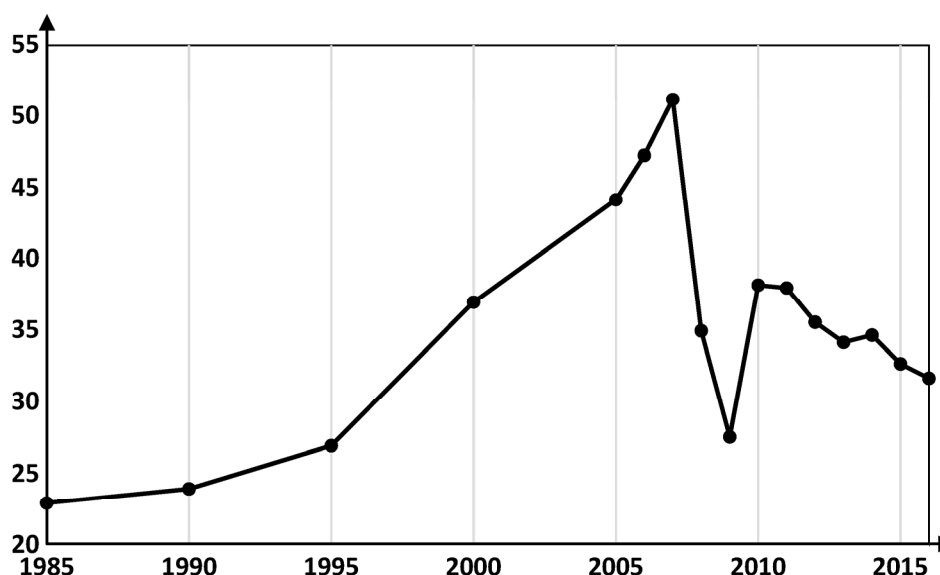

Рис. 1. Отношение суммарных глобальных потоков товаров, услуг и капиталов к мировому ВВП, % (составлено автором на основании данных [7, 8])

Такие данные не выглядят удивительными и подтверждаются результатами исследований последних тенденций в области государственного регулирования внешней торговли в разных странах мира. По данным Global Trade Alert, в период 2009–2017 гг. государствами было принято около 5800 мер, направленных на регулирование внешней торговли, трансграничных потоков капитала и миграции. При этом 75 % из них носили протекционистский характер, т. е. были направлены на ограничение «четырёх свобод» (рис. 2).

Ограничительные меры касались преимущественно антидемпинговой политики, импортных тарифов, количественных ограничений, стимулирования национального производителя через госзакупки и государственное кредитование. Защиту от внешней конкуренции получали в основном предприятия черной металлургии и химической промышленности, а также производители машин, оборудования и бытовой техники. Среди стран Большой двадцатки (G20) наибольшее количество дискриминационных мер было принято США, Индией и Россией (40 % всех мер) [12].

Лидерство Соединенных Штатов в области защиты национального рынка стало укрепляться еще до прихода к власти Д. Трампа с его агрессивно-изоляционистской риторикой. В ходе второго срока президентства Б. Обамы (2013–2016 гг.) количество агрессивных ограничительных мер в отношении стран Большой двадцатки возросло с 50 до 150. Одновременно с этим другие страны G20 также проводили политику, противоречащую интересам американских компаний и направленную против друг друга. Количество таких практик увеличилось с 509 до 877. Как правило, они заключаются в возведении искусственных барьеров во внешней торговле (технических регламентов,

добровольных стандартов, критериев оценок соответствия). В целом, 95 % трансграничных товаропотоков в большей или меньшей степени подвергаются мерам нетарифного регулирования. Соответствие предъявляемым требованиям часто является невыполнимым для малого и среднего бизнеса, а также производителей из технологически отсталых стран и приводит к ежегодным потерям ими 23 млрд долларов (15 % всего экспорта) [13]. Очередным этапом обострения экономической борьбы между странами стали решения Д. Трампа о введении в 2018 г. заградительных импортных тарифов на сталь и алюминий в размере 25 и 10 % [14] соответственно. Ранее президент США ограничил ввоз в страну солнечных панелей и стиральных машин, обложив их сбором в 30 % [15]. Кроме того, Трамп намерен ввести дополнительные пошлины на 100 наименований продукции, закупаемой в КНР, на общую сумму в 60 млрд долларов [16].

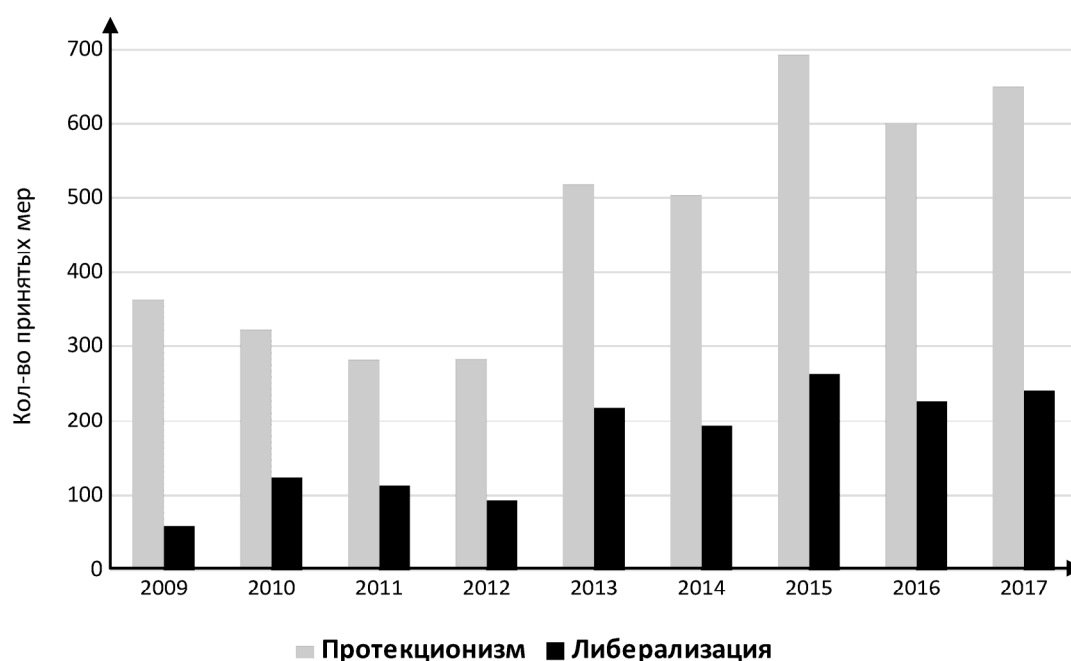

Рис. 2. Меры регулирующей политики государств в области внешней торговли, инвестиций и миграции (составлено автором на основании данных [11])

Противостояние нарастает не только на глобальном, но и на локальном уровне. Несмотря на некоторые послабления, которые Д. Трамп обещал союзникам США по НАФТА (Мексике и Канаде), они, безусловно, также столкнутся с ужесточением американской таможенной политики. Идея открытости и экономических свобод вызывает все больше критики в Европейском союзе. Евроскептики – преимущественно крайне правые, националистически ориентированные партии – набирают все большую популярность во Франции, Германии, Венгрии, Польше, Италии. Апогеем кризиса евроинтеграции стал референдум о выходе Великобритании из ЕС. Не лучшие времена переживает и проект интеграции на постсоветском пространстве. Несмотря

на периодические сообщения СМИ о желании той или иной страны присоединиться к ЕАЭС, объединение продолжает состоять из тех же пяти стран, которые в 2010 г. создавали Таможенный союз. Многие аналитики скептически оценивают перспективы проекта, активность взаимной торговли в котором упала в 2015 г. на 7 % [23].

Таким образом, эпоха открытости и свободного перемещения факторов производства натолкнулась на непреодолимые барьеры. И чтобы предсказать, какое будущее ждет глобализацию, необходимо понять причины этого кризиса. На наш взгляд, проблемы, с которыми столкнулась современная экономика, не просто являются следствием накопленных ранее противоречий – они отражают неизбежное приближение исторического тупика капиталистического способа производства, источником роста которого на протяжении всей истории было постоянное расширение его границ. Его развитие носило во многом экстенсивный характер, основывалось на неравенстве участников и феномене так называемого зависимого развития. Как уже было сказано, капитализм прошел несколько этапов развития, и каждый из них сопровождался включением в международную систему разделения труда и товарное производство все большего количества стран, которые выступали источником развития для центра этой системы.

Зависимость капитализма от необходимости постоянного расширения своей периферии в начале XX в. была отмечена марксистскими политэкономистами. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин одним из признаков перехода капиталистического способа производства на империалистическую ступень развития назвал завершение территориального раздела мира. Это обстоятельство, по его мнению, рождает войну за новый передел и возникновение монополистических союзов, делящих между собой мир. Верность этого тезиса постоянно подтверждается событиями на мировой арене, продолжающимися войнами, геополитическими кризисами, противостоянием между странами, в которых наиболее наглядно проявляется сращивание интересов государств и монополий. К началу XX в. более 35 % населения Земли проживали в колониях, а 22 % – в полуколониях [24, с. 422]. Крупнейшими колониальными державами той эпохи были Англия и Франция. Страны метрополии подвергали колонии жестокой эксплуатации, превратив их в свои сырьевые придатки.

Важной составляющей эпохи колониализма был вывоз капитала. Он определяется процессом «перезревания» капитализма метрополий, который ищет прибыльного помещения капитала в отсталых странах. Развивая эту тему, Ленин создал задел для исправления некоторого упущения в марксовом анализе капитализма. В предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс писал, что страна, промышленно более развитая, показывает отсталой стране картину ее собственного будущего [25, с. 5]. Однако в условиях государственно-монополистической стадии капитализма такое положение становится маловероятным. Монополии, захватывающие ресурсы своих колоний, лишают их источников роста и развития, отнимая у них возможности построения идентичной модели капитализма. На деле метрополии изначально пресекали развитие экономик поработанных стран по вполне понятным причинам. Запад построил себя из материала колоний, изымая у них ресурсы для построения сильного

капитализма. Уделом колоний стала слаборазвитость, в них была реализована специфическая модель периферийного капитализма, зависящего от стран центра.

Говоря об активном отчуждении ресурсов колоний метрополиями без эквивалентного обмена, Ленин дополняет марксову модель расширенного воспроизводства. Не делая прямых утверждений, он показал, что описанный производственный цикл не является «самодостаточным», а существует во многом благодаря огромным ресурсам извне. Таким образом, Ленин, по сути, проиллюстрировал заключения Розы Люксембург, которая считала внешний компонент принципиально важным: «...с момента своего зарождения капитал стремился привлечь все производственные ресурсы всего мира. В своем стремлении завладеть годными к эксплуатации производительными силами, капитал обшаривает весь земной шар, извлекает средства производства из всех уголков Земли, добывая их по собственной воле, силой, из обществ самых разных типов, находящихся на всех уровнях цивилизации» [28, с. 109].

Однако важны не только постоянное грабительское изъятие ресурсов у колониальных стран, но и внешние рынки, т. е. покупатели вне зоны капитализма, которые позволяют реализовать прибавочную стоимость, заключенную в товарах, а не в деньгах. И без этих двух составляющих капиталистическая экономика существовать не может. Этим выводом Ленин и Люксембург доработали утверждение Маркса о перспективах распространения единой модели капитализма на все страны мира.

Из этого важного тезиса следует вывод том, что капитализм, развивающийся по экстенсивному сценарию, неизбежно подойдет к границам своей экспансии. В таком случае, как минимум, система не сможет развиваться по-старому, и ей потребуются существенное перестроение. Как максимум, результатом станет крах капитализма – сами условия накопления капитала, связываемые Р. Люксембург с некапиталистическими анклавами, ставят объективный предел существованию капитализма: «Чем больше насилия проявляет капитал, когда он посредством милитаризма уничтожает во всем мире и в своей родной стране существование некапиталистических слоев и ухудшает условия существования всех трудящихся масс, тем скорее история современного капиталистического накопления на мировой арене превращается в непрерывную цепь политических и социальных катастроф и конвульсий, которые вместе с периодическими хозяйственными катастрофами в форме кризисов делают невозможным продолжение накопления» [28, с. 337].

Сегодня мы являемся свидетелями того, как товарное производство покрыло всю территорию нашей планеты, и почти все страны мира тем или иным образом включены в систему международного разделения труда. Чем шире ареал ее распространения, тем больший импульс получает капиталистическая экономика в своем развитии. Пройдя поэтапно поглощение Латинской Америки и Африки, мировой капитализм в очередной раз уткнулся в пределы собственной экспансии. Во второй половине XX в. это выразилось в долгосрочном снижении средней нормы прибыли в экономике США, которая к 1970-м гг. достигла 2,9 % [5, с. 41]. В то же время западный мир испытал на себе удары нефтяного кризиса и проблему stagflation. Затянувшийся выход из кризиса в очередной раз поставил перед капиталистической экономикой проблему

расширения. И оно произошло в последующие два десятилетия, когда в международное разделение труда сначала были включены азиатские страны, в первую очередь КНР, а затем республики бывшего социалистического лагеря. В результате западный мир получил в свое распоряжение гигантские рынки сбыта, а также масштабные источники сырья и дешевой рабочей силы. Это в значительной степени снизило издержки западных корпораций. Так, импортные цены для экономики США в 1970–2017 гг. росли в 1,6 раз медленнее темпа инфляции [29]. Кроме того, в годы интенсивного роста мировой экономики развитые страны центра стали местом приложения экспортных доходов периферийных экономик, имевших устойчиво положительное сальдо платежного баланса. В результате в предкризисное десятилетие развитые страны превратились в нетто-импортеров капитала, который они вкладывали в ценные бумаги крупнейших компаний и государственные облигации, становясь источником инвестиций для их развития. Результатами нового витка глобализации стали бурный рост мировой экономики и стремительное повышение нормы прибыли, которая в 2000-е гг. в США вновь достигла послевоенного уровня в 10 % [5, с. 41].

Однако стремительный рост мировой экономики, последовавший за расширением капиталистического мира в 1970–1990-е гг., в значительной степени был обеспечен не качественным, структурным развитием мировой хозяйственной системы, не переходом к новым ресурсосберегающим технологиям, а углублением эксплуатации мировой периферии мировым центром. Развитие западных экономик в эту эпоху носило во многом паразитический характер, что приводило к углублению и обострению социально-экономических противоречий, вылившихся в глобальный кризис.

Активное перемещение промышленных предприятий из США и стран Европы в азиатский мир стало возможным благодаря стремительному расширению мирового рынка труда. По оценке Р. Фримена, это привело к снижению капиталовооруженности труда в мире на 61 % [30, р. 2], а китайская промышленность стала развиваться по экстенсивному пути, вовлекая все большую долю аграрного населения в производственные процессы, основанные на трудозатратных технологиях. Дешевая рабочая сила позволила западным корпорациям минимизировать издержки, оказав влияние на инвестиционные стратегии фирм. Поскольку преимущество низкооплачиваемого труда проявляется только в условиях его масштабного применения, интерес инвесторов к развитию новых технологий снизился.

Так, прирост инвестиций в развитие оборудования и программного обеспечения для обработки информации в США в последние десятилетия сокращается. Единственный период бурного роста – конец 1990-х гг. – носил во многом спекулятивный характер и завершился образованием финансовых пузырей и знаменитым кризисом «доткомов» (рис. 3).

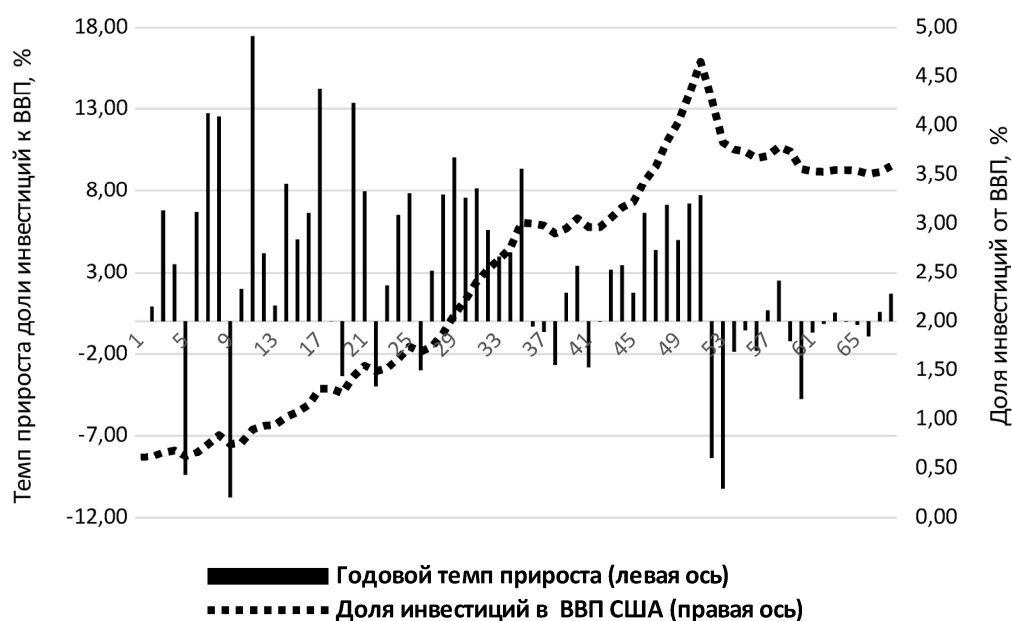

Рис. 3. Отношение частных инвестиций в оборудование и программное обеспечение для обработки информации к ВВП США (составлено автором на основании данных [31])

Американское государство также не проявляет большого интереса к инвестициям в высокотехнологичные сектора экономики. Бюджетные расходы на научно-исследовательские изыскания в период 1970–2015 гг. сократились с 11,8 до 3,7 % [32]. Это можно было бы объяснить окончанием холодной войны и ограничением военных расходов США, однако в секторах экономики, не связанных с оборонной промышленностью, также наблюдается отрицательная динамика: бюджетные расходы на НИОКР за тот же период упали с 5,9 до 1,8 % [32]. Одновременно в американской экономике происходит общее падение темпов роста инвестиций в основной капитал. В послевоенный период они прирастали в среднем на 4 % в год вплоть до 1970-х гг. В предкризисный период рост составил 2,9 %, а с 2007 г. его значение колеблется вокруг отметки в 1,8 %.

В целом, отношение темпов роста расходов американской экономики на научные исследования к ВВП является низким: начиная с 1970-х гг. они росли в среднем со скоростью 0,004 % в год. До сих пор не превышен уровень 1963 г., когда отношение расходов на НИОКР к ВВП составляло 2,79 % [54]. Параллельно с этим падали темпы прироста производительности труда: в послевоенный период прирост составлял в среднем 3,3 % в год; в последнее десятилетие этот показатель упал до 1,3 % [33].

Структурные изменения в промышленности повлияли на состояние рынка труда в США. Преимущество дешевой рабочей силы позволило американским корпорациям осуществлять давление на рабочий класс, который оказался в уязвимом положении. Так, если до 1970-х гг. темп роста реальных зарплат в экономике США

приблизительно соответствовал темпам роста производительности труда, то уже с 1973 г. эти показатели стали сильно расходиться. Темп роста реальных зарплат сильно снизился, и к 2016 г. разница между двумя показателями достигла 1,6 раза [34]. Те же тенденции наблюдаются в странах Европы, где с 1991 г. темп роста реальных зарплат отстал от темпов роста производительности труда на 23 % [35]. Изменилась и структура занятости: в 1990–2010-е гг. наибольший прирост рабочих мест в экономике США происходил в наименее оплачиваемых и в самых низкопроизводительных секторах, при этом в высокопроизводительных секторах рабочие места почти не создавались или появлялись в небольшом количестве. Это свидетельствует о серьезных дисбалансах в области занятости в экономиках западного мира и ставит под сомнение тезис о переходе этих стран на постиндустриальную стадию развития.

Стремительное высвобождение рабочей силы из промышленного производства не было вызвано ускорением НТП и замещением ручного труда машинным. Ручной труд просто переключался на плечи азиатских и мексиканских трудящихся. В итоге возникло резкое несоответствие между количеством потерявших работу промышленных рабочих и высокотехнологичными рабочими местами, которые экономика могла бы им предложить. Безработица стала одной из главных социальных проблем западного мира. Так, если в послевоенное время и до 1973 г. уровень безработицы в Великобритании колебался вокруг 3 %, то в последующие десятилетия, изменяясь от 5 до 10 %, он несколько раз переходил за 10 % [36]. Схожие тенденции наблюдались в экономиках Франции, Германии, Италии и других европейских стран. Перед США проблема безработицы стояла менее остро, хотя и там в 2016 г. не работал каждый шестой мужчина трудоспособного возраста со средним образованием [37]. Здесь также было нарушено равновесие на рынке труда, что заставило экономику искать ответ на возникшие вызовы. Выход был найден в формировании рабочих мест, цель которых заключается в первую очередь в обеспечении занятости населения, а затем уже в решении производственных задач.

Еще одним последствием развития глобализации последних десятилетий стало усиление имущественного неравенства в мире. Однако оно имело свою специфику. Массовые инвестиции, направляемые из стран центра на периферию капиталистической экономики – преимущественно в страны Азии и масштабная индустриализация этих регионов способствовали высоким темпам их экономического роста. Это позволило несколько снизить имущественный разрыв между центром и периферией. В целом, за период 1970–2016 гг. Всемирный банк отмечает снижение количества людей, живущих в условиях абсолютной нищеты (меньше, чем на 1,8 доллара в день), с 44 до 10 % [40]. В 1980 г. на страны Азии приходилось 27 % мирового богатства, а с 2016 г. – уже 37 %. Одновременно доля Европы сократилась с 37 до 24 % (см. таблицу).

Динамика распределения мирового дохода между регионами мира*

Регионы	Национальный доход, % от мирового		Доход на душу населения, тыс. долл. по ППС	
	1980	2016	1980	2016
Весь мир	100	100	10,5	11,8
Европа	37	24	20	23,8
Азия	27	37	5	7,1
Африка	5	3	5,5	2,9
Америка	30	34	21,7	29,4
Океания	1	2	21,3	38,8

* Составлено по [41].

В то же время стремительно росло межклассовое неравенство внутри стран, причем как в странах периферии, так и в центре мирового капитализма. Так, в период 2000–2017 гг. количество миллионеров в странах с высоким уровнем дохода увеличилось на 3,6 млн человек, в бедных странах – на 2,8 млн человек. При этом численность сверхбогатых людей (активы которых превышают 50 млн долларов) в странах с высокими доходами выросла на 11 000 человек, а в бедных странах – на 25 000 [42, с. 18]. По оценкам Credit Suisse, с 2012 по 2021 г. численность сверхбогатого населения планеты вырастет с 210 до 300 тыс. человек (на 30 %), а их совокупное состояние – с 26 до 37,6 трлн долларов [42, с. 21]. При этом общий экономический рост в последние десятилетия «обходил стороной» большие группы населения. По данным McKinsey, реальный доход двух третей домохозяйств в 25 развитых странах мира в 2005–2014 гг. не рос или даже падал [43]. Особенно четко эта тенденция проявляется в американском обществе, где активы 10 % самых богатых членов общества превышают совокупное богатство остальных 90 %. В период 1978–2014 гг. доля доходов 1 % населения во Франции выросла с 5,8 до 10,2 %, а в Китае – с 5,9 до 12,6 % [44]. Индекс Джини в КНР с 1983 по 2015 г. увеличился с 0,29 до 0,49, а в Мексике – с 0,43 до 0,46 [45]. В Бразилии показатель индекса Джини остается одним из самых высоких в мире – 0,55 [46].

Ситуацию в мировой экономике усугубляют высокий уровень внешнего долга ЕС и США и долговой кризис, сильнее всего ударивший по европейским экономикам. В Великобритании, Франции, Швейцарии, Германии, Италии, Канаде, Швеции, Норвегии и других странах объем внешнего долга существенно превышает уровень годового ВВП [50]. Острая фаза долгового кризиса ЕС, которая пришлась на начало 2010-х гг., поставила на грань дефолта Италию, Испанию, Ирландию, Грецию и Португалию. Последствия кризиса выразились в резком росте безработицы, бюджетных дефицитов и инфляции. В результате совокупный ВВП ЕС сегодня ниже, чем в 2008 г.: 16,4 против 19,1 трлн долларов [51]. Отметим, что важным источником долгового кризиса стала структура международного движения капитала, когда экспортные доходы менее развитых стран инвестировались в экономики центра мирового капитализма [52, с. 12]. В этом процессе участвовали даже государства периферии, активно наращивавшие ва-

лютные резервы для поддержания заниженных курсов национальных валют. Это позволяло сохранять конкурентоспособность экспортных отраслей, однако лишало развивающиеся экономики значительных источников роста и способствовало перераспределению национальных доходов в пользу собственников предприятий, работающих на экспорт. Такая модель привела к тому, что страны периферии превратились в нетто-экспортеров капитала, который принимали развитые страны. Во многом это стало причиной финансовализации, вызвавшей мировой финансовый кризис: капитал из периферии (преимущественно из Китая) создавал огромный спрос на ценные бумаги центра, искусственно завышая их курсовую стоимость и все больше отрывая финансовый рынок от динамики реального производства.

Американский философ Н. Хомский, рассуждая о глобализации, заметил, что, по сути, она является результатом действий влиятельных государств (особенно США), «которые вбивают торговые и прочие соглашения в глотку народам мира, чтобы корпорациям и богачам было легче господствовать в экономике самых разных стран, не имея перед их населением никаких обязательств» [53, р. 8]. Как показала практика последних десятилетий, паразитический характер развития экономической системы не только создает угрозы для долгосрочного развития общества, но и обостряет противоречия даже у бенефициара этой модели. Столкнувшись с глубоким кризисом 1970-х гг., капитализм центра смог найти новые источники для максимизации прибыли. Однако методы, обеспечившие этот рост, привели к негативным долгосрочным последствиям. Импульс роста, полученный благодаря поглощению оставшейся части некапиталистического мира, оказался исчерпанным.

Рост неравенства, торможение научно-технического прогресса, долговой кризис и финансовализация стали последствием экстенсивного расширения капитализма и причиной затянувшегося кризиса. Это заставляет крупный капитал вступать в новую схватку за передел мира, используя национальные государства в качестве оружия в этой борьбе. Пока противостояние нарастает преимущественно в экономическом поле, однако именно с этого началось усиление международной напряженности в 1920–1930 гг., приведшее ко Второй мировой войне.

Список литературы

1. *Маркс, К.* Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Изд-во полит. литературы, 1974.
2. *Аттали, Ж.* Мировой дух. К. Маркс / Ж. Аттали. – М.: Молодая гвардия, 2013.
3. *Shalmali, G.* Globalisation / G. Shalmali // *Development in Practice*. – Vol. 17, № 4/5. – 2007. – Aug. – P. 523–531.
4. *Некипелов, А. Д.* Глобализация и стратегия развития экономики России / А. Д. Некипелов; ИМП РАН, URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2001/fp/4/01.pdf> с.1 (дата обращения: 10.03.2018).
5. *Globalization: A Brief Overview, IMF* // URL: <https://www.imf.org/external/np/exr/ib/2008/053008.htm> (дата обращения: 10.03.2018).

6. Комолов, О. О. Rate of profit in the context of global economic instability / О. О. Комолов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2017. – №3. – С. 35–52.
7. Trade and tariff data, WTO, URL: https://www.wto.org/english/res_e/status_e/status_e.htm
8. Balance of payments, IMF, URL: <http://www.imf.org/en/Data>.
9. Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development, Global value chain development report // WTO, 2017. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvcs_report_2017.pdf (дата обращения: 14.03.2018).
10. FTSE statistics // London stock exchange. – URL: londonstockexchange.com/statistics/ftse/ftse.htm (дата обращения: 14.03.2018).
11. *Evenett, S.* The 21st global trade alert report: Will Awe Trump Rules? / S. Evenett, F. Johannes. – 2017 // URL: <http://www.globaltradealert.org/reports/42> (дата обращения: 14.03.2018).
12. Global Dynamics // Global trade alert. URL: http://www.globaltradealert.org/global_dynamics/day-to_1231 (дата обращения: 18.03.2018).
13. Технические барьеры в торговле – законная защита или протекционизм? // Мосты. 24.11.2017. URL: <https://www.ictsd.org/bridges-news/мосты/news/технические-барьеры-в-торговле-законная-защита-или-протекционизм> (дата обращения: 18.03.2018).
14. *Казарновский, П.* Трамп ввел пошлины на импорт стали и алюминия / П. Казарновский // РБК. – 9.03.2018. URL: www.rbc.ru/politics/09/03/2018/5aa1a1019a7947f67e30e5d3 (дата обращения: 18.03.2018).
15. Трамп ввел таможенные пошлины на импорт солнечных панелей и стиральных машин // ТАСС. – 23.01.2018. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4896876> (дата обращения: 18.03.2018).
16. *Paletta, D.* Trump prepared to hit China with \$60 billion in annual tariffs / D. Paletta // The Washington post. – 19.03.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/business/economy/trump-prepared-to-hit-china-with-60-billion-in-annual-tariffs/2018/03/19/fd5e5874-2bb7-11e8-b0b0-f706877db618_story.html?utm_term=.0d07eb5ff60e (дата обращения: 18.03.2018).
17. *Гурьянов, С.* ЕС пообещал защищаться от пошлин США в ВТО / С. Гурьянов // Взгляд. – 7.3.2018. URL: <https://vz.ru/news/2018/3/7/911553.html> (дата обращения: 10.02.2018).
18. *Millar, J.* Trump launches WAR on WTO – Brussels panic as EU admits «we need a plan B» / J. Millar // Sunday Express. – 19.03.2018. URL: <https://www.express.co.uk/news/world/933777/donald-trump-tariffs-trade-war-WTO-world-trade-organisation-eu> (дата обращения: 10.02.2018).
19. IMF boss calls for global currency // The Guardian. – 10.02.2011. URL: <https://www.theguardian.com/business/2011/feb/10/imf-boss-calls-for-world-currency> (дата обращения: 12.03.2018).
20. *Rooney, B.* Japanese yen hits new 4-year low / B. Rooney // CNN. – 9.05.2013. URL: <http://money.cnn.com/2013/05/09/investing/japan-yen/index.html> (дата обращения: 12.03.2018).
21. China devaluation raises spectre of currency wars // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/dfc1f2f2-4024-11e5-9abe-5b335da3a90e#axzz3jLpCbSdC> (дата обращения: 12.02.2018).
22. Центральный банк. Международные резервы ЦБ // URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/ (дата обращения: 20.01.2018).
23. *Matlack, C.* Putin’s Eurasian Union Looks Like a Bad Deal, Even for Russia / C. Matlack // Bloomberg. – 29.05.2014. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-05-29/putin-s-urasian-union-looks-like-a-bad-deal-even-for-russia> (дата обращения: 20.03.2018).
24. *Ленин, В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // ППС. – 5-е изд. – М.: Изд-во полит. литературы, 1969. – Т. 27.

25. Маркс, К. Капитал. Т.1/ К. Маркс // Соч. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955. – Т. 23.
26. Гевара, Э. Речь на втором экономическом семинаре организации афро-азиатской солидарности / Э. Гевара. URL: http://proriv.ru/articles.shtml/guevara?algiers_speech (дата обращения: 12.03.2018).
27. Полиция силой разогнала забастовку в Бангладеш // Euronews. – 25.09.2013, URL: <http://ru.euronews.com/2013/09/25/police-in-bangladesh-open-fire-as-textile-workers-protest-over-pay/> (дата обращения: 12.03.2018).
28. Люксембург, П. Накопление капитала / П. Люксембург. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1924.
29. Import Price Index (End Use): All commodities // FRED, <https://fred.stlouisfed.org/series/IR> (дата обращения: 12.03.2018).
30. Freeman, R. The new global labor market / R. Freeman // Focus, University of Wisconsin–Madison Institute for Research on Poverty. – Vol. 26, № 1. – Summer. – Fall. – 2008.
31. Private fixed investment in information processing equipment and software / Gross Domestic Product // URL: <https://fred.stlouisfed.org/graph/?g=GХс#0> (дата обращения 12.02.2018).
32. Budget of the US. Government FY 2015 Historical Tables. FY 2014 is the request // White House, URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/02/budget-fy2019.pdf> (дата обращения 12.02.2018).
33. The zombie robot argument lurches on / Economic Policy Institute, URL: <https://www.epi.org/publication/the-zombie-robot-argument-lurches-on-there-is-no-evidence-that-automation-leads-to-joblessness-or-inequality/> (дата обращения: 12.03.2018).
34. Average Hourly Earnings of All Employees: Total Private // FRED URL:<https://fred.stlouisfed.org/series/CES0500000003> (дата обращения: 12.03.2018).
35. The widening gap between wages and labour productivity // International labour organization, URL: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/multimedia/maps-and-charts/WCMS_193307/lang-en/index.htm
36. Unemployment statistics // Eurostat, URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment_statistics
37. An open and shut case // Economist. – Oct 1. – 2016. URL: economist.com/news/special-report/21707833-consensus-favour-open-economies-cracking-says-john-osullivan (дата обращения: 14.03.2018).
38. Graeber, D. On «bullshit jobs» / D. Graeber // The Economist. –21.04.2013.URL: <https://www.economist.com/blogs/freeexchange/2013/08/labour-markets-0> (дата обращения: 14.03.2018).
39. Соколов, А. Исследование РБК: сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают / А. Соколов. – 15.10.2014. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2>
40. Poverty rate // World bank, URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/poverty> (дата обращения: 14.03.2018).
41. Alvaredo, F. World inequality report / F. Alvaredo, T. Piketty, L. Chancel // World Inequality lab, URL: <http://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>. – P. 62–63.
42. Global Wealth Report 2017 // Credit Suisse. – 11.2017. URL:<http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=12DFFD63-07D1-EC63-A3D5F67356880EF3>

43. An open and shut case // *Economist*. – Oct 1. – 2016. – URL: economist.com/news/special-report/21707833-consensus-favour-open-economies-cracking-says-john-osullivan (дата обращения 14.04.2018).

44. *Smith, N.* Debating Whether Capitalism Shrinks Inequality / N. Smith // *Bloomberg*. URL: <https://www.bloombergquint.com/opinion/2017/04/12/debating-whether-capitalism-shrinks-inequality> (дата обращения 14.04.2018).

45. *Davis, B.* Globalization's Gains Come With a Price / B. Davis // *The Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB117994581454912387?mod=interactive> (дата обращения 14.04.2018).

46. *Mcvey, H.* China in Transition / H. Mcvey // *Kohlberg Kravis Roberts*. – 9.04.2013. URL: <http://www.kkr.com/global-perspectives/publications/china-transition> (дата обращения 14.04.2018).

47. The grim truth of Chinese factories producing the west's Christmas toys // *The guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/business/2016/dec/04/the-grim-truth-of-chinese-factories-producing-the-wests-christmas-toys> (дата обращения 14.04.2018).

48. Household final consumption expenditure, etc. (% of GDP) / *Worldbank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PETC.ZS> (дата обращения 14.04.2018).

49. *Sirkin, H.* Honing US Manufacturing's Competitive Edge / H. Sirkin, J. Rose, R. Choharia. – 11.01.2017, URL: <https://www.bcgperspectives.com/content/articles/lean-manufacturing-operations-honing-us-manufacturing-competitive-edge/> (дата обращения 14.04.2018).

50. Central government debt, total (% of GDP) // *World bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.DOD.TOTL.GD.ZS> (дата обращения 14.04.2018).

51. European union // *World bank*. URL: <https://data.worldbank.org/region/european-union> (дата обращения 14.04.2018).

52. *Головнин, М. Ю.* Последствия европейского долгового кризиса для экономики России / М. Ю. Головнин; под ред. М. Ю. Головина. – М.: ИЭ РАН, 2013.

53. *Chomsky, N.* Profit Over People: Neoliberalism and the Global Order / N. Chomsky. – New York : Seven Stories Press, 2011.

54. Ratio of U.S. R&D to gross domestic product, by roles of federal, business, and other nonfederal funding for R&D: 1953–2015. URL: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/figures> (дата обращения 14.04.2018).

55. *Kotz, D.* The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism / D. Kotz. – Cambridge, Massachusetts & London, England, 2015. – 288 p.

O. O. Komolov. Deglobalization in the context of global economic stagnation. The world economy has entered a phase of deglobalization, as evidenced by a decrease in the intensity of international economic relations, an increase in protectionist tendencies and increased political tensions in the world. The reason for this was the growing contradictions of the neoliberal stage in the development of the world economy, beginning in the 1970-s. They are manifested by the intensifying exploitation of the periphery of the world economy by its core, which caused the increasing global inequality, the slowdown of scientific and technological progress and the financialization of the world economy. The global recession, which has lasted for a decade, reflects the limits of the expansion of capitalism and raising the question of the historical boundaries of the capitalist mode of production.

Keywords: globalization, crisis, protectionism, inequality, scientific and technological progress.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

*С. А. Толкачев*¹

ИЗМЕНЕНИЕ КАЧЕСТВА И СТРУКТУРЫ ЦЕПОЧЕК ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАСТУПЛЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ²

Четвертая промышленная революция оказывает радикальное влияние на глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС). Тотальное внедрение инфокоммуникационных технологий в виде промышленного интернета вещей, аддитивных технологий, блокчейн приводит к качественным изменениям в формате ГЦДС. Необратимое переформатирование мирового промышленного ландшафта происходит в связи с разворачиванием процессов решоринга и обострением торговых войн. Формирующиеся ГЦДС эпохи четвертой промышленной революции соответствуют новой производственной парадигме: глобальный дизайн – локальное производство. Отмирание ГЦДС эпохи третьей промышленной революции связано с постепенным прекращением действия фундаментальных принципов промышленной организации – массовое производство и конвейерные сборочные линии. Новые ГЦДС ориентируются на кастомизацию продукта и миниатюризацию производства, содержат интеллектуальные системы управления на основе больших данных и интернета вещей, позволяют эффективно управлять жизненным циклом продукта. Приведены сравнительные характеристики ГЦДС периодов третьей и четвертой промышленных революций.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, решоринг, торговые войны, глобальные цепочки добавленной стоимости, аддитивные технологии, интернет вещей, блокчейн.

УДК 332.254

¹ *Сергей Александрович Толкачев*, первый заместитель руководителя департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д-р экон. наук, профессор.

² Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Методы использования информационно-коммуникационных технологий в повышении эффективности промышленности при создании цепочек воспроизводства добавленной стоимости», государственное задание Финансового университета, 2018 г.

Вся вторая половина XX в. прошла под знаком углубления международного разделения труда как главной движущей силы глобализации, и в последние десятилетия повсеместно сформировались глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС).

Наиболее активно ГЦДС стали формироваться со второй половины 1970-х гг. в связи с ростом цен на энергоносители и другие виды сырья, что привело к повышению издержек в развитых экономиках и обусловило потребность в поиске новых производственных площадок с дешевой рабочей силой. Кроме того, в 1970-е гг. в развитых странах стали ужесточаться экологические требования к производству продукции, что подтолкнуло компании к переносу отдельных наиболее энерго- и материалоемких производственных звеньев своих производств в развивающиеся экономики. Примерно в это же время развивающиеся страны Юго-Восточной Азии начали осуществлять экономические реформы с целью форсированного экономического роста, используя фактор дешевой рабочей силы. Транснациональные компании развитых стран приступили к политике офшоринга – вывода производственных площадок на территории развивающихся стран ради экономии на заработной плате и ресурсных платежах.

Особую роль в развитии ГЦДС сыграли удешевление информационно-коммуникационных технологий в результате третьей промышленной революции, а также создание более совершенных и дешевых средств транспорта, что снизило логистические издержки и создало условия для успешного использования схем поставок «точно в срок».

Формирование ГЦДС в эпоху третьей промышленной революции отразилось на изменении места стран в иерархии ведущих промышленных держав (табл. 1). Из старых промышленных держав только Япония и США сохранили свои порядковые места, тогда как Великобритания и Франция опустились вниз, а Индия, Южная Корея и Мексика продвинулись вверх благодаря офшорингу. Самые драматичные изменения произошли с Китаем и Россией.

В период третьей промышленной революции (1960–2010 гг.) была проведена автоматизация отдельных элементов системы массового производства, создававшегося в эпохи первой и второй промышленных революций. В результате первых трех промышленных революций была построена современная индустрия массового тиражирования физических объектов с заданными свойствами. ГЦДС служили связующим звеном в формировавшейся в течение двух предыдущих столетий системе углубления разделения труда и усложнения кооперационных связей между разбросанными в пространстве производителями.

Четвертая промышленная революция, о которой было заявлено в 2016 г. на ежегодной конференции в Давосе, фактически означает интеграцию цифровых и собственно производственных технологий в виде киберфизических систем, обеспечивающих «умное производство» (smart manufacturing) с помощью «умных машин».

Таблица 1

Изменение мест некоторых стран в производстве продукции обрабатывающей промышленности (1970–2015 гг.)

Год	США	Россия	Япония	Германия	Китай	Великобритания	Франция	Индия	Южная Корея	Мексика
1970	1	2	3	4	5	6	7	12	17	14
1980	1	2	3	4	5	8	6	13	17	12
1990	1	7	2	3	8	6	5	14	12	13
2000	1	16	2	3	4	5	7	13	8	10
2005	1	14	2	4	3	7	6	12	8	11
2006	1	14	2	4	3	7	6	12	8	11
2007	1	12	3	4	2	8	6	9	7	14
2008	1	9	3	4	2	7	6	12	8	13
2009	1	17	3	4	2	10	6	9	7	13
2010	2	11	3	4	1	10	8	9	5	13
2011	2	11	3	4	1	10	9	8	5	13
2012	2	10	3	4	1	11	8	6	5	12
2013	2	9	3	4	1	11	8	7	5	12
2014	2	11	3	4	1	9	8	6	5	12
2015	2	15	3	4	1	8	9	6	5	10

Источник: *Darrell, M. West and Christian Lansang. Global manufacturing scorecard: How the US compares to 18 other nations: report //Brookings. – 2018. – July 10. <https://www.brookings.edu/research/global-manufacturing-scorecard-how-the-us-compares-to-18-other-nations/>*

«Умные машины» – единая киберфизическая система – обмениваются потоками данных в режиме реального времени, могут оценивать состояние окружающей среды, вносить корректировки в технологический процесс, обнаруживать и исправлять ошибки, например, реагировать на износ оборудования. При этом обмен данными происходит не только между оборудованием, расположенным непосредственно на одной производственной площадке, но и по всей логистической цепочке поставщиков и потребителей.

Таким образом, киберфизические системы интегрируют компьютерные технологии с физическими процессами обработки материалов, формируя сложные системы, встроенные в окружающую среду и способные воспринимать ее изменения, реагировать на них, самообучаться и адаптироваться.

Удобной точкой отсчета начала четвертой промышленной революции (конечно, очень условной) является 2010 г. Вступление мировой экономики в четвертую промышленную революцию может подорвать столетние руководящие принципы организации промышленности, сформированные в ходе третьей и второй промышленных революций. На наших глазах происходит отрицание, казалось бы, незыблемых истин сформировавшегося в XX в. промышленного ландшафта. Три кита организации промышленности эпохи глобализации: массовое производство, офшоринг (разветвленная система цепочек добавленной стоимости, раскинутая по всему миру) и сборочные линии – постепенно отходят на второй план. Им на смену приходят новые индустриальные принципы.

Концепция массового индустриального производства заменяется концепцией кастомизированного производства, в особенности в связи с развитием технологий 3D-печати. Концепция безудержного офшоринга ради повышения степени специализации труда и снижения издержек производства пересматривается в силу многих субъективных и объективных обстоятельств. Среди первых – кризис глобализации и развернувшаяся торговая война; среди последних – возрождение культуры локальных производителей, близких к местному потребителю и способных в кратчайшие сроки обеспечить все вариации спроса. Наконец, сборочные линии, введенные в начале XX в. Генри Фордом, также перестают быть краеугольным камнем промышленной организации в наступающую эпоху цифровизации производства.

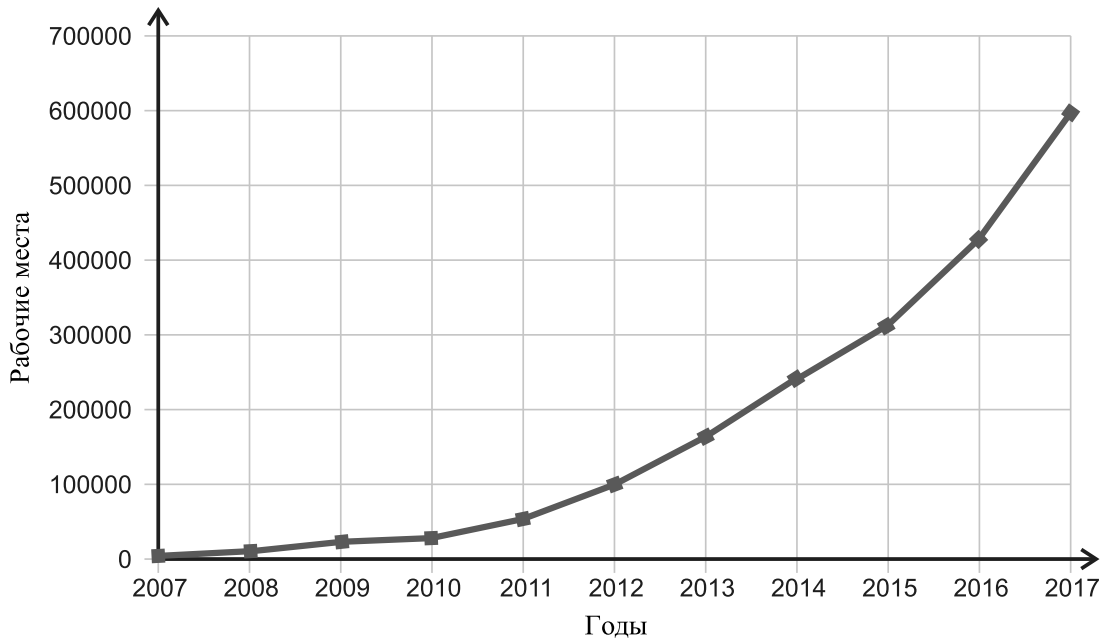
Претерпевают изменения и глобальные цепочки добавленной стоимости ГЦДС. Разветвленные и протяженные ГЦДС стали основным результатом глобализации. На пике этого процесса многие элементы производства оказались выведенными за пределы стран базирования штаб-квартир транснациональных корпораций в поиске дешевой рабочей силы. Низкие издержки производства, обеспечиваемые дешевизной труда в развивающихся странах, до поры позволяли не замечать нарастающих издержек, связанных с транспортировкой, складированием, прочими элементами логистики. Кроме того, кризис глобализации после событий на финансовых рынках в 2008–2009 гг. обострил проблемы, связанные с рисками внутристрановых регулирующих актов и процедур, а также этические и профессиональные проблемы, влияющие на бизнес.

С другой стороны, технологические разработки, позволяющие компаниям из развивающихся стран преодолеть критические уровни эффекта масштаба производства, вытолкнули на глобальный рынок новых производителей, привели к снижению уровня прибыльности и заставили локальных поставщиков изыскивать креативные способы сокращения издержек [1].

Значительное воздействие на перестройку ГЦДС оказывает политика рещоринга – возврата производственных предприятий, ранее выведенных за пределы США. Рещоринг и реиндустриализация, начатые при президенте Б. Обама, получили поддержку Д. Трампа [2], поскольку подтверждаются последними исследова-

ниями, свидетельствующими о пагубном воздействии офшоринга на американскую экономику, особенно на обрабатывающую промышленность. Так, в составе торгового дефицита США за 2017 г. в размере 566 млрд долларов более 70 % приходится на продукцию обрабатывающей промышленности, а не на услуги. По расчетам Института экономической политики, с 2001 по 2015 г. торговый дефицит США с Китаем возрос с 83 до 367,2 млрд долларов. За счет этого Америка потеряла 3,4 млн рабочих мест и было закрыто 59794 производственных предприятий обрабатывающей промышленности.³

Политика рещоринга приносит ощутимые результаты. Например, в 2017 г. благодаря возвращению производства американских компаний на территорию США и прямым зарубежным инвестициям в обрабатывающей промышленности Нового Света возникло дополнительно 170 тыс. рабочих мест. По сравнению с 2016 г. количество объявлений о наборе на работу в обрабатывающей промышленности выросло на 52 %, а по сравнению с 2010 г. – на 2800 %! [3] (см. рисунок).

Рост рабочих мест в обрабатывающей промышленности США за счет рещоринга и прямых зарубежных инвестиций (нарастающим итогом)⁴

³ <https://www.epi.org/publication/growth-in-u-s-china-trade-deficit-between-2001-and-2015-cost-3-4-million-jobs-heres-how-to-rebalance-trade-and-rebuild-american-manufacturing/>

⁴ <http://reshorennow.org/blog/reshoring-initiative-2017-data-report-reshoring-plus-fdi-job-announcements-up-2-800-since-2010/>

Не секрет, что большая часть американских компаний, принявших в эпоху глобализации решение об офшоринге, руководствовалась сопоставлением уровней зарплаты внутри страны и за рубежом. Однако постепенно зарплатный фактор перестал быть самым важным, в силу вступили другие обстоятельства, которые раньше недооценивались промышленниками. Среди этих факторов – автоматизация производства, развитие аддитивных технологий, возрождение значения бренда «Сделано в США», время доставки произведенной продукции, близость к потребителям внутреннего рынка, уровень тарифов и политика отечественных розничных торговых сетей, таких как Walmart, проводящих в последние годы патриотическую политику под лозунгом «покупай американское».

Представление о том, какие страны выступили в качестве основных поставщиков, дают табл. 2 и 3.

Таблица 2

Основные страны, из которых произошел возврат обрабатывающих производств на территорию США в 2010–2017 гг.⁵

Страна	Количество рабочих мест	Количество компаний	% от общего числа
1. Китай	28388	721	62
2. Мексика	8795	81	19
3. Япония	3585	27	8
4. Канада	2951	49	6
5. Испания	675	5	1
6. Тайвань	420	8	1
7. Италия	272	19	1
8. Иордания	225	3	0
9. Шри Ланка	207	5	0
10. Объединенные Арабские Эмираты	122	3	0
11. Венгрия	105	3	0
12. Германия	68	8	0
13. Корея	68	8	0
14. Все остальные	8	16	0

⁵ <http://reshorennow.org/blog/reshoring-initiative-2017-data-report-reshoring-plus-fdi-job-announcements-up-2-800-since-2010/>

**Основные страны, осуществившие прямые зарубежные инвестиции
в США в 2010–2017 гг.⁶**

Страна	Количество рабочих мест	Количество компаний	% от общего числа
1. Германия	63416	227	20
2. Китай	61601	186	20
3. Япония	50729	195	16
4. Канада	17013	122	5
5. Корея	15785	47	5
6. Швейцария	11043	51	4
7. Австралия	10173	17	3
8. Великобритания	8855	54	3
9. Италия	7034	56	2
10. Индия	6731	48	2
11. Франция	5861	53	2
12. Тайвань	5715	11	2
13. Швеция	5532	14	2
14. Дания	5295	24	2
15. Испания	5228	23	2
16. Мексика	3949	17	1
17. Бразилия	3618	18	1
18. Австрия	3266	24	1
19. Объединенные Арабские Эмираты	3258	3	1
20. Нидерланды	2768	24	1

Американская общественная деловая организация «Инициатива решоринга», проводящая консультационную, аналитическую и лоббистскую работу по содействию возврата производственных предприятий в США, в докладе, посвященном итогам решоринга за 2010–2017 гг., делает следующие выводы:

1. В настоящее время ясно, что американская промышленность, включая предприятия, принадлежащие зарубежным собственникам, может содействовать возвращению промышленной деятельности в США.

2. Американские и зарубежные компании осознали, что в их интересах увеличить предложение на американском рынке за счет подключения местных производителей.

3. Основная часть решоринга была связана с ожиданием снижения корпоративных налогов и ослабления регуляционных процедур. Дальнейший возврат хотя бы

⁶ Там же.

10 % из ранее вывезенных 5 миллионов рабочих мест потребует увеличения конкурентоспособности, в том числе за счет ослабления доллара, обучения высококвалифицированной рабочей силы и снижения корпоративного налогообложения.

4. Результаты решоринга опровергают распространенное мнение о том, что только от 4 до 13 % потери рабочих мест в американской обрабатывающей промышленности связано с офшорингом, а остальное вызвано автоматизацией.⁷

Развернувшаяся в середине 2018 г. по инициативе Д. Трампа полноценная торговая война с Китаем и Европой вносит большой вклад в перестройку глобальных цепочек добавленной стоимости. Международный валютный фонд (МВФ) оценивает потери для роста мирового ВВП от глобальной торговой войны в 0,5 % до 2020 г. (430 млрд долларов ежегодно недопроизведенного ВВП⁸).

Глобальные мировые производители вынуждены перестраивать стратегии организации цепочек поставок, чтобы ответить на вызовы динамично меняющейся картины мирового промышленного ландшафта.

После начала торговой войны между ЕС и США, когда Новый Свет учредил 25 %-ные пошлины на сталь и 10 %-ные на импортируемый алюминий, а Старый Свет в ответ обложил 25 %-ной ввозной пошлиной целый ряд американских товаров (включая мотоциклы, сигареты, кокосовое масло и пр.⁹), промышленные компании обеих сторон вынуждены были приступить к масштабной реорганизации поставок. В США, с одной стороны, намечается увеличение рабочих мест в стальной и алюминиевой отраслях, а с другой – сжатие бизнеса в обрабатывающих отраслях, потребляющих стальной и алюминиевый прокат (автомобилестроение, строительство, машиностроение). Только автомобильное производство в США потребляет свыше четверти всего объема рынка стали и ~ 40 % алюминия.

В результате торговой войны в производстве автотопродукции начинается броуновское движение. В зависимости от привлекательности рынков сбыта компании переводят свои производственные подразделения ближе к конечному потребителю. Американский «Harley Davidson» перемещает производство своих легендарных мотоциклов из штата Миссури в Таиланд, чтобы избежать убытков в 100 млн долларов в год, возникающих из-за европейских пошлин.¹⁰ Шведский автомобильный концерн «Volvo», наоборот, открывает производственное предприятие за 1,1 млрд дол-

⁷ <http://reshorenw.org/blog/reshoring-initiative-2017-data-report-reshoring-plus-fdi-job-announcements-up-2-800-since-2010/>

⁸ <https://www.theguardian.com/business/2018/jul/16/imf-trump-trade-war-global-economy-us-tariff-weo>

⁹ <https://money.cnn.com/2018/05/30/news/economy/eu-us-trade-war-tariffs-steel-aluminum/index.html?iid=EL>

¹⁰ <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-06-25/harley-davidson-to-shift-motorbike-production-to-counter-tariffs>

ларов в расчете на 4000 рабочих мест на территории США (в Южной Каролине), рассчитывая на развертывание базы закупок среди местных компаний.¹¹

Совершенно очевидно, что перемещение конечных сборочных производств глобальных машиностроительных компаний, обусловленное сугубо политическими акциями, приведет к радикальной смене системы поставок по всему миру и качественным изменениям в структуре цепочек добавленной стоимости.

Каковы основные черты складывающейся (постглобализационной?) системы цепочек добавленной стоимости? Прежде всего, происходит регионализация цепочек поставок. Компании под угрозой обострения торговой войны для минимизации транспортных, валютных и иных рисков стремятся устанавливать цепочки поставок внутри собственной страны или в пределах близлежащего региона. Это приводит к определенному росту издержек за счет появления новых расходов по администрированию новой сети. Компании должны четко оценивать все последствия от ненадежных поставщиков, так как временные сбои в цепи поставок негативно отражаются на операционных расходах конечного производителя.

Во-вторых, приходится сталкиваться с неизбежным повышением закупочных цен на сырьевую продукцию и полуфабрикаты. Например, установленные в США повышенные таможенные пошлины на импорт стали и алюминия из Китая увеличивают данный компонент издержек для американских промышленных потребителей на 2...5 % [4]. Чтобы предотвратить или ограничить воздействие данного фактора на рост цены готовой продукции, промышленные компании должны выстраивать новые цепочки поставок по критерию оптимизации прочих издержек производства, более активно отыскивать поставщиков, готовых предложить пониженные цены. Иначе, перекладывание растущих издержек на конечных потребителей грозит потерей доли рынка.

В третьих, торговые войны вынуждают производителей проводить рационализацию собственных издержек путем повышения производительности и даже идти на уменьшение норм прибыли. Взамен они получают доверие потребителей и могут рассчитывать на рост доходов за счет обслуживания поставленной продукции в течение 10...15 лет. Вкупе с факторами цифровизации производства данный тренд становится определяющим в перестройке цепочек поставок.

Главное революционизирующее воздействие на реорганизацию ГЦДС будет оказывать четвертая промышленная революция. В одном из первых исследований на эту тему – «Цифровой водоворот, или Как цифровая революция реформирует промышленность», опубликованном в 2015 г. Глобальным центром цифровых преобразований бизнеса (Global Center for Digital Business Transformation, DBT Center), – совместном проекте компании Cisco и Международного института управленческого развития в Лозанне (International Institute of Management Development, IMD) установлено, что в результате цифровой революции в каждой из исследуемых 12 отраслей

¹¹ <https://www.usatoday.com/story/money/cars/2018/06/20/volvo-charleston-south-carolina-plant-hakan-samuelsson/717299002/>

в течение пяти ближайших лет исчезнет около 40 % существующих компаний. Особенно важно, что: «Меняются не только бизнес-модели – меняются целые цепочки создания стоимости и предлагаемые продукты. Цифровизация не просто меняет отрасли, она все чаще стирает границы между ними»¹².

Суть четвертой промышленной революции (или цифровизации) состоит в интеграции информационно-коммуникационных технологий в производственный процесс и соединении последовательных этапов движения добавленной стоимости в единую управляемую систему на основе цифровых платформ. «Цифровые платформы стали завоевывать все большую популярность у бизнеса. Традиционные компании, такие как General Electric с ее Predix-платформой, и новые игроки, такие как Uber, Airbnb и индийская Flipkart, получили доступ к глобальным рынкам с помощью своих информационных платформ и промышленных экосистем локальных потребителей. С 2012 по 2015 г. некоторые компании, использующие цифровые платформы, росли с темпами порядка 100 % в год по сравнению с 5...8 % у традиционных ТНК» [5].

Одним из первых терминов, используемых для обозначения таких процессов, стал интернет вещей (*промышленный интернет вещей* – применительно к промышленному производству). Концепция интернета вещей первоначально получила развитие в сферах финансов и потребительских услуг, но в последние годы промышленность все активнее стала использовать этот способ повышения эффективности.

Согласно исследованиям крупнейшей маркетинговой компании «Statista», количество взаимосвязанных устройств, подпадающих под категорию интернета вещей, к 2020 г. возрастет в мире до 30 млрд, удваиваясь каждые 5 лет. А количество устройств промышленного интернета вещей, обеспечивающих межмашинное взаимодействие (M2M), вырастет с 1,5 млрд в 2018 г. до 3,3 млрд в 2021 г.

В 2016 г. в США около четверти всех инвестиций в приобретение устройств интернета вещей осуществили компании обрабатывающей промышленности и, согласно оценкам International Data Corporation (IDC), индустрия останется крупнейшим покупателем до 2020 г. [6]. Исследование компании IDC в 2017 г. показало, что 63 % опрошенных компаний уже приступили к внедрению в цепочки поставок промышленного интернета вещей. Однако только 8 % компаний внедрились интернет вещей по всей цепочке поставок, т. е. полностью трансформировали свою цепочку поставок на основе технологий межмашинного взаимодействия¹³.

Ключевой особенностью блокчейн является возможность осуществлять сделки под полным контролем всех участвующих сторон. Это высокоэффективное средство отслеживания почти всех форм данных – доставка информации в цифровую эпоху, благодаря чему кардинально снижаются издержки заключения сделок.

¹² https://www.cisco.com/c/ru_ru/about/press/press-releases/2015/06-26.html

¹³ https://www.opentext.com/file_source/OpenText/en_US/PDF/opentext-idc-digital-transformation-supply-chain.pdf

Блокчейн как антикоррупционная технология обеспечивает точность и аккуратность выполнения процессов, сокращая затраты на дополнительный аудит.

Применение блокчейн-логики к цепочкам поставок означает введение принципиально нового подхода, при котором ни один из элементов запасов не может существовать дважды в одном и том же месте. Статус любого продукта в цепочке поставок может быть установлен в течение минуты и доступен каждому участнику цепочки с полной отслеживаемостью вплоть до точки происхождения.

В пищевой и других отраслях, зависящих от времени доставки, важно отслеживать движение продукта. «Walmart» и «Nestlé», использующие блокчейн в глобальном масштабе, всегда располагают документацией о том, откуда пришел продукт и где он произведен, где хранится и когда продан [7].

IBM в январе 2018 г. объявила о новом партнерстве с Maersk, которое будет осуществляться при поддержке блокчейн-системы электронной доставки в международном масштабе. Потенциал системы – сокращение миллиардов долларов ежегодных расходов в глобальной индустрии судоходства.

Аналитика данных играет важную роль в современной цепочке. Обработка и мониторинг данных в реальном времени создают новые инструменты для сегодняшней цепочки поставок, и менеджеры должны знать, как использовать эти возможности:

1. *Обеспечение гарантии поставок.* Аналитика данных позволяет легко отслеживать сроки производства и узловые точки обеспечения безопасности и соблюдения стандартов, определения рыночных моделей и многое другое.

2. *Управление жизненным циклом продукта.* Переход к более продвинутой аналитике следующего поколения позволит смягчить риски, оптимизировать процессы и упростить конкурентную разведку.

3. *Обеспечение прозрачности поставок.* Технологии аналитики данных (как и блокчейн) полезны для отслеживания и проверки операций. Данные датчика позволяют легко определить точное местоположение груза и даже его текущее состояние.

Однако, пока взрывообразный рост аналитики данных приводит к сложностям в отделении действительно значимой информации от бесполезной.

Цепочки поставок становятся управляемыми данными (The Data-Driven Supply Chain). Производители могут использовать такие аналитические средства, как статистический контроль процесса SPC, для идентификации статистических выбросов (результатов измерения, выделяющихся из общей выборки) и улучшения качественных уровней цепочки поставок. Использование SPC позволяет каждый входящий параметр (время доставки, уровень повреждений, любые иные метрики, доступные треке-рам) немедленно сопоставлять с исторически средними, минимальными и максимальными значениями. Таким образом можно легко выявить и решить проблемы, вместо того чтобы заниматься догадками и дополнительным вмешательством [8].

По прогнозу известной маркетинговой компании IDC, к 2020 г. треть всех ГЦДС в обрабатывающей промышленности будут построены на основе аналитически управляемых когнитивных моделей, что увеличит стоимостную эффективность на 10 % (сни-

жение расходов на труд, экономия материальных ресурсов, улучшение использования основных фондов) и уровень обслуживания – на 5 % (сокращение сроков доставки, распределение складских запасов согласно приоритетным целям, ускорение ввода новой продукции)¹⁴. Формирование таких когнитивных цепочек поставок позволит компаниям проактивно управлять материальными оборотными средствами, приближая готовую продукцию к потребителю, снижая совокупные издержки по всей цепи поставок.

Преддиктивная аналитика – одна из наиболее прорывных технологий, которая окажет значительное влияние на цепочки поставок. Преддиктивная аналитика означает способность компьютера установить порядок и смысл в огромном потоке данных («большие данные»). Она позволяет менеджерам лучше управлять запасами, планировать более надежные схемы поставок, сокращать отклонения во времени поставок. Это снижает издержки по всей цепочке поставок.

Компания SAS – один из наиболее известных поставщиков технологий преддиктивной аналитики. Продуктовый гигант «Nestlé» использует технологии искусственного интеллекта SAS для улучшения обслуживания клиентов при минимизации складских запасов. «Nestlé» достигает экономии от использования преддиктивной аналитики в процессе обслуживания спроса на сезонные товары и товары с большими колебаниями спроса. Статистические модели, используемые искусственным интеллектом, непрерывно совершенствуются и позволяют точнее предсказывать поведение потребителей, особенно в случае учета факторов распродаж, скидок и акций промоутига.

Компания Toyota Material Handling USA (TMHU) является одним из лидеров по производству вилочных погрузчиков для загрузки большегрузных автомобилей. В США компания обслуживает свыше 500 000 машин. Ее дилерская сеть включает 3000 техников и получает свыше 18000 запросов на обслуживание ежегодно. Около 70 % произведенной продукции перевозятся внутри США на большегрузных автомобилях (фурах или траках). Сбой в работе погрузчика означает задержку транспортировки груза и сбой в работе всей цепи поставок.

TMHU в сотрудничестве с Exsys Inc., одной из старейших фирм по разработке технологий на основе искусственного интеллекта, разработали TED (Toyota Electronic Diagnosis) – экспертную систему для ускорения оценки состояния и предупреждающего ремонта погрузчиков. TED рассматривается в компании как незаменимый круглосуточный работник с богатым опытом, который может научить новых технических сотрудников. Затраты на разработку этой системы окупаются в течение первого года [9].

Автоматизация и роботизация транспортных потоков развивается по следующим направлениям:

1. Смарт управления движением. Китай (г. Нанкин) недавно представил систему управления потоком трафика, включающую в себя данные в реальном времени, а также прогностическую аналитику, помогающую путешественникам планировать

¹⁴ <https://bluecrux.com/wp-content/uploads/2018/05/IDC-FutureScape-Worldwide-Manufacturing-2018-Predictions.pdf>

свои маршруты на повседневной основе. Такая система может использоваться и при планировании цепочек поставок для промышленных компаний, предоставляя информацию о задержках трафика, вариантах объезда и даже погодных условиях.

2. Усиление механизмов безопасности. Это касается как автономных беспилотных, так и обычных водителей. Оценка состояния последних с помощью ряда датчиков и индикаторов помогает избежать инцидентов на дорогах.

3. Дистанционно управляемые доставочные дроны популярны среди потребителей, поэтому имеет смысл использовать их для доставки продукции и грузов. Компания «Amazon» уже представила доказательства и продемонстрировала потенциал службы доставки, однако технологии текущего поколения делают эти беспилотники жизнеспособными только для местных перевозок.

Интернет вещей в цепочках поставок включает в себя постоянно работающие и связанные средства слежения (трекеры), которые мониторят и отправляют информацию о местонахождении продукции в режиме реального времени. Технологии интернета вещей выводят всю транспортно-логистическую систему из состояния «черной дыры» в управляемую данными цепочку поставок, где и поставщик, и покупатель могут в режиме реального времени наблюдать за движением продукции.

Накопленные технологические достижения делают использование интернета вещей в цепочках поставок возможным и эффективным решением. Улучшение батарейных и сенсорных технологий позволяет трекерам мониторить помимо местонахождения температуру, влажность транспортируемой продукции и др. Глобальная система передачи данных позволяет транслировать информацию в режиме реального времени по всей планете. Недавно одна глобальная фармацевтическая компания использовала он-лайн трекеры для мониторинга чувствительной к температуре продукции во время транспортировки из европейского завода на североамериканскую базу дистрибуции. Детектор обнаружил, что контейнер оказался в зоне неправильной температуры, что грозило порчей продукции, и послал сигнал тревоги производителю. Диспетчер по поставкам, получив информацию, тут же связался с доставщиком, контейнер был срочно перемещен в зону подходящей температуры, и продукция была спасена¹⁵.

В марте 2017 г. система искусственного интеллекта «Эйнштейн», разработанная компанией «Salesforce», была апробирована в складских помещениях компании «Coca-Cola». Система визуального распознавания автоматически отслеживает состояние запасов, пополняя их по мере необходимости. В результате уменьшается потребность в соответствующих работниках, которые могут быть переброшены в другие сферы деятельности. Кроме того, менеджеры получают возможность в режиме реального времени со своих смартфонов и планшетов получать точную информацию о состоянии складских запасов¹⁶.

¹⁵ <http://pharmaceuticalcommerce.com/opinion/data-logging-not-enough-modern-pharma-supply-chain/>

¹⁶ <https://www.supplychaindive.com/news/einstein-artificial-intelligence-salesforce-ibm-watson-coca-cola-inventory-management/439201/>

3D-принтеры еще совсем недавно рассматривались как нишевые продукты. Небольшой размер оборудования вкупе с безотходным, по сути, производством низвели эти устройства до выпуска мелкосерийной продукции потребительского назначения. Однако времена меняются. Компания «Дженерал Электрик» планирует производить к 2020 г. с помощью 3D-принтеров 40 000 сопел для реактивных двигателей и уже инвестировала в эту технологию 1 млрд долларов в 2016 г. и планирует инвестировать столько же в ближайшие несколько лет.

Не отстают и другие компании: американская компания UPS, специализирующаяся на экспресс-доставке и логистике, находится в середине процесса запуска в США более 60 предприятий по обеспечению сервиса 3D-принтинга по запросу потребителей¹⁷.

Известный отечественный исследователь глобальных цепочек стоимости В. Б. Кондратьев отмечает грядущее революционное воздействие аддитивных технологий на реорганизацию глобальных цепочек стоимости: «3D-принтеры позволяют продуцировать множественные проектные решения на одном и том же оборудовании. В результате экономия на масштабах уже не играет былой роли и не дает таких же преимуществ, как в традиционной обрабатывающей промышленности. По мере совершенствования и более широкого распространения 3D-печати может произойти реверс специализации и стандартизации существующих цепочек снабжения, которые сформировались в последние десятилетия, позволяя производить большее число деталей в меньшем числе географических пунктов. Сжатие стоимостных цепочек как по протяженности, так и по числу производственных узлов (центров), в свою очередь, сокращает объемы глобальной торговли, поскольку все меньшее число стран и предприятий вовлекается в один и тот же производственный процесс» [5].

Подытоживая, охарактеризуем воздействие инфокоммуникационных технологий, лежащих в основе четвертой промышленной революции, на трансформацию ГЦДС. Новое поколение формирующихся ГЦДС вырастает из глобальной трансформации мирового промышленного ландшафта, когда утрачивают свое значение классические принципы промышленной организации последних двух веков (массовое производство однотипной продукции на основе сборочного производства и многоуровневая система поставок – офшоринг). Четвертая промышленная революция выдвигает новые принципы: производство кастомизированной продукции локализованными производственными центрами. В предыдущих работах мы предложили говорить о смене индустриальной парадигмы [10]. На смену парадигме «Локальный дизайн – глобальное производство» идет парадигма «Глобальный дизайн – локальное производство».

Е. Б. Ленчук отмечает влияние цифровизации на ускорение процесса изготовления продукции: «... если в традиционном производстве множество отдельных этапов (выпуск деталей и сборка) были разделены во времени и пространстве, то современное цифровое производство, по сути, размывает границы между изготовлением

¹⁷ <https://www.manufacturing.net/article/2018/04/5-technologies-disrupting-supply-chain>

деталей и сборкой, производство становится непрерывным с использованием ультра-эффективных процессов автоматизации» [11].

Эти тенденции не могут не повлиять на консолидацию и сжатие ГЦДС. Наблюдаемое обострение мировой экономической ситуации, торговые войны являются конъюнктурным отражением глубокой объективной тенденции переформатирования всего мирового промышленного ландшафта.

Цифровизация на основе промышленного интернета вещей в перспективе может привести к такому уровню кастомизации производства, при котором будет излишней приставка «глобальный» в словосочетании ГЦДС. Решоринг и миниатюризация производственных мощностей, ориентированных не на массового глобализированного потребителя, а на локализованного, позволит поставить вопрос о замене аббревиатуры ГЦДС на локальные ЦДС или кастомизированные ЦДС.

В заключение приведем отличительные характеристики существующей, но разрушающейся системы ГЦДС, сложившейся в эпоху третьей промышленной революции и глобализации, и формирующейся в ходе четвертой промышленной революции новой системы ГЦДС (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительные характеристики ГЦДС эпох третьей и четвертой промышленных революций

Характеристики ГЦДС	ГЦДС третьей промышленной революции (XX в.)	ГЦДС четвертой промышленной революции (XXI в.)
Господствующие принципы промышленной организации	Рост специализации и кооперации, конвейерная сборка, офшоринг	Локализация производства под выпуск кастомизированной продукции, решоринг
Роль инфокоммуникационных технологий в организации ГЦДС	Формирование кибернетических систем. Инфокоммуникационные технологии используются для частичной автоматизации сборочных производств, обмена финансовой и управленческой информацией	Формирование киберфизических систем. Инфокоммуникационные технологии используются для платформенной интеграции ГЦДС на основе обобщения информации, характеризующей движение продукции по всей цепочке в режиме реального времени
Господствующий стиль управления	Реактивный. Проблемы решаются по мере их обнаружения	Проактивный. Будущие проблемы предсказываются и решаются до их осуществления

Проблемы развития экономики

Характеристики ГЦДС	ГЦДС третьей промышленной революции (XX в.)	ГЦДС четвертой промышленной революции (XXI в.)
Факторы развития ГЦДС	Развитие транспортных путей сообщения, внедрение инфокоммуникационных технологий в сферы финансов и управления, автоматизация сборочных производств	Внедрение инфокоммуникационных технологий в сферы производства, логистики, послепродажного обслуживания. Промышленный интернет вещей. Появление локально-ориентированных транспортных средств (дроны, беспилотные транспортные средства)
Вектор развития	Увеличение количества звеньев ГЦДС под воздействием повышения степени подетальной специализации производства и глобализации рынков сбыта	Снижение количества звеньев ГЦДС благодаря сокращению этапов технологической переработки при внедрении новых технологических принципов (аддитивных технологий, роботизации) и локализации (регионализации) рынков сбыта
Значение технологических компетенций ключевого участника – организатора ГЦДС	Определяющее. Технологическое лидерство и «родовое» знание ключевого участника бесспорно. Экономика технологического суверенитета	Размытое. Технологические компетенции становятся доступнее для прочих участников ГЦДС благодаря цифровизации. Экономика «индустриальных приложений»
Господствующая бизнес-модель промышленных компаний	Производственная. Производство массовой однотипной продукции с низкими издержками	Сервисная. Производство массовой кастомизированной продукции с последующим долгосрочным обслуживанием
Тип взаимодействия производителя и потребителя	Клиентский. Производитель и потребитель имеют четкое распределение ролей	Кооперационный производитель и потребитель вовлечены в совместный расширенный производственный процесс
Характер создаваемых цепочек добавленной стоимости	Вертикальный. Последовательная линейная передача между распределенными производителями с жестко закрепленными функциями и ответственностью	Сетевой. Нелинейное (быстроменяющееся и неустойчивое) локализованное сотрудничество с неопределенными ролями и ответственностью
Конкурентные преимущества ГЦДС	Снижение издержек и повышение качества продукции за счет углубления подетальной специализации каждого участника цепи	Повышение гибкости, прозрачности и управляемости за счет интеллектуального обобщения результатов внедрения инфокоммуникационных технологий (цифровизации). Ускорение времени поставок, снижение издержек координации

Список литературы

1. *Belanger, Y.* Globalization Brings New Risks into the Supply Chain / Y. Belanger, Y. Leclerc // *Industry Week*. – 2013. – Nov. 06. <http://www.industryweek.com/logistics/globalization-brings-new-risks-supply-chain>
2. *Москвитина, Е. И.* Реиндустриализация в США при президенте Д. Трампе: ожидания и первые итоги / Е. И. Москвитина, С. А. Толкачев // *США и Канада: экономика, политика, культура*. – 2018. – № 3.
3. *Moser, H.* Reshoring Is on the Rise: What It Means for the Trade Debate / H. Moser, M. Kelley // *Industry Week*. – 2018. – Apr. 13. <https://www.industryweek.com/economy/reshoring-rise-what-it-means-trade-debate>
4. *Bhadauria, Sh.* How Tariff-Proof Is Your Supply Chain Strategy? / Sh. Bhadauria // *Industry Week*. – 2018. – Aug. 20. <https://www.industryweek.com/supply-chain/how-tariff-proof-your-supply-chain-strategy>
5. *Кондратьев, В.* Новый этап глобализации: особенности и перспективы / В. Кондратьев // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – №6.
6. *Tomas, T.* The Connection Between Smart Manufacturing and IoT / T. Tomas. <https://www.manufacturing.net/article/2018/07/connection-between-smart-manufacturing-and-iot>
7. *Myerson, P.* Un-Block Your Supply Chain / P. Myerson // *Industry Week*. – 2018. – May. 06. <http://www.industryweek.com/supply-chain/un-block-your-supply-chain>
8. *Dukach, D.* Is Your Supply Chain Stuck in the Bermuda Triangle? / D. Dukach // *Industry Week*. – 2018. – Apr. 30. <http://www.industryweek.com/technology-and-iiot/your-supply-chain-stuck-bermuda-triangle>
9. *Blanchard, D.* A Smarter Way to Run a Supply Chain / D. Blanchard // *Industry Week*. – 2016. – Jun. 26. <http://www.industryweek.com/supply-chain/smarter-way-run-supply-chain>
10. *Толкачев, С. А.* Методологические основы трансформации глобальных цепочек стоимости в ходе неоиндустриализации / С. А. Толкачев, А. Ю. Тепляков // *Экономическое возрождение России*. – 2016. – № 3 (49). – С. 57–65.
11. *Ленчук, Е. Б.* Технологический аспект новой индустриализации России / Е. Б. Ленчук // *Экономическое возрождение России*. – 2018. – №2. – С. 70.

S. A. Tolkachev. Change in the quality and structure of value added chains in the era of the Fourth Industrial Revolution: influence of globalization crisis and the advent of the digital economy. The fourth industrial revolution exerts radical impact on the global value added chains (GVC). Total introduction of infocom technologies in the form of the Industrial Internet of things, additive technologies, a blockchain, leads to high-quality changes in the GVC format. Irreversible reformatting of a world industrial landscape happens in connection with expansion of reshoring and aggravation of current trade wars. The formed GVC in the Fourth industrial revolution times correspond to a new production paradigm – global design – local production. Dying of GVC of the Third industrial revolution are connected with gradual cancellation of the fundamental principles of the industrial organization – mass production, assembly lines. New GVC are guided by customization of a product and miniaturization of production, contain intellectual control systems on the basis of Big Data and the Internet of things, allow to operate product life cycle effectively. Comparative characteristics of the GVC third and fourth Industrial Revolutions are given.

Keywords: fourth industrial revolution, reshoring, trade wars, global value added chains, additive technologies, internet of things, blockchain.

Ю. А. Маленков¹, Ю. В. Кузнецов², Е. М. Анохина³, В. М. Жигалов⁴

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ
ДЕПРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ⁵**

Рассмотрены теоретико-методологические проблемы системного подхода к оценке стратегической устойчивости предприятий депрессивного региона. Введена новая категория и критерии депрессивности региона. В условиях ухудшения внешней среды экономики России обоснована необходимость переноса внимания руководства с администраций регионов на стратегическую устойчивость предприятий, от которых зависит жизнеобеспечение регионов. Предложен новый подход к оценке стратегической устойчивости предприятий депрессивных регионов на основе синтеза его внешней и внутренней сред и системы ее компонентов, включающих семейства динамик сценарных прогнозов. Даны теоретико-методологические предложения по инновационным изменениям в управлении развитием экономик предприятий депрессивных регионов, в том числе переход от долгосрочных стратегических планов к трехлетним и приоритетной поддержке предприятий, обеспечивающих окупаемость инвестиций в этот период.

Ключевые слова: развитие, депрессивный регион, оценка, стратегическая устойчивость, критерии, предприятия, эффективность, инновации, инвестиции.

УДК 338.242+354

Тот, кто не смотрит вперед, оказывается позади.

Д. Герберт

Современная экономика Российской Федерации развивается в сложных условиях действия санкций, замедляющих научно-технический прогресс и приток инвестиций, нестабильности цен на энергоресурсы, усиления нерыночной конкуренции на всех рынках. Поэтому внимание специалистов и политиков приковано к внешним факторам,

¹ Юрий Алексеевич Маленков, профессор кафедры планирования и управления социально-экономическими процессами экономического факультета СПбГУ, д-р экон. наук.

² Юрий Викторович Кузнецов, зав. кафедрой кафедры планирования и управления социально-экономическими процессами экономического факультета СПбГУ, профессор, д-р экон. наук.

³ Елена Михайловна Анохина, доцент кафедры планирования и управления социально-экономическими процессами экономического факультета СПбГУ, канд. геогр. наук.

⁴ Вячеслав Михайлович Жигалов, доцент кафедры планирования и управления социально-экономическими процессами экономического факультета СПбГУ, канд. экон. наук.

⁵ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01204.

влияющим на состояние и перспективы экономики РФ. Однако не менее сильное влияние на экономику страны оказывают внутренние факторы, к которым, в первую очередь, следует отнести состояние экономик предприятий в депрессивных регионах. Администрации этих регионов получают крупные ресурсы на поддержание уровня жизни населения, развитие своих экономик, но в течение многих лет экономическая ситуация не изменяется. Стратегическая устойчивость экономик страны и ее регионов определяется стратегической устойчивостью предприятий крупного, среднего и малого бизнеса.

В настоящее время все регионы имеют свои стратегии и (или) стратегические планы развития, что, казалось бы, должно повлиять на улучшение их положения. Однако экономическая ситуация в большинстве регионов не улучшается.

Как следует из данных Росстата РФ, 8 регионов из 85 (от 9 % общего числа) имеют задолженности, превышающие их суммарные годовые доходы, а задолженности 59 регионов (70 % от общего числа) составляют более 40 %. Общая задолженность регионов на 1-е ноября 2018 г. – 2,13 трлн рублей (в том числе долги муниципалитетов – 348 млрд рублей) [1]. Внешний долг компаний в настоящее время составляет 409 млрд долларов (25 % ВВП) [2]. Глава Федеральной антимонопольной службы И. Ю. Артемьев в своем выступлении по РБК отметил, что несколько лет назад у нас было 10 высокодоходных регионов, способных развиваться самостоятельно, а сегодня их осталось только два [3].

Очень негативное влияние на экономику страны оказывают депрессивные регионы и их предприятия. В научной литературе нет единого мнения по поводу того, какие регионы относить к депрессивным. С методологической точки зрения необходимо различать регионы, *отстающие* от среднего уровня развития, и *депрессивные*. Это разные экономические категории, но их часто смешивают. Мы предлагаем внести следующее разграничение. Категория *отстающий регион* предполагает, что регион временно может снизить свою эффективность, но способен преодолеть это снижение в краткосрочном периоде (1...3 года).

Основные критерии отнесения регионов к *категории депрессивных*:

- 1) длительность периода экономически неэффективного развития (более 5 лет), длительная рецессия;
- 2) отсутствие в регионе реальных (не бумажных) драйверов экономического и социального развития;
- 3) большая (свыше 40 %) задолженность перед государством;
- 4) деформация ценностных характеристик населения, проживающего на этой территории (неверие в улучшение, демотивация, дефицит лидеров и т. п.);
- 5) низкие темпы инвестиций и инноваций.

Состояние депрессивных регионов определяется экономическим ростом их предприятий и их стратегической устойчивостью. Методологические вопросы оценки стратегической устойчивости предприятий изучены недостаточно, а специфика депрессивных регионов вообще не учитывается. В некоторых работах даются предложения по оценке отдельных аспектов стратегической устойчивости, в основном, с акцентом на финансовую составляющую устойчивости [4] и внутренние факторы предприятий [5] или в виде общих

подходов, классификации ее видов [6]. Методология системной оценки стратегической устойчивости предприятий депрессивных регионов отсутствует, и в связи с ухудшением внешних условий развития экономики РФ, замедлением роста уровня жизни внутри страны этот вопрос требует неотложного решения. В мировом рейтинге по уровню конкурентоспособности (см. рисунок) российская экономика, по оценкам IMD, занимает 45-е место (в 2017 г. – 46-е место, аналогично и в прошлые годы).

2018	Country	2017	Change	2018	Country	2017	Change
1	USA	4	+3 ↑	33	Portugal	39	+6 ↑
2	Hong Kong SAR	1	-1 ↓	34	Poland	38	+4 ↑
3	Singapore	3	-	35	Chile	35	-
4	Netherlands	5	+1 ↑	36	Spain	34	-2 ↓
5	Switzerland	2	-3 ↓	37	Slovenia	43	+6 ↑
6	Denmark	7	+1 ↑	38	Kazakhstan	32	-6 ↓
7	UAE	10	+3 ↑	39	Saudi Arabia	36	-3 ↓
8	Norway	11	+3 ↑	40	Latvia	40	-
9	Sweden	9	-	41	Cyprus	37	-4 ↓
10	Canada	12	+2 ↑	42	Italy	44	+2 ↑
11	Luxembourg	8	-3 ↓	43	Indonesia	42	-1 ↓
12	Ireland	6	-6 ↓	44	India	45	+1 ↑
13	China Mainland	18	+5 ↑	45	Russia	46	+1 ↑
14	Qatar	17	+3 ↑	46	Turkey	47	+1 ↑
15	Germany	13	-2 ↓	47	Hungary	52	+5 ↑
16	Finland	15	-1 ↓	48	Bulgaria	49	+1 ↑
17	Taiwan	14	-3 ↓	49	Romania	50	+1 ↑
18	Austria	25	+7 ↑	50	Philippines	41	-9 ↓
19	Australia	21	+2 ↑	51	Mexico	48	-3 ↓
20	United Kingdom	19	-1 ↓	52	Jordan	56	+4 ↑
21	Israel	22	+1 ↑	53	South Africa	53	-
22	Malaysia	24	+2 ↑	54	Peru	55	+1 ↑
23	New Zealand	16	-7 ↓	55	Slovak Republic	51	-4 ↓
24	Iceland	20	-4 ↓	56	Argentina	58	+2 ↑
25	Japan	26	+1 ↑	57	Greece	57	-
26	Belgium	23	-3 ↓	58	Colombia	54	-4 ↓
27	Korea Rep.	29	+2 ↑	59	Ukraine	60	+1 ↑
28	France	31	+3 ↑	60	Brazil	61	+1 ↑
29	Czech Republic	28	-1 ↓	61	Croatia	59	-2 ↓
30	Thailand	27	-3 ↓	62	Mongolia	62	-
31	Estonia	30	-1 ↓	63	Venezuela	63	-
32	Lithuania	33	+1 ↑				

Рейтинг конкурентоспособности стран мира [7]

Такое положение нельзя объяснить только недостаточным уровнем инвестиций, неэффективной работой государственных органов управления (в том числе администраций регионов), ухудшением внешней среды развития экономики РФ, низким уровнем инновационной активности на предприятиях. По нашему мнению, проблема значительно глубже, и ее решение требует нового подхода. Ведь даже в благоприятный для экономики РФ период конкурентоспособность страны и ее предприятий практически изменялась очень медленно. Прорывные направления и новые производства создавались точечно, не затрагивая экономики регионов в целом. Десятилетия значительная часть регионов и их предприятий остается в ситуации инновационного застоя и практически не изменяет своего экономического положения.

В СССР ответственными за ситуацию в экономике областей и их предприятий считались органы их управления (обкомы, облисполкомы, министерства). В настоящее время главы регионов и их администрации также считаются главными факторами экономического развития регионов. Однако в действительности их влияние на экономики регионов и предприятий ограничено и не может решить проблемы их развития.

Российская теория регионального управления механически перенесла принципы управления территориями СССР на современную радикально изменившуюся рыночную среду, и руководство страны пытается влиять на рост экономик регионов через контроль рейтингов и результатов работы губернаторов. По нашему мнению, следует сфокусировать внимание на объектах нижних уровней, которые создают экономику регионов: на предприятиях, дифференцируемых по уровням (крупный, средний и малый бизнес).

США и другие страны занимают верхние позиции в мировом рейтинге конкурентоспособности (см. рисунок) благодаря конкурентоспособности своих компаний, а не деятельности администраций штатов. Территориальные администрации в экономически развитых странах не считаются главными драйверами экономического развития. Их основные задачи – поддержание социального порядка, закона и жизнеобеспечения территорий. В России администрации регионов в высокой степени интегрированы в их экономики. В ряде регионов созданы огромные монополии с участием госслужащих, которые закрывают дорогу конкурентам и инновациям. Даже после краткосрочного управления регионами у родственников руководителей, благодаря административным преференциям, появляются миллиардные состояния, а в регионах нет никаких изменений и прорывов в развитии, наоборот, приоритетные направления развития заморожены. Фундаментальное положение: политика не должна вмешиваться в экономику – постоянно нарушается. В разных регионах предприниматели повторяют одно и то же: «Вы нам только не мешайте, мы все сделаем сами», имея в виду противодействие местных властей.

Решение экономических проблем в депрессивных регионах нужно осуществлять не только через воздействие на их администрации, создание мегапроектов территорий роста, опережающего развития и других, но и через подъем экономик и обеспечение стратегической устойчивости предприятий, стимулирование деловой и инновационной активности населения.

С нашей точки зрения, эта проблема должна решаться следующим образом. Необходимо объективно оценивать стратегическую устойчивость предприятий и определять, каким из них предоставлять льготы и господдержку, а каким – нет. Сегодня не существует объективных критериев в этой сфере, все делается на основе «личных контактов», искусственно создаваемых, зачастую фальшивых, имиджей и субъективных решений. Огромные государственные средства расходуются непроизводительно (чаще всего впустую) на поддержку бесперспективных объектов, которые давно нужно ликвидировать или передать эффективным собственникам. Эти оценки должны использоваться не как индикативные, а как встроенные в механизмы принятия решений о поддержке предприятий депрессивных регионов.

В существующих методах делается акцент на оценке внутренних параметров предприятия без учета связи между ними и параметрами внешней среды, что дает статичные характеристики. Но предприятие будет стратегически устойчивым, только если конфигурации его внешней и внутренней сред будут совместимы, а не противоречить друг другу.

Нами предлагается новый подход к оценке стратегической устойчивости предприятий депрессивных регионов на основе *принципа синтеза их внешней и внутренней сред*.

При этом необходимо определить следующие компоненты:

1. Наличие платежеспособного спроса на продукцию предприятия в долгосрочном периоде. Первой составляющей оценки стратегической устойчивости должно быть семейство сценарных динамик платежеспособного спроса на его продукцию.

2. Система государственных приоритетов данной продукции, измеряемая по шкале (0,10) и зависящая от времени и объема выпуска его продукции; степень удовлетворения потребностей страны в данной продукции, что особенно важно в условиях импортозамещения, и обеспечения развития депрессивного региона. Для одного региона приоритетным может быть энергообеспечение, для другого – продукция агрокомплекса.

3. Региональный приоритет, рассчитываемый по той же шкале и учитывающий необходимость данного продукта для жизнеспособности региона, перехода на его самообеспечение в случае кризиса поставок из других регионов (чего можно достичь созданием резервных мощностей в основных отраслях).

4. Конкурентоспособность как главный фактор выживания на рынке, являющаяся функцией инвестиций, инноваций, качества стратегического управления и определяющая потенциальную возможность предприятия получить долю рынка.

5. Семейство прогнозных значений динамики возможных объемов продукции и услуг предприятия в зависимости от доступных инвестиций и кредитов.

6. Семейство прогнозных значений динамики рентабельности полных экономических результатов, учитывающих его прибыль, прибыль от реинвестиций, изменение стоимости бизнеса, инвестиции и кредиты в зависимости от объемов производства.

7. Динамика сроков окупаемости в зависимости от объемов выпуска конкурентоспособной продукции и требуемых объемов инвестиций.

8. Оценка влияния предприятия депрессивного региона на занятость населения региона.

9. Оценка снижения воздействия предприятия на экологию региона (загрязнение воды, воздуха, почвы).

10. Вклад экономики предприятия в экономику ВРП депрессивного региона.

Данные компоненты системно зависимы, образуют логическую цепь объективного и количественного определения стратегической устойчивости предприятий, отражают степень соответствия конфигураций их внешней и внутренней сред, которая определяет эффективность их развития и влияния на экономику депрессивных регионов.

Стратегические оценки предприятий депрессивных регионов следует проводить на основе многокритериального моделирования, включающего указанные выше критерии и технологии больших данных цифровой экономики, обеспечивающих анализ множества сценарных комбинаций, возникающих при расчетах. Но одного проведения оценок стратегической устойчивости предприятий недостаточно. Они не должны ограничиваться описанием, их нужно интегрировать в работу систем управления экономикой. Мы предлагаем следующие инновационные изменения в управлении развитием экономик предприятий депрессивных регионов, основанные на принципе синтеза их внешней и внутренней сред:

1. Во внешней среде предприятий следует применить новую систему национальных приоритетов государственной поддержки предприятий депрессивных регионов, которая поддерживает предприятия, обеспечивающие жизнеспособность регионов с условием принципа обязательной отдачи вкладываемых инвестиций в ближайшие три года. В качестве приоритетных отраслей господдержки следует принять не космос и нанотехнологии, а агрокомплекс, машиностроение, энергетику, транспорт, информатику, которые обеспечивают жизнеспособность регионов. Поддержку проектов с более длительными сроками окупаемости можно осуществить во вторую очередь. Крупные проекты в России, как правило, не окупаются, а экономическая ситуация требует как можно более быстрого возврата вложенных средств в подъем экономики. Если этого не сделать, через три года бюджеты регионов и государства могут вернуться в неуправляемое состояние начала 1990-х гг., а главные сферы жизнеобеспечения страны начнут разваливаться из-за недофинансирования. В результате может наступить «немыслимое» – страна вернется в состояние 1989 г. Сегодня планируется выделение крупных ресурсов для мегапроектов: полетов на Венеру, Марс, еще куда-то. Но за счет какой экономики в условиях сокращения внешних и внутренних инвестиций? Депрессивные регионы не могут свести концы с концами, и число их увеличивается с каждым годом. Необходимо правильно определить объекты приоритетного государственного внимания. При известной настойчивости можно доказать, что любая компания, работающая в этих отраслях, требует поддержки. Именно поэтому нужно применить методы оценки стратегической устойчивости предприятий, встроенные в организационные структуры управления развитием предприятий депрессивных регионов, которые без внешней поддержки обречены на закрытие и полную ликвидацию. Эти оценки являются индикаторами целесообразности поддержки предприятий.

2. Также нужно готовиться к угрозе сильного удара внешней среды по российской экономике и быстро решить базовые проблемы сохранения жизнеспособности регионов. В ближайшие годы ситуация в экономике может настолько ухудшиться, что о полетах в космос вообще придется забыть. В первую очередь необходимо обеспечить стратегическую устойчивость агрокомплекса, машиностроения, энергетики, транспорта, информатики. Только после этого можно говорить о финансировании мегапроектов будущего.

3. Во внутренней и внешней среде управления мы предлагаем перейти от длительных периодов стратегического планирования развития предприятий, регионов и страны, что возможно в стабильных условиях, но невозможно в условиях угрозы

сильных кризисов, к трехлетним стратегическим периодам в области обеспечения стратегической устойчивости предприятий. Предприятиям приоритетных отраслей в регионах, внедряющим инновации с окупаемостью 1...3 года, следовало бы уже вчера предоставить крупные и доступные (с годовыми ставками 4...7 %, не выше) кредиты для инновационного обновления их технологий, оборудования и систем управления, включая переход к цифровым технологиям. Чем короче срок окупаемости, тем ниже должна быть ставка кредита. Одновременно нужно полностью исключить любые препятствия и помехи их деятельности со стороны проверяющих и других административных органов на три года (за исключением случаев явного нарушения закона, в том числе вывода предоставленных средств за рубеж). Через три года следует проверить, какую отдачу эти средства дали, и, если обязательства не были выполнены, через процедуру банкротства передать это предприятие новым собственникам.

4. Следует использовать новые подходы к инновационному развитию экономики и предложения ученых в области создания новых сфер знаний, включая «ноономику», предлагаемую в исследованиях С. Д. Бодрунова [8]; создание во всех регионах биокластеров, генерирующих экономический рост предприятий и обеспечивающих занятость населения без государственной поддержки [9].

5. Необходимо включить новые мотивационные механизмы во внутренней и внешней средах. Совершенно неэффективны реальные внутренние цели менеджмента предприятий и администраций депрессивных регионов России – создание личных капиталов. Они приводят лишь к ухудшению экономик предприятий, так как не содержат никаких личных обязательств менеджеров. Для России типична невозможная в странах мировых экономических лидерах практика, когда состояние предприятия депрессивного региона существенно ухудшается, а личные капиталы топ-менеджмента быстро растут. Нужно связать интересы подъема экономик предприятий с интересами их топ-менеджмента, чтобы последние в соответствии с теорией менеджмента работали на стимулирование инноваторов, развитие инновационных механизмов на предприятиях. Для этого мы предлагаем, чтобы коммерческие банки или государство при предоставлении предприятиям инвестиционных кредитов вводили обязательное условие: руководство предприятий (топ-менеджмент) также должно взять личные кредиты в размере трехлетнего среднего годового дохода с условием их вложения в развитие своих предприятий. Это полностью исключит появление волн менеджеров-временщиков и различного рода аферистов в управлении, сильно мотивирует подъем экономик предприятий, так как по истечении трех лет руководители должны будут вернуть взятые кредиты, даже если они покинут свое предприятие в этот период. Если этого не сделать, средства предприятий по-прежнему будут выводиться за рубеж, а не работать на экономику регионов. Вывоз капитала из России быстро увеличивается. В 2018 г. он вырос в три раза по сравнению с 2017 г. [10]. Если усилия менеджмента предприятий будут направлены на инновационное развитие и повышение стратегической устойчивости, то это замедлит вывоз капитала за рубеж и вызовет рост экономик и развитие депрессивных регионов в целом.

Список литературы

1. Минфин РФ Государственный долг 2018. https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/2018/ (дата обращения 12.11.18).
2. «ФИНАМ» Внешний долг российских компаний сокращается, платежи растут (дата обращения 15.11.18) 30.10.2018 <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/vneshniy-dolg-rossiyskix-kompaniy-sokrashaetsya-platezhi-rastut-20181030-152529/>
3. *Артемьев, И. Ю.* Выступление по телеканалу РБК 9.11.2018/ <http://newsland.com/news/detail/id/1448732/> (дата обращения 25.10.14).
4. *Григорьева, С. В.* Оценка стратегической устойчивости в развитии предприятия / С. В. Григорьева // Экономика и управление. – 2013. http://law-journal.ru/files/pdf/201303/201303_33.pdf
5. *Галицкая, Ю. Н.* Оценка стратегической устойчивости предприятий (на примере предприятий винодельческой отрасли Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. экон. наук / Ю. Н. Галицкая. – Краснодар, 2008.
6. *Яшин, Н. С.* Методология стратегической устойчивости предприятия / Н. С. Яшин, Е. С. Григорян // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2015. <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-strategicheskoy-ustoychivosti-predpriyatiya>
7. Рейтинг мировой конкурентоспособности стран. – 2018 (IMD). <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/competitiveness-2017-rankings-results/>
8. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
9. *Шишкин, В. В.* Обеспечение антирецессионного развития российского предпринимательства: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / В. В. Шишкин. – СПб., 2017.
10. Вывоз капитала частным сектором к ноябрю вырос в 3 раза: Экономика и жизнь. Источник: <https://www.eg-online.ru/news/384845/> (дата обращения 12.11.18).

Y. A. Malenkov, Y. V. Kuznetsov, E. M. Anokhina, V. M. Zhigalov. Theoretical and methodological problems of enterprises strategic sustainability evaluation in the depressed regions. The theoretical and methodological problems of the system approach to the strategic sustainability evaluation of enterprises in depressed regions are considered. A new category and criteria of depressive region are introduced. In the context of deteriorating external environment of the Russian economy the necessity of transfer of the focusing on regional administrations to the strategic sustainability of the enterprises on which depends the viability of regions is proved. A new approach to strategic sustainability evaluation of enterprises in depressed regions based on the principle of synthesis of its external and internal environments and the system of its components, including a family of dynamics scenario forecasts, is offered. A number of theoretical and methodological proposals for innovative changes in the management of enterprises economic development in depressed regions, including the transition from long-term strategic plans to 3-year and priority support of enterprises, ensuring the return on investment in this period, is given.

Keywords: development, depressed region, evaluation, strategic sustainability, criteria, efficiency, innovation, investment.

П. И. Бурак¹, Л. Б. Касимов²

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ (ОПЫТ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

На примере Иркутской области рассмотрены системные меры государственного участия в развитии страны и внедрение новых моделей экономического развития, в основе которых лежат идеи государственного планирования социально-экономического развития, государственного стимулирования экономики, приоритетного решения социальных вопросов, обеспечения политического плюрализма, политических и гражданских свобод.

Ключевые слова: модели экономического развития, экономика региона, государственное регулирование, конкурентоспособность, эффективность, человеческий капитал.

УДК 332.254

Перед Россией стоят долговременные вызовы, отражающие как мировые тенденции, так и внутренние проблемы развития:

1. *Технологические изменения, усиление роли инноваций в социально-экономическом развитии и снижение влияния традиционных факторов роста.* Основной вектор развития определяется ускоренным внедрением новых технологий, которые станут базой формирования новых рынков и существенно повлияют на облик традиционных областей (энергетики, транспорта, промышленного производства и др.). России важно развивать научно-исследовательский потенциал и высокотехнологичные производства, увеличивая стратегическое присутствие на рынках высокотехнологичной продукции и интеллектуальных услуг, обеспечивая технологическое лидерство по ряду важнейших направлений, и для этого есть все предпосылки.

2. *Сокращение потенциала сырьевой (экспортной) модели экономического развития; снижение энергоемкости производственных мощностей; экономия топлива и электроэнергии.* Прежде всего, отметим, что в экспорте России сохраняется значительная доля сырьевых товаров, на которые приходится более 50 % доходов бюджета.

¹ *Петр Иосифович Бурак*, вице-президент РАЕН, директор ЗАО «Институт региональных экономических исследований», д-р экон. наук, профессор.

² *Леонид Борисович Касимов*, заведующий отделом ЗАО «Институт региональных экономических исследований», канд. экон. наук.

Одна из важнейших проблем экономики Российской Федерации – низкая энергоэффективность хозяйствования. В настоящее время российская экономика является одной из самых энергоемких в мире. В государствах Евросоюза, в США и Японии показатели энергопотребления почти в три раза ниже, а в Канаде, Китае и в среднем по миру – в два раза ниже, чем в России. Между тем, по различным оценкам, российская экономика имеет возможности для энергосбережения и энергоэффективности – до 45 % от потребления первичной энергии.

3. Возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Уже в XVII в. английский экономист У. Петти считал человеческий капитал составной частью национального богатства; его различные аспекты описаны и в трудах М. Вебера, Ф. Листа, К. Маркса, А. Маршалла, А. Смита, Д. Риккардо, М. Фишера, У. Боуэна и др.

К основным причинам, сдерживающим развитие человеческого капитала в РФ, относятся: высокий уровень социального неравенства (с тенденцией к росту); рост теневой занятости; снижение качества трудовых ресурсов; отток человеческого капитала; отсутствие стимулов к освоению инновационных профессий. Увеличение спроса на высококвалифицированные кадры предусматривает улучшение качества рабочей силы и модернизацию системы образования и предполагает увеличение расходов на образование до 8,1 % ВВП к 2030 г., в том числе бюджетной системы – до 6,2 % ВВП.

4. Исчерпание технологических заделов в отраслях экономики и усиление потребности в инновационно-инвестиционных механизмах роста. Очень важной является реализация приоритетных проектов со значительным структурным и макроэкономическим эффектом. Расходы федерального бюджета на ключевые проекты в 2013–2020 гг. оцениваются в 6,37 трлн рублей в ценах соответствующих лет (4 % от общего объема расходов федерального бюджета). Инвестиционные расходы составляют около 70 % от финансирования приоритетных проектов, т. е. почти 2 % от общего объема инвестиций в основной капитал в целом по экономике. Ключевая роль принадлежит использованию инструментов государственных программ, стратегий, федеральных целевых программ и дорожных карт по решению конкретных проблем.

5. Рост глобальной конкуренции, расширение сферы ее использования не только на традиционных рынках товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но также в структурах и механизмах национального управления. Результаты исследований по глобальной конкурентоспособности в 2017–2018 гг. показывают, что мировая экономика плохо подготовлена к новой волне инноваций и подвержена риску кризиса. Во многом это определяется, как отмечалось на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ), неготовностью проводить реформы или осуществлять необходимые меры, прежде всего государственного регулирования.

Для повышения конкурентоспособности государство и общество должны формировать конкурентные преимущества. Регионы должны опираться на свои конкурентные преимущества, а не стараться во всем соответствовать характеристикам других регионов. В общем случае повышению конкурентоспособности российских регио-

нов способствуют: реализация человеческого потенциала в развитии региона; устранение значительной дифференциации российских регионов по уровню развития; стратегическое управление региональной конкурентоспособностью и принятие стратегических решений; эффективная власть на местах, ориентированная на кооперацию и взаимодействие регионов; создание принципиально новых отраслей и секторов экономики и модернизация традиционных; кластерный подход в региональном развитии; усиление влияния и повышение роли малого и среднего бизнеса в экономике регионов РФ; инвестиционная политика государства на региональном уровне.

Усиление роли государства в управлении социально-экономическими процессами и регулировании рынка. В России есть возможность проведения экономической политики развития на основе нового технологического уклада. Однако этого нельзя сделать, оставаясь в рамках монетаристской доктрины. Для реализации инновационно-прорывного сценария развития экономики России на период до 2030 г. с учетом мировых тенденций главная роль, по нашему мнению, должна отводиться государству как стратегическому инвестору в производственной и социальной сферах. Необходимы также изменения в системах государственного и муниципального управления, повышение ответственности государственных и муниципальных органов. Неотложные системные меры государственного участия (не только в сферах обороны и дипломатии) должны носить комплексный характер. В рыночной экономике активное вмешательство государства в регулирование социально-экономических процессов объективно обусловлено и подтверждено опытом всех экономически развитых стран, особенно в XX столетии. Зарубежные и отечественные авторы подчеркивают, например, эффективность планирования в СССР, его роль и важное место в государственном управлении.

Признание регулирующей роли государства в экономическом развитии и решении социальных проблем, наряду с сохранением основных принципов рыночного хозяйства (конкуренции, свободы экономического выбора, возможности саморегулирования и т. д.), а также рыночных механизмов, доказано научными исследованиями, например, английского экономиста, основоположника смешанной экономики Дж. М. Кейнса. Однако сегодня реализация мер по усилению государственного регулирования в России наталкивается на определенные сложности. Так, включение инструментов государственного регулирования в начале 2000-х гг. в России обеспечило рост экономики, но в середине 2000-х гг. начались замедление темпов экономического развития, снижение инвестиций и отток капитала. В этой связи в экспертном сообществе активно идут дискуссии о путях экономического развития России и факторах, его определяющих. Одно из направлений этих дискуссий связано с анализом развития китайской экономики, которой более 20 лет удается обеспечивать сверхвысокие темпы экономического роста, сохранявшиеся и в период кризиса 2008–2009 гг. В России же сопоставимые темпы роста не были достигнуты, а после кризиса началось их замедление.

В Китае подход к построению рыночной экономики отличается прагматизмом и творческим отношением к реформам. В основе лежат практика управления хозяй-

ством, решение конкретных задач, проведение экспериментов, отбор лучших решений. Система государственного управления совершенствуется на основе отбора методов управления, нацеленных на развитие экономики и повышение общественного благосостояния. В КНР стараются избежать чрезмерного социального неравенства, сохраняя основу справедливого распределения национального дохода и ориентируя регулирование экономики на производственную деятельность и долгосрочные инвестиции в развитие производительных сил.

Стимулы к деятельности в России в условиях регулирования были снижены. Регулирование отличалось избыточностью и противоречивостью. Министерство экономического развития в 2003–2012 гг. только на федеральном уровне приняло свыше 180 тыс. новых нормативно-правовых актов. В действие вводились нормы и требования, которые нельзя было выполнить одновременно. В результате темпы экономического роста в последние годы снизились до 1 % и ниже, а по прогнозам ведущих аналитиков (в том числе по оценкам МВФ и Всемирного банка), они должны были составить 3...3,5 %.

Еще один важный аспект – как ограничить коррупцию, не подавляя инициативу? Опыт свидетельствует о неэффективности применения в борьбе с коррупцией исключительно административных мер, которые подавляют в госаппарате любую инициативу. В России основные кадровые решения принимаются в администрации президента. При этом текущие решения реализуются на уровне федерального правительства, губернаторов и их администраций. В регионах также есть руководители территориальных органов федеральных ведомств (включая «силовиков») и полномочные представители президента в федеральных округах. Федеральные округа были созданы в 2000 г., их появление обусловило изменения и нестыковки в распределении контрольных и исполнительных полномочий, ответственности за результат на разных уровнях власти. Так, федеральные структуры оцениваются по числу проведенных проверок, суммам взысканных штрафов, числу уголовных дел и т. д. Вместе с тем они не несут реальной ответственности за экономические и социальные результаты в регионах. *В системе государственного управления РФ налицо рассогласованность между контрольными полномочиями, имеют место своего рода «ведомственный интерес» и несогласованность в принятии решений.*

Несогласованность в распределении полномочий и ответственности за конечные результаты делают противоречивыми стимулы и ограничивают инициативу на уровнях системы государственного управления в России. Между тем экономическое и социальное развитие невозможно без проявления инициативы на местах, создания условий для карьерного роста чиновников, обеспечивающих экономический рост. Требуется налаживание взаимодействия между региональными властями и федеральными ведомствами в регионах и оценка деятельности федеральных структур по результатам экономического и социального развития региона. Полпреды президента в федеральных округах могут обеспечить такую согласованность и взаимодействие.

В управлении экономикой следует использовать инструменты государственного регулирования и рыночные механизмы как уравнивающие друг друга обществен-

ные силы. Иначе говоря, государство и частный капитал, особенно в важнейших отраслях экономики, должны формировать и поддерживать сотрудничество путем установления социального партнерства и повышения социальной ответственности бизнеса.

При этом государственный сектор экономики должен четко следовать за показателями развития. Одновременно с этим планы и программы развития выполняют информационную функцию для бизнеса, ориентируют его движение в соответствии с государственными прогнозами и программами. Такая ситуация поможет субъектам РФ принимать решения с учетом пожеланий и возможностей частного сектора, формировать более предсказуемые прогнозы и планы экономического и социального развития, повышать инвестиционную привлекательность территории и т. д.

Регулирующая роль государства важна при разработке и реализации долгосрочной политики социально-экономического развития российских регионов. Государство должно активно помогать осуществлению в регионах национальных приоритетных проектов, а властные структуры – устранению (или ослаблению) факторов, негативно влияющих на развитие субъектов РФ, а также созданию не только правовых, но и экономических (в том числе финансовых) условий для формирования в регионах благоприятного инвестиционного климата.

Этому способствует введение в действие в 2014 г. Федерального закона №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (предусматривается перенос сроков разработки документов стратегического планирования с 1 января 2017 г. на 1 января 2019 г.). В соответствии с законом документы стратегического планирования разрабатываются на федеральном уровне, а также на уровне субъектов РФ и муниципальных образований.

Порядок разработки, утверждения (одобрения) и содержание документов стратегического планирования определяются на федеральном уровне – Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации согласно их компетенции; на уровне субъекта Российской Федерации – органами государственной власти этого субъекта и на уровне муниципального образования – органами местного самоуправления. К разработке документов стратегического планирования привлекаются объединения профсоюзов, общественные, научные и иные организации с учетом требований законодательства Российской Федерации.

На местах в инициативном порядке уже разработаны долгосрочные стратегии социально-экономического развития федеральных округов и ряда субъектов Российской Федерации. Отметим, например, схемы развития и размещения производительных сил региона (Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Иркутская область и др.) и региональные программы, подготовленные совместно научными организациями и органами власти некоторых субъектов Российской Федерации. Здесь налицо стремление территориальных органов управления, отвечающих за экономическое развитие, иметь научно обоснованные перспективы развития экономики и изменения социальных условий жизни населения на подведомственной территории. Отличительными чертами этих перспективных разрабо-

ток должны быть долгосрочный характер, многоуровневые взаимосвязи и привязка решения общегосударственных приоритетных проблем к конкретной территории.

В этих разработках следует использовать опыт отечественных ученых, в частности, концепцию «производственных (промышленных) циклов» известного советского ученого Н. Н. Колосовского. В начале 1930-х гг. он разработал комплексную межотраслевую региональную народнохозяйственную программу формирования и развития Урало-Кузнецкого комбината, территориально-производственного комплекса.

Российские ученые и специалисты убедительно доказывали необходимость формирования подходов и организационных механизмов, позволяющих соединить методы планирования и прогнозирования (дореформенного) с их использованием в практике стратегического развития субъектов РФ на принципах рыночной экономики. Об этом убедительно свидетельствуют работы ученых Института региональных экономических исследований – центра научных исследований и практических работ по проблемам региональной экономики и социального развития, принимавшего участие в подготовке стратегии социально-экономического развития Москвы, стратегии развития Московской области и программ национальной политики в Москве.

Таким образом, монетаристский подход к управлению российской экономикой порождает большое число проблем в условиях, когда рынок в достаточной мере не регулируется. Происходят негативные процессы: монополизация, концентрация капиталов в руках крупного бизнеса, навязывающего свои условия и отказывающегося от несения социальной ответственности. В итоге проигравшими оказываются общество и экономика в долгосрочной перспективе.

В настоящее время российские политики, управленцы, экономисты и представители гражданского общества много дискутируют о будущем страны, о выборе того курса, который приведет к экономическому росту и решению важнейших социальных проблем. Дискуссии охватили все уровни власти: местный, региональный и федеральный. В Иркутской области создана межрегиональная дискуссионная площадка – общественная инициативная группа, выступающая за реализацию в регионе и в масштабе страны в целом новой, альтернативной, модели социально-экономического и политического развития. Группа формируется из политиков, управленцев, экономистов и представителей гражданского общества. Инициативная группа продолжает исторические традиции Иркутской области – региона, который неоднократно становился центром выработки важных экономических и политических решений. Так, в 1947 г. здесь состоялась конференция по изучению производительных сил, заложившая основы развития не только Приангарья, но и всей Восточной Сибири. В 1958 г. в Иркутской области прошла Всесоюзная конференция по развитию производительных сил Восточной Сибири, материалы которой были взяты за основу при разработке новых проектов индустриализации.

В основе модели развития регионов и страны в целом должны лежать идеи государственного планирования социально-экономического развития, государственного стимулирования экономики, приоритетного решения социальных вопросов, обеспечения политического плюрализма, политических и гражданских свобод. Эта мо-

дель, которая условно может быть названа моделью государства развития, предполагает значительное усиление государства, введение плановых начал управления социально-экономическими процессами. В данном случае речь идет не о переходе к экономике командного типа, а о регулировании рынка, устранении его негативных эффектов через введение системы государственного регулирования, ядром которого является планирование социально-экономического развития. Эта система доказала свою эффективность за рубежом, например, Китай благодаря ее успешному внедрению и использованию смог добиться значительного экономического роста.

Государственное планирование подразумевает, прежде всего, определение конкретных целей и приоритетов развития и распределение ресурсов для достижения поставленных целей, в том числе путем оказания поддержки отдельным отраслям, территориям и предприятиям. При этом взаимодействие государства и бизнеса должно осуществляться на основе принципа партнерства. Бизнес сохранит возможность работать и получать прибыль, более того, ему будет предоставлен ряд гарантий: единые для всех правила игры (правовое поле), благоприятные социальные и инфраструктурные условия, а в отдельных случаях – прямая государственная поддержка. В то же время предприниматели (это касается как малого и среднего, так и крупного бизнеса) должны гарантировать соблюдение законов, уплату налогов, своевременную выплату заработной платы работникам, социальную ответственность деятельности (в том числе с экологической точки зрения), вложение средств в развитие производства и недопущение вывоза капиталов за рубеж.

Иркутская область является примером внедрения модели государства развития и плановых начал в экономике в отдельно взятом регионе. Определены главные приоритеты развития экономики: на основе государственного стратегического планирования обеспечить рост промышленного производства и реализацию политики реального импортозамещения. Создан фонд развития промышленности и уже в 2017 г. было заключено более 20 соглашений о социально-экономическом сотрудничестве с предприятиями региона. Пониженные налоговые ставки были предоставлены только предприятиям, соблюдающим все требования и обеспечивающим эффективное производство, рост производительности труда, выпуск конкурентоспособной продукции.

Модель государства развития предусматривает ответственность государства за восстановление и развитие инфраструктуры, в том числе социальной. В рамках этой концепции государство не устраняется от регулирования социальной сферы, а вкладывает ресурсы в развитие человеческого капитала. В Иркутской области был взят долгосрочный курс на повышение качества жизни граждан, и уже в 2016–2017 гг. зафиксированы показатели, свидетельствующие об улучшении ситуации в здравоохранении, образовании, ЖКХ, на рынке труда и с точки зрения уровня жизни населения. В 2017 г. в Иркутской области зафиксирован рост промышленного производства на 9,4 %, что выше, чем в целом по России (2 %) и по СФО (3,2 %). Особенно важно, что индекс промышленного производства вырос главным образом за счет обрабатывающих произ-

водств. По этому виду деятельности прирост составил почти 16 %, тогда как в целом по стране этот показатель в первом полугодии 2017 г. равен 1,2 %, по СФО – 1,1 %.

Это показывает, что Иркутская область не только продолжает завоевывать позицию промышленного лидера Сибири, но и выходит на первые места по стране в целом. Так, по приросту обрабатывающих промышленных производств в первой половине 2017 г. регион занял 7-е место в России. Наиболее серьезные результаты достигнуты в производстве машин и оборудования (индекс производства вырос в три раза), химических веществ (индекс производства – 190,6 %), лекарственных средств (индекс производства – 122,3 %), в обработке древесины (118,4 %) и производстве нефтепродуктов (110,9 %).

В Иркутской области поставлена задача разработки программы государственного стимулирования «точек роста» в регионе. Под точками роста подразумеваются конкретные предприятия и территории, которые по совокупности параметров (отрасль, расположение, транспортная доступность, ресурсный потенциал (в том числе кадровый) и т. д.) в наибольшей степени подходят для обеспечения рывка в производстве конкурентных товаров и услуг и реализации проекта ускоренного социально-экономического развития региона. Ключевым фактором, влияющим на выбор приоритетов при составлении перечня точек роста и планировании поддержки обрабатывающих промышленных производств, являются государственные интересы, а не текущая краткосрочная рыночная конъюнктура. Помощь точкам роста подразумевает предоставление им в соответствии с разработанным государственным планом бюджетных инвестиций, обеспечение благоприятных условий для их деятельности, реализацию проектов государственно-частного партнерства. В данном случае такая модель предполагает, что на первом этапе происходит мобилизация ресурсов для поддержки точек роста, которые по мере выхода на окупаемость перестают нуждаться в дополнительных мерах государственного стимулирования и сами становятся драйвером экономического роста, стимулируя развитие региональной экономики.

Внедрение модели государства развития находит отражение в Стратегии социально-экономического развития Иркутской области до 2030 г., где предусматривается апробация создания опорных территорий развития (ОТР). Предполагается, что для ОТР в едином комплексе будет строиться необходимая инфраструктура с учетом будущей основной специализации каждой ОТР. В настоящее время в регионе рассматривается возможность создания следующих ОТР: Саяно-Иркутская, Тулуно-Тайшетская, Усть-Кутско-Ленская, Усть-Илимско-Катангская, Братская, Бодайбинская. На первом этапе предполагается экспериментальный режим: руководство региона будет отслеживать первые результаты и при необходимости корректировать сам подход. В 2016–2018 гг. была проведена эффективная работа по реализации новой программы развития региона.

В Иркутской области взят курс на реализацию социально ориентированной программы, основанной на принципах социального равенства и социально ответственного государства. Стратегия социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 г. в качестве основной цели заявляет повышение уровня

и качества жизни населения региона. Достижение этой цели предусматривает создание условий для достойной жизни, в том числе повышение доступности качественного образования, здравоохранения, услуг в сфере спорта, культуры, жилищно-коммунального хозяйства. Для этого в области сформирован Комитет по государственному планированию. В настоящее время с участием экспертов международного уровня прорабатывается вопрос об использовании методов планирования для решения наиболее актуальных проблем региона и включения системы планов в государственное и муниципальное управление на региональном уровне.

Для внедрения модели государства развития важна демократизация в сфере управления, что находит подтверждение на уровне хозяйствующих субъектов. Речь идет о создании «народных предприятий», которые начали работать в Иркутской области. Эта форма собственности представляет один из видов акционерных обществ, где владельцем является не один человек, а не менее 90 % работников. Приступили к работе предприятия в сфере ЖКХ и строительства, в сферах сельского хозяйства и междугородних автоперевозок. В соответствии с Законом РФ от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» такие структуры позволяют последовательно реализовать интересы трудящихся: право распоряжаться результатами своего труда; обеспечить социальную справедливость и коллективную заинтересованность в сохранении собственности, личную ответственность каждого из собственников за судьбу народного предприятия. Для массового создания в России народных предприятий уже сформированы необходимые предпосылки, и общество, в первую очередь трудящиеся, к этому психологически готовы. Имеется обширный опыт успешного функционирования различного рода организаций, полностью или частично находящихся в собственности работников.

Построение моделей развития требует дальнейших исследований и разработки предложений. Отметим наиболее актуальные и первостепенные. К ним, прежде всего, относится бюджетно-налоговая политика. Этот инструмент должен быть четко встроен в программу развития. Нуждается в проработке политика реформирования налоговой системы с целью социального выравнивания и устранения чрезмерной дифференциации доходов населения. На это направление следует обратить особое внимание на общероссийском уровне, так как именно на уровне Федерации формируются основные контуры налоговой системы. Еще одно направление – реформа межбюджетных отношений, перераспределение налоговых отчислений между регионом и муниципалитетами для предоставления большей самостоятельности территориям и стимулирования экономического роста. В регионах сделаны конкретные шаги по перераспределению налоговых отчислений (как показывает опыт Иркутской области) с целью повышения финансовой самостоятельности муниципальных образований, и уже в 2017 г. были получены первые результаты в виде дополнительных поступлений в бюджеты муниципальных образований, решающих проблему дефицита бюджетов на местах. К тому же за счет экономии бюджетных средств и дополни-

тельных доходов, получаемых бюджетами территорий за счет стимулирования их экономического роста, могут быть сформированы бюджеты развития.

Этот опыт можно перенести в другие регионы и учесть на федеральном уровне. Перераспределение налоговых отчислений между федеральным уровнем и регионами позволит стимулировать экономический рост на местах. Получив больше свободы в распоряжении доходами, собранными на своей территории, регионы будут мотивированы работать на экономическое развитие. Разумеется, система выравнивания и перераспределения должна быть сохранена, но при этом нужно отказаться от избыточной жесткости, от ее негативных черт, например, от системы отрицательного трансферта, и не мешать богатеть регионам, стимулирующим экономический рост.

Список литературы

1. *Бурак, П. И.* Инфраструктура межрегионального экономического сотрудничества и императивы инновационного развития / П. И. Бурак, В. Г. Ростанец, А. В. Топилин. – М.: Экономика, 2009.

2. *Глазьев С. Ю.* Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов / С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – №3. – С. 3–21.

3. Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 года (проект). Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate/2016021102>.

4. Иркутская область в XXI веке. Проблемы и ресурсы развития / В. А. Авдеев [и др.]. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014.

5. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (утв. 22 мая 2017 г. №3414п-П16).

P. I. Burak, L. B. Kasimov. Regional development models (the Irkutsk region experience). In the article on the example of the Irkutsk region discussed systemic measures of government involvement in development and implementation of new models of economic development, based on the ideas of the State socio-economic development planning, State stimulus, prioritizing social issues, political pluralism, political and civil freedoms.

Keywords: model of economic development, the region's economy, government regulation, competitiveness, efficiency, human capital.

Д. Б. Джабборов¹

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА

Анализируется проблема государственного управления экономикой в целом и ее отраслями. Подчеркивается необходимость развития в первую очередь тех сфер экономики, которые будут способствовать развитию творческого потенциала человека, а посредством этого и экономики в целом. Рассматривается вопрос планирования экономики и альтернативы централизованному планированию в виде самоуправления.

Ключевые слова: государство, труд, творческий труд, экономический рост, ноосфера, самоуправление, планирование.

УДК 330.342, 330.173, 369.034

В последнее время экономисты все больше внимания уделяют развитию производительных сил и последующим изменениям в обществе [1, 6]. Как правило, исследования касаются развития технологий и вытекающих из этого возможностей.

В данной статье основной акцент делается на том, какие сферы государство должно развивать в первую очередь, чтобы ускорить процесс совершенствования технологий и развития производительных сил.

Производительные силы, постоянно развиваясь, создают новые перспективы, но в то же время и новые опасности на пути развития человечества: «Разумеется, от количественных оценок совсем уйти нельзя, но представляется, что измерять надо не обезличенные «валовые» потоки благ, а давать количественную оценку новых «качеств» в удовлетворении потребностей; в создании новых («невозможных» ранее) свойств продуктов; в формировании новых технологических платформ (к примеру, позволяющих обеспечить форсированный перевод экономики на перспективный технологический уклад на основе нано-, био-, инфо-, когнитивных и аддитивных технологий), базовых комплексов индустриального производства, техноэкосистем, новых способов промышленной кооперации; парадигм научных исследований, образования и воспитания, также базирующихся на новых технологических парадигмах» [2, с. 6].

¹ *Далер Бахтиерович Джабборов*, научный сотрудник Института экономики РАН, канд. экон. наук.

Перечисленные профессором С. Д. Бодруновым нано-, био-, информационные, когнитивные и аддитивные технологии являются очень перспективными и внедряются в нашу жизнь уже сегодня. Действительно, открываются новые перспективы, которые можно использовать на благо общества, но одновременно появляется ряд угроз. К примеру, что делать с высвободившимися трудовыми ресурсами? Существует большой риск того, что человечество двинется не по пути развития Человека, а по пути подчинения себя развитым производительным силам. Этот путь постоянно навязывается нам сегодня в виде общества потребления, где люди заняты, в основном, увеличением потребления материальных благ и далеко не всегда нужных услуг.

Черты такого антиутопичного общества, одна из реализаций которого ярко продемонстрирована в книге Рея Бредбери «451 градус по Фаренгейту», мы видим во многих развитых западных странах, где значительная часть людей интересуются, в первую очередь, новыми телефонами, сериалами и прочими потребительскими товарами и услугами, а не саморазвитием и самореализацией.

Такая опасность действительно существует, именно поэтому на главную роль выходят политика государства и доминирующие производственные отношения в обществе. Возникает вопрос: каким образом общество будет распоряжаться современными технологиями и каким будет отношение людей к тем благам, которые будут производиться? Кто будет главным в этих отношениях?

И тут концепция о ноообществе² как развитии НИО-2, где на первом месте находятся знания, как никогда важна и применима в сегодняшних реалиях. При этом необходимо рассматривать такое общество не как нечто отдаленное, а как то, к чему нужно стремиться уже сейчас. И без правильной государственной политики тут не обойтись.

Текущая тенденция не предвещает ничего хорошего, особенно это касается нашей страны, где тренд еще менее благоприятен, чем в мире в целом. 82 % мировых богатств, произведенных в 2017 г., сосредоточено в руках 1 % населения, а около 56 % мирового населения живет на 2...10 долларов в день. С 2010 г. богатство миллиардера увеличилось в среднем на 13 % – в шесть раз быстрее, чем заработная плата рядовых работников, которая выросла в среднем на 2 % за год, а число миллиардеров росло беспрецедентными темпами – один раз в два дня в период с марта 2016 г. по март 2017 г. [15]. В России динамика не отличается от мировой, и по показателю неравенства мы находимся сейчас на уровне 1905 г. [14]. А экономическая динамика в большинстве развитых стран характеризуется низким экономическим ростом (как правило, ниже 2 %) или даже стагнацией (рис. 1).

² См.: Бодрунов, С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

Рис. 1. Динамика экономического роста, % [13]

Материальное производство на сегодняшний день – это целый комплекс, который начинается с творческого интеллектуального труда и заканчивается собственно материальным производством. Но люди, занятые в материальном производстве, не могут обеспечить экономический рост без развития средств производства. Локомотивом такого роста становится сектор, обеспечивающий развитие средств производства, т. е. наука, образование и другие сферы, способствующие реализации творческого потенциала человека, воплощенные в материальном производстве: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это – продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это – созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание (Wissen, knowledge) превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» [9].

Не случайно самыми быстро развивающимися секторами в экономике США становятся те сферы, где человек занят не механическим трудом, а созидательным и креативным [7]. В XXI в. доля занятых в США в сфере развития человеческих качеств росла. Так, число занятых в образовании и связанных с ним сферах выросло на 0,5 % (с 5,6 до 6,1), в здравоохранении – на 2 % (с 7 до 9), в сфере IT и математики – на 0,8 % (с 2,2 до 3) [12]. В России, к сожалению, наблюдается обратная тенден-

ция. Если на 2000 г. в образовании было занято 9,1 % людей, в здравоохранении – 7 %, в науке – 1,8 %, то в 2016 г. в образовании работало 7,7 % трудовых ресурсов, в здравоохранении – 6,4 %, в науке – 1,3 %. Сократилось и число занятых в промышленном производстве (-4 %) [16]. В современном мире доминируют IT-компании. Первые 7 компаний по капитализации – это IT-предприятия: шесть – из США и одно – из Китая [17]. В России же 5 самых крупных компаний представляют сферу нефти и газа [18]. Очевидна разнонаправленная тенденция, показывающая во многом ограниченность нашего пути развития. Экономика нашей страны, к сожалению, не поспевает за мировыми тенденциями. Это связано во многом с тем, что наша государственная политика не в полной мере соответствует текущим глобальным вызовам.

Ряд концепций государства изложен в докладе, сделанном в ИЭ РАН [5]. В этом же докладе авторы представляют свою позицию на современное государство: «В этом смысле оно (государство – прим. автора) из субъекта политической воли, «администратора процесса» превращается, образно говоря, в плэй-мейкера, от качества мышления и мастерства которого, умения организовывать командную игру зависят результаты игры. Эта модель может развиваться в направлении новой модификации патерналистского государства. Модель «государства play-maker'a» – это модель самостоятельного и полноправного экономического субъекта, определяющего общественный интерес и нормативные установки развития, располагающего ресурсами для их реализации, гармонично взаимодействующего с современными формами демократии и гражданского общества, не нуждающегося в страховании и подкреплении авторитарными «стяжками» («скрепами») и защищенного от рецидивов и всполохов охранительного (как этно-, так и политического) национализма, что важно, в особенности для постсоциалистических стран, решающих задачи догоняющего развития» [5, с. 32]. При этом государство при капитализме независимо от его структуры всегда будет сталкиваться с рядом проблем, решить которые весьма непросто. В частности, всегда существует конфликт интересов у чиновников, которые делают выбор между частной выгодой и общественной пользой. И решить данную проблему невозможно без огромных издержек общественного контроля. Но, даже если представить, что проблема конфликта интересов решена, встает вопрос: какой должна быть политика государства с учетом сегодняшних реалий?

Развитие частного сектора в современном мире не всегда эффективно. Если в западных странах, где существует множество крупных корпораций, имеющих статус монополий или олигополий, такие частные структуры оправданны, то в странах периферии или полупериферии (таких, как Россия) частным компаниям трудно тягаться с транснациональными корпорациями и без помощи государства здесь не обойтись. Поскольку современные ТНК все больше монополизируют экономику и укрупняются [8], новым компаниям все труднее навязать им хоть какую-то конкуренцию, и зачастую их поглощают крупные зарубежные ТНК.

В таких условиях можно вспомнить опыт развития промышленности в нашей стране в первые советские десятилетия (рис. 2). Темпы экономического роста (за исключением военных лет и 1980-х гг.) были одними из самых высоких в мире. В связи

с этим нельзя отказываться от планирования как от чего-то устаревшего, наоборот, необходимо его усовершенствовать: «Без единства информационных процессов – учета, анализа, планирования и регулирования – невозможно обеспечить полноценное функционирование и стабильность системы, которой в данном случае является государство и его внешние связи, из-за перманентно увеличивающихся потоков информации и усложнения объекта управления» [4, с. 225].

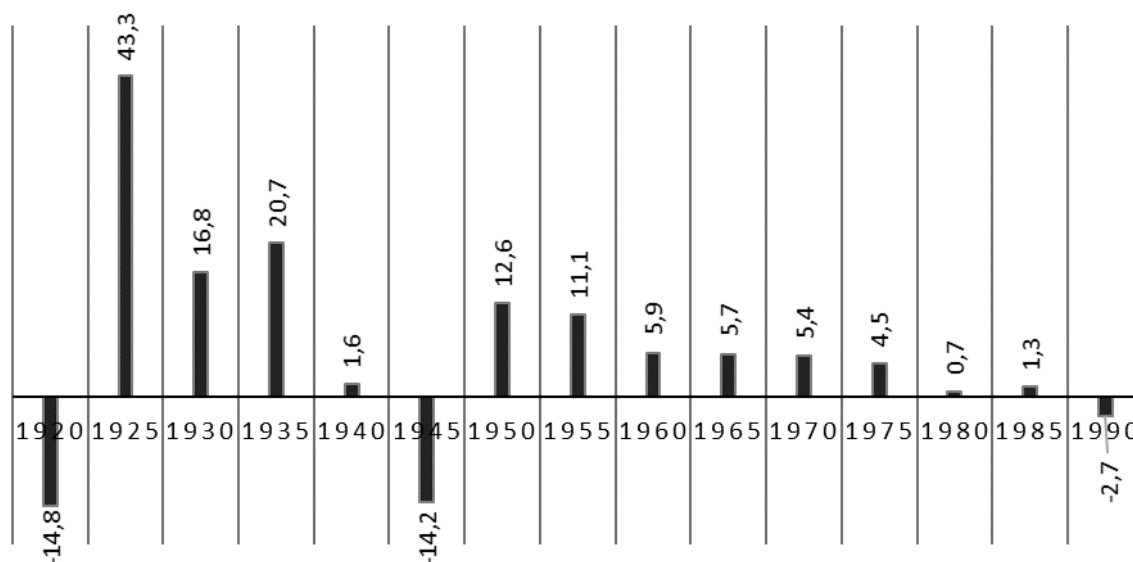

Рис. 2. Темпы роста промышленного производства, % к предыдущему году [11, с. 69]

Государство, планируя экономику на десятилетия вперед, может развивать направления, которые в недалеком будущем станут локомотивом экономики. В первую очередь, речь идет об образовании, науке, здравоохранении и других сферах, способствующих развитию человеческого потенциала. К сожалению, в России в последние годы эти отрасли заметно недофинансируются, и в них сокращаются рабочие места.

Однако классическое директивное планирование эффективно при нехватке ресурсов, что характерно для военного времени и периода мобилизации в первой половине XX в. В России необходимо большее участие народа в планировании: «Вполне реалистичным представляется демократическое планирование – изначальный принцип директивного планирования: согласование потребностей и возможностей снизу (от предприятий, трудовых коллективов) вверх с последующей систематизацией на уровне Правительства и пересчетом в случае необходимости для оптимизации плана (итерации)» [4, с. 225].

В современном мире все более важное значение имеет инициатива снизу, характерная для современных IT-компаний и так называемых коллективных предприятий, в функционировании которых значительно более важную роль играют работники предприятия [10]. Подобное положение необходимо распространять с локального на госу-

дарственный уровень. Этот метод управления отдельным предприятием, а также экономикой и страной в целом позволяет отчасти решить множество проблем, в том числе проблему конфликта интересов и мотивации к труду, когда работнику выгодно думать не только и не столько о своем частном благе, отделенном от своего предприятия или страны, а о благе всего предприятия и общества. До развала СССР самоуправление или народное планирование изучали советские ученые. Однако и сегодня, когда в связи с развитием технологий и изменением характера труда значительно больше людей занято в сфере интеллектуальной деятельности, этот метод управления хозяйством напоминает о себе: «Вырастая на базе раскрепощения процессов свободного ассоциирования трудящихся, «царство свободы» с самого начала складывается как система экономического самоуправления, соединяющая в единое целое такие подсистемы, как:

- производственное и территориальное самоуправление (в бригаде, цехе, на предприятии; в микрорайоне, поселке, городе);
- участие представителей трудовых коллективов и иных ассоциаций граждан в управлении отраслевыми и региональными экономическими процессами;
- демократическое планирование (снимающее противоречия «плановых сделок» эпохи «реального социализма»);
- функциональное экономическое самоуправление (деятельность полномочных профсоюзных, потребительских и других организаций по нормативному регулированию экономики) и т. п.» [3, с. 239].

Государственные компании, которых в России сейчас значительное количество, должны максимизировать не свою прибыль, увеличивая посредством этого дивиденды топ-менеджеров, а полезность своей деятельности для общества. Государство должно поставить человека на первое место и способствовать его развитию. Нужно создавать, применять и распространять новые механизмы низового управления, подразумевающие развитие творческого начала каждого человека, его способности к созиданию и посредством этого – увеличение вклада в развитие общества в целом.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Возвращение индустрии – возвращение Гэлбрейта: от НИО. 2 к ноосферной цивилизации / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 2. – С. 17–21.
2. Бодрунов, С. Д. Переход к новому индустриальному обществу второго поколения: общекультурное измерение / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 1. – С. 4–11.
3. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал: В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – Изд. 3-е, испр. и суц. доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 904 с.
4. Ведута, Е. Н. Экономические механизмы реализации геополитической стратегии России / Е. Н. Ведута, А. К. Небытова // Государственное управление: электронный вестник. – 2017. – № 60. – С. 216–228.

5. Воейков, М. И. Природа государства: новый ракурс: науч. докл. / М. И. Воейков, А. Е. Городецкий, Р. С. Гринберг. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 54 с.

6. Глазьев, С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии / С. Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52, №. 2. – С. 3–29.

7. Джабборов, Д. Б. Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития / Д. Б. Джабборов // Экономическое возрождение России. – 2016. – №. 4. – С. 68–73.

8. Комолов, О. О. Проблема монополизации производства в марксистской парадигме и современность / О. О. Комолов // TerraEconomicus. – 2015. – Т. 13, №. 2. – С. 95–105.

9. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 46, ч. II. – С. 215 (рукопись 1857–1858 гг.).

10. Некрасова, О. В. Коллективное предприятие и традиционная компания: сравнительный анализ корпоративных культур / О. В. Некрасова, Р. И. Хабибуллин // Экономическое возрождение России. – 2016. – №. 1. – С. 188–196.

11. Смирнов, С. В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России. 1861–2012: препринт WP2/2012/04 / С. В. Смирнов. – М.: Издат. дом ВШЭ, 2012. – 76 с.

12. Бюро труда США, 2017 г. https://www.bls.gov/oes/current/oes_nat.htm#00-0000, бюро труда США 2000 г., <https://www.bls.gov/oes/tables.htm>

13. Всемирный банк, <http://databank.worldbank.org>

14. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>

15. OXFAM, <https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2018-01-22/richest-1-percent-bagged-82-percent-wealth-created-last-year>

16. Росстат, <http://www.gks.ru>. Росстат, 2017 г., http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm, Росстат, 2000 г.

17. Corporate information <http://www.corporateinformation.com/Top-100.aspx?topcase=b>

18. Top Russian Stocks For U.S. Traders <https://www.investopedia.com/articles/investing/121014/top-russian-stocks-us-traders.asp>

D. B. Dzhabborov. Role of the state in the development of creative labor. This article is devoted to the problem of state management of the economy as a whole and its separate branches. The emphasis is that it is necessary to develop first of all those spheres of the economy that will contribute to the development of human creativity, and through this, the economy as a whole. The issue of planning the economy and an alternative to centralized planning in the form of self-government is also being considered.

Keywords: state, labor, creative work, economic growth, noosphere, self-management, planning.

Г. А. Маслов¹

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИЙ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ

Рассматриваются концепции технико-экономического развития с точки зрения возможностей их практического использования в условиях российской экономической системы. Проведена классификация теорий технико-экономического развития на основе критерия предметного обращения авторов. Обосновано, что в концепциях нового индустриального общества второго поколения С. Д. Бодрунова и технологических укладов С. Ю. Глазьева – Д. С. Львова в большей степени заложены основы для их применения в современных российских условиях.

Ключевые слова: технологии, промышленность, промышленная революция, технологический уклад, экономический цикл, новое индустриальное общество – 2, российская экономическая система.

УДК 330. 88

Современная стадия развития мировой экономики характеризуется стремительными технологическими трансформациями. Внимание теоретиков к этой проблеме начинает расти, хотя можно говорить о запоздалой реакции экономистов на новые вызовы времени и наличии огромного незаполненного пространства для дальнейших исследований.

Для выработки основ стратегического планирования (как государственного, так и корпоративного), направленного на максимально эффективную интеграцию новых технологических достижений, нужно определить соответствующую теоретическую базу. При этом следует учитывать специфику национальной экономики и с осторожностью относиться к мнениям об универсальности применения тех или иных мер экономической политики.

Отечественная экономическая система имеет значительный потенциал для встраивания в новую парадигму развития в числе стран-лидеров, который реализуется явно недостаточно. Как отмечает С. Д. Бодрунов: «Экономическое развитие современной России не отличается устойчивостью – ни в системном понимании этого термина, ни в том смысле, который вкладывается в него в документах ООН: разви-

¹ Глеб Андреевич Маслов, научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте и Института социэкономии Московского финансово-юридического университета.

тие, обеспечивающее устойчивые результаты как для нынешних, так и для будущих поколений и, как минимум, не разрушающее окружающую среду [3, с. 6]». Следовательно, может (и, вероятно, должна) ставиться задача опережающего развития, осуществления технологического рывка. При обосновании теоретической платформы для решения этой задачи первым шагом может стать сравнение различных концепций технико-экономического развития. Впоследствии возможно выделение тех направлений и элементов теории, которые могут быть в наибольшей степени задействованы при реализации экономико-политических программ.

Технико-экономические элементы в истории экономической мысли рассматривались главным образом последователями классической политической экономии и традиционного институционализма. Зачастую авторские концепции лежат на границе между этими двумя крупными направлениями и однозначно определить их принадлежность затруднительно.

Как правило, данные теории за точку отсчета берут промышленную революцию. Это объясняется масштабом последствий, связанных с наступлением индустриальной эры. Следовательно, при выделении разных этапов на основе разных критериев неизбежно выделение данного исторического момента. Считается, что термин «промышленная революция» был введен французским политэкономом Ж. Бланки в середине XIX в.

Условно подходы теоретиков технико-экономического развития можно разделить на две группы. Представители первой группы выделяют в качестве первоосновы последующих экономических трансформаций совокупность главенствующих технологий, составляющих ядро производственной системы. Фиксируются ключевые области в структуре производства, определяющие фундаментальные параметры экономической системы и основы ее функционирования. При характеристике новой стадии развития формируется цепочка – от ключевых технологических перемен к сфере производства и далее к прочим составляющим экономической системы.

Председатель Давосского форума К. Шваб [11], давший толчок развитию концепции четвертой промышленной революции (первые ее черты наблюдаются уже сегодня, но говорить о ее наступлении рано), придерживается традиционной периодизации предыдущих переломных моментов в технико-экономическом развитии. Первая промышленная революция охватывает период с 1760-х по 1830-е гг., вторая – с последней трети XIX в. и до Первой мировой войны, третья – на рубеже 1960–1970-х гг. с эпохой заката в наше время. Подчеркнем, что такая периодизация ориентируется на наиболее развитые страны: появление и реализация ключевых технологий фиксируются по отношению к ним, а не к миру в целом.

Фундаментальный теоретический вклад Й. Шумпетера [12], во многом принявшего положения теории больших волн Н. Д. Кондратьева [8], состоит в иллюстрации и объяснении циклического развития экономики на основе неравномерного развития инвестиций, за которыми стоит внедрение новых технологических достижений. Тем самым через категории повышательных и понижательных волн цикла ха-

рактируются различия технико-экономических этапов развития. На этой основе автор обосновывает свои концепции предпринимателя-инноватора и созидательного разрушения.

Подход Й. Шумпетера был развит Г. Меншем [17], который подчеркнул регулярность появления технологического пата – стадии цикла, на которой происходит исчерпание импульса развития от предшествующего технологического способа производства (Г. Менш – автор термина). Появление и внедрение новых базисных технологий происходит неравномерно, часто в период экономической депрессии, что обуславливает фактическое отсутствие «гладкости» проявления долгосрочного цикла.

С. Д. Бодрунов, обосновывая концепцию нового индустриального общества второго поколения [2] (в развитие теории нового индустриального общества Дж. К. Гэлбрейта), подчеркивает, что сфера материального производства остается фундаментом социально-экономического развития. В ней главным образом реализуется потенциал технологического развития, и она формирует новые общественные запросы, обращенные к науке. При этом более значимой в составе системы становится компонента знаний (в сравнении с непосредственно материальной составляющей). Создаются предпосылки для развития сетевых отношений, реализации мер стратегического планирования, индустриальной политики.

Дальнейший технико-экономический прогресс общества станет предпосылкой формирования нового хозяйственного уклада – нономики [4]. Комплексная автоматизация производства перенесет предмет обеспечения общества материальными благами из сферы экономических отношений в область инженерных задач. Ключевым станет поиск оптимальной степени воздействия на экосистему, нагрузка на которую уже сейчас является угрожающей.

Широкое распространение получила концепция технологических укладов, предложенная С. Ю. Глазьевым и Д. С. Львовым [5]. Критерии разграничения укладов очень близки с основами выделения промышленных революций (и авторы включают эти понятия в свою теорию).

В индустриальной экономике, содержащей достижения трех научно-промышленных революций, выделяют пять технологических укладов, которые представлены конкретными изобретениями. Экономические системы воплощают в себе результаты использования различных технологий и могут классифицироваться в зависимости от присущих им технологических условий. Как пишет С. Ю. Глазьев: «Жизненный цикл каждого из них (технологического уклада – прим. авт.) образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития» [6, с. 29]. В таком случае технологии и экономика становятся единым целым, образуя по отношению к теории цельную технико-экономическую реальность.

Теория С. Ю. Глазьева – Д. С. Львова более детально иллюстрирует историю технико-экономических сдвигов, чем концепция четырех промышленных революций. К примеру, к достижениям первой промышленной революции относятся и пря-

дильные, и паровые машины, которые являются ключевыми факторами разных технологических укладов (первого и второго).

Понятие технико-экономической парадигмы, введенное К. Фрименом и развитое К. Перес [9], отражает единство объективных, относительно внешних по отношению к экономике достижений науки и техники, формы их внедрения и развития в производстве, а также соответствующие последствия в функционировании экономической системы. Парадигмы выделяются как этапы индустриального развития, которые во многом формируются в соответствии с наличием той или иной технологической волны, моделей поведения, организационных форм и процессов ведения хозяйства. Таким образом, концепции К. Перес и С. Ю. Глазьева – Д. С. Львова очень близки.

Отдельно следует затронуть проблему многоукладности экономической системы. Обращаясь к технологической неоднородности на макроуровне, Ю. В. Яременко выделяет качественные (верхний уровень технологической шкалы) и массовые ресурсы [14]. В соответствии с их наличием и распределением формируется отраслевая структура, взаимодействия между уровнями которой задают количественные и качественные показатели роста. Кроме того, развитые капиталистические страны имеют довольно высокий уровень технологической однородности (в отличие, например, от неравномерно развитого СССР).

Первичным предметом рассмотрения второй группы исследователей является та или иная сторона общественных отношений, эволюция которых связана с технологическим развитием. Граница разделения первой и второй групп не очень четкая, так как в текстах ученых присутствует анализ взаимных связей между технико-экономической базой и другими сторонами экономической системы. Тем не менее можно говорить о различии предметных основ исследований. В данном случае выделяется определенная составная часть экономики и производятся дальнейшая классификация и периодизация как отражение смены эволюционных этапов этого элемента.

У. Росту [18] предложил концепцию пяти стадий экономического роста, где различия между периодами во многом определяются техническими условиями, хотя роль других факторов (демографии, характера и моделей потребления, степени деловой активности и «культуры бизнеса»,...) тоже велика. Критериями выделения стадий становится наличие предпосылок для интенсивных капиталовложений (в том числе в наукоемкие сферы производства) и, следовательно, увеличения показателей роста. Впоследствии он выделил шестую стадию (первые пять включают традиционное общество, переходное общество, стадии взлета, зрелости, высокого потребления), связанную с ориентацией общества на достижение целей всестороннего улучшения качества жизни.

Наиболее общее деление стадий развития представлено Э. Тоффлером [10]. Он выделяет три периода (волны). Первая волна – аграрная экономика доиндустриального периода, вторая – промышленная эпоха, третья – постиндустриальный мир (по прогнозу, он должен полностью вытеснить предыдущую эру в 2020-е гг.).

За данной периодизацией скрываются различия в образе жизни, психологических установках, моделях расселения, концентрации производственных мощностей и т. д. Не вдаваясь в дискуссию о содержательных трансформациях жизни общества в рамках предложенного временного деления, отметим важность такой фундаментальной периодизации.

Дж. К. Гэлбрейт [7] осветил вопросы изменения хозяйственного уклада в развитых странах, в частности, стратегии управления фирмами и формирования системы корпоративного планирования в связи с развитием индустриальной экономики послевоенного типа.

Д. Белл [1] использовал категорию постиндустриального общества, выделив в качестве главного источника развития меритократию. Он рассмотрел вопросы обеспечения устойчивого инновационного развития на уровне фирм, национальной экономики, а также формирования новых крупных планирующих систем. Схожие вопросы исследуются П. Друкером [15], который ввел понятие экономики знаний. Однако в новых технико-экономических условиях этот автор, в отличие от Дж. К. Гэлбрейта и Д. Белла, считает более продуктивными (с точки зрения генерации инноваций) мелкие частные фирмы благодаря внедрению более гибкого и ориентированного на высокотехнологичное развитие менеджмента.

Ж. Фурастье [16] разделяет застойную (доиндустриальную) и динамичную (индустриальную) стадии экономического развития. Первой в большей степени свойственно господство иррационального типа мышления в обществе, второй – логического и конструктивного. Стремительное развитие науки ведет к технократизму. Для нового общества сферы услуг (третья стадия) характерна стабильность развития. В нем также появляются признаки некоторого возврата к доиндустриальной эре с точки зрения образа жизни и моделей поведения людей.

Представленные концепции (перечень которых можно продолжить) рассматривают разнообразные грани технико-экономического развития, хотя существуют и прямые предметные пересечения, вызывающие споры вокруг определенной проблемы. В связи с этим подчеркнем, что для опоры на ту или иную теорию *при решении практических задач необходимо критически оценить последовательность суждений автора, правильность исходных данных и т. д., а также изучить условия, под которые теория больше «заточена», те аспекты экономической реальности, которые отражены концепцией в большей степени.*

Ставить под сомнение корректность теоретических заключений неправильно, целесообразно поставить вопрос: «В каких экономических условиях и при решении каких практических задач более полно раскрывается идейный потенциал теории?». Под экономическими условиями в данном случае понимаются в том числе технико-экономические параметры рассматриваемой системы.

Безусловно, при разработке экономико-политической стратегии необходимо обращаться к научному наследию, а в качестве теоретической основы следует рассматривать базовые концепции, отвечающие условиям конкретного места и времени.

Российская экономическая система при сохраняющемся научно-образовательном потенциале испытала на себе все негативные последствия деиндустриализации. Помимо неблагоприятных показателей, отраженных в статистике, существует проблема ограничения возможностей ускоренного развития в наукоемких отраслях новой технологической эры. Специфика новых технологий создает определенные риски: отставание сегодня может обернуться ускоренным отставанием в будущем, сокращение которого крайне проблематично.

Промышленная сфера является, во-первых, экономическим воплощением научно-технических знаний, так как в характере и добавленной стоимости материальной продукции в конечном счете выражаются производительность производства и благосостояние населения. Во-вторых, индустрия формирует спрос на высококвалифицированных специалистов, создавая им пространство для приложения труда. Как отмечает Е. И. Шумская: «Без вновь выстроенных мощностей дальнейшее развертывание высокотехнологичных направлений будет затруднительным. Тесная взаимосвязь этих сфер обусловлена в том числе и тем, что спрос на инновационные технологии в основном обеспечивается крупным промышленным капиталом» [13, с. 130]. Опыт развитых стран (а также стремительно растущих экономик Китая, Индии и др.) показывает, что, несмотря на широкое распространение сферы услуг, индустриальная система по-прежнему включает в себе реализованный национальный экономический потенциал, делающий страны передовыми. (Исключением являются разве что мелкие государства, специализирующиеся на отдельных сегментах высококачественных услуг).

Возвращаясь к вопросу «оптимальности» той или иной теории в российских реалиях, отметим подход С. Д. Бодрунова в силу его ориентированности на выделение сферы материального производства в качестве фундамента структуры экономической системы. В этом подходе также отражена динамика перехода от прежнего, послевоенного, промышленного комплекса к обновленной индустриальной системе, где ведущее место занимают технологии четвертой промышленной революции. Тем самым появляется не только позитивная характеристика текущей ситуации, но и нормативное представление возможных путей развития с обоснованием определенных экономико-политических инструментов (активная промышленная политика, стратегическое планирование, государственно-частное партнерство и т. д.).

Концепция технологических укладов особенно продуктивна при классификации этапов технологического развития в нынешних российских условиях. Ее отличает оптимальная степень детализации этапов технико-экономической эволюции (зафиксированы основные вехи технико-экономических сдвигов без их чрезмерного дробления, что слишком уменьшило бы качественные различия между ними). Данная концепция наглядно демонстрирует источник отставания в уровне жизни населения одних стран от других. Техничко-экономическая причина, безусловно, не единственная, но одна из самых главных, если не самая главная. Одновременно с этим показывается то направление, куда нужно стремиться отстающим экономикам.

Кроме того, технологическая неоднородность российской экономики² обуславливает необходимость подобного рода структуризации для сокращения дисбалансов и поиска ключевых источников и направлений роста. Это особенно важно при анализе возможностей активного внедрения технологий шестого уклада.

Подводя итог, подчеркнем относительность степени применимости той или иной теории в различных условиях, что не говорит о недостатках самой теории. Для решения задачи ускоренного развития отечественной экономики на высокотехнологической основе необходимо продолжить дискуссии о соответствии определенных нормативных предложений теории объективным условиям сложившейся экономической системы. В противном случае возникает повышенный риск возникновения ошибок, цена которых в современных условиях очень высока.

Список литературы

1. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл; пер. с англ. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
2. *Бодрунов, С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. – 328 с.
3. *Бодрунов, С. Д.* К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 4. – С. 5–10.
4. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
5. *Глазьев, С. Ю.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП / С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов // Экономика и математические методы. – № 5. – М., 1986. – С. 793–804.
6. *Глазьев, С. Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики / С. Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 2. – С. 27–42.
7. *Гэлбрейт, Дж. К.* Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969.
8. *Кондратьев, Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Д. Кондратьев; сост. Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 2002.
9. *Перес, К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011.
10. *Тоффлер, Э.* Третья Волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 781 с.
11. *Шваб, К.* Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016.
12. *Шумпетер, Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М.: ЭКСМО, 2007. – 864 с.
13. *Шумская, Е. И.* Возможен ли рост производительности труда за счет освоения цифровых технологий? / Е. И. Шумская // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 3. – С. 126–132.

² Теории технологической многоукладности очень актуальны для отечественной экономики.

14. Яременко, Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики / Ю. В. Яременко. – М.: Наука, 1997.
15. Drucker, P. Post-Capitalist Society / P. Drucker. – N.Y. City: Harper Business, 1993.
16. Fourastié, J. Le Grand Espoir du XX siècle. Progrès technique, progrès économique, progrès social / J. Fourastié. – Paris: Presses Universitaires de France, 1949. – 224 p.
17. Mensch, G. Theory of innovation / G. Mensch. – Lexington books, 1984.
18. Rostow, W. W. The stages of Economic Growth / W. W. Rostow // The Economic History Review, New Series. – 1959. – Vol. 12, №. 1. – P. 1–16.

G. A. Maslov. Practical potential of techno-economic development theories in the Russian system. The article is devoted to the concepts of techno-economic development in terms of its opportunities to be practically used in conditions of Russian Economic system. Classification of techno-economic development theories based on criteria of author's objective addresses was held. It is justified that the concepts of the new industrial state of the second generation of S. Bodrunov and technological mode of S. Glazyev and D. Lvov consist more basics for applying in modern Russian conditions.

Keywords: technologies, industry, industrial revolution, technological mode, economic cycle, new industrial state – 2, russian economic system.

Е. А. Войкина¹

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА

Выполнен анализ динамики производительности труда и исследованы факторы, влияющие на ее уровень в Российской Федерации. Выявлены причины низкой производительности труда (высокий уровень износа оборудования, нехватка средств на модернизацию производства и др.). Рассмотрены отечественные и зарубежные источники статистической информации по производительности труда. Подробно изучены зарубежные подходы к расчету производительности труда согласно статистическим базам данных ЕС и Организации экономического сотрудничества и развития. Выполнены расчеты показателей производительности труда для России и зарубежных стран, в том числе валового внутреннего продукта на количество отработанных часов и на количество занятых. Осуществлено сопоставление полученных показателей производительности труда, выявлены мировые лидеры по уровню производительности труда в экономике. На основе сравнительного анализа предложены пути роста производительности труда в России.

Ключевые слова: производительность труда, экономическое развитие, технический прогресс, модернизация оборудования, рабочее место, человеческий капитал.

УДК 331.101.6, 330.341.1

Актуальность повышения производительности труда в Российской Федерации во всех видах экономической деятельности декларируется на протяжении нескольких десятилетий. Еще в 2012 г. была поставлена цель увеличить производительность труда к 2018 г. в 1,5 раза (по сравнению с 2011 г.). Одновременно планировалось создать 25 млн высокопроизводительных рабочих мест.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2015 и 2016 гг. отмечалось снижение производительности труда, а в целом за 2011–2016 гг. рост производительности составил около 8 %. Таким образом, проблема не утратила свою актуальность, наоборот, она стала еще острее. В соответствии с Указом Президента от 07.05.2018 № 204 необходимо обеспечить рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5 %

¹ *Екатерина Андреевна Войкина*, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, канд. экон. наук.

в год, а также сокращать непроизводительные рабочие места и модернизировать основные фонды [1].

Имеются факты, подтверждающие некоторое улучшение ситуации с производительностью труда в России. Примером является значительная цифровизация и роботизация производственных и технологических процессов. Так, растет доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте (на 2017 г. – 21,7 %, что на 1,4 п.п. больше, чем в 2012 г., и на 0,1 п.п., чем в 2016 г.); коэффициент обновления основных фондов в 2016 г. составил 4,4 % (за последние 10 лет он был выше только в 2011 и 2013 гг. – 4,6 % и в 2012 г. – 4,8 %).

Однако ситуация с производительностью труда остается напряженной. Анализ открытых данных показывает, что доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал составила в 2016 г. 16,3 %, это самый низкий показатель начиная с 2005 г. Отметим, что это один из значимых показателей, существенно влияющий на рост производительности труда. Степень износа основных фондов по всем видам экономической деятельности на протяжении многих лет остается высокой: в 2016 г. – 47,7 %, и это без учета субъектов малого предпринимательства (48,2 % – в 2015 г., 48,8 % – в 2016 г.). Индекс производительности труда в целом по экономике в 2016 г. снизился на 0,3 п.п. по сравнению с 2015 г., незначительный рост (0,7 п.п.) отмечался в последний раз в 2014 г. Отдельно отметим стабильное повышение с 2012 г. производительности труда в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, связанное с процессами автоматизации и механизации.

Анализ динамики производительности труда в российской экономике на основе открытых данных представляет собой сложный процесс. Основная проблема – нехватка статистических данных. Так, на сайте Федеральной службы государственной статистики имеется информация только по индексу производительности труда. Фактически этот индекс представляет собой приращение (уменьшение) фактической выработки продукта в рублевом выражении на одного занятого, на один отработанный час в текущем году по сравнению с предыдущим [4, с. 108]. Используя эти данные, можно оценить темпы роста/снижения уровня производительности труда, но, чтобы проанализировать производительность труда в стоимостных и других единицах, необходимо их рассчитать самостоятельно. При этом снижение (или рост) уровня производительности труда, скорее всего, будут связаны с колебаниями величины ВВП.

Зарубежные организации представляют данные по производительности труда в абсолютных единицах, что более информативно и удобно для выполнения сравнительной оценки и анализа уровня производительности труда в разных странах мира.

Для оценки уровня производительности труда в зарубежной статистике используют два показателя: ВВП на количество отработанных часов и ВВП на количество занятых (табл. 1).

Таблица 1

Показатели производительности труда (ПТ) в зарубежной статистике

Расчет показателя	Английский аналог
ПТ = ВВП/количество часов, отработанных занятым населением (долл./чел.-ч)	Labour productivity = Gross domestic product/Hours worked
ПТ = ВВП/количество занятых (долл./чел.)	Labour productivity = Gross domestic product/Employed

Международная организация труда (МОТ) определяет показатель производительности труда как объем произведенной продукции на единицу трудозатрат и использует два варианта расчета ПТ: ВВП на численность занятого населения и ВВП на количество отработанных часов [9].

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) дает следующее определение: производительность труда – это объем произведенной продукции на единицу затрат труда. ОЭСР рекомендует определять производительность труда как отношение ВВП (в постоянных ценах и по паритету покупательной способности) к количеству отработанных часов занятым населением. ОЭСР отмечает, что в качестве затрат труда может также применяться показатель численности занятого населения. При этом приоритетным является использование в качестве знаменателя количества отработанных часов, а не численности занятого населения [13].

Нами были рассчитаны показатели отношения ВВП к количеству отработанных часов по некоторым странам мира на основании открытых данных ОЭСР (табл. 2). Обратим внимание, что производительность труда выше в тех странах, где на одного занятого человека приходится меньшее количество отработанных часов. К примеру, по данным на 2016 г., по показателю производительности труда Ирландия, Норвегия, Люксембург, Бельгия опережают США, а Германия, Испания, Италия и др. – Японию. Обратная ситуация – в Корее и Японии. В Германии один из самых низких годовых фондов рабочего времени в мире, российский показатель превышает его примерно на 45 %. Одна из самых длинных рабочих недель в мире в Южной Корее. В июле 2018 г. правительство Южной Кореи в целях повышения качества жизни населения сократило максимальную продолжительность рабочей недели с 68 до 52 часов [10].

По расчетам автора, в среднем в России годовой фонд рабочего времени на 20 % больше, чем в развитых странах. Производимые автором расчеты производительности труда верны (только по нескольким странам имеются отклонения от показателей ОЭСР на 0,1...0,2 %).

Отсюда следует, что одним из результатов повышения производительности труда является сокращение годового фонда рабочего времени. Рост эффективности использования ресурсов, как человеческих, так и капитальных (в частности, оборудования, машин), позволяет улучшить качество и повысить уровень жизни населения. К примеру, среднемесячный валовой (до вычета налогов) доход работника, занятого полный рабочий день, в Германии в 2017 г. составил 3771 евро [16] (примерно 272643,3 рублей по курсу ЦБ РФ от 20.07.2018).

Сопоставление показателей производительности труда за 2016 г.
(ВВП на час отработанного времени)

Страна	ВВП 2016 г., млн долл., по ППС, текущие цены [14]	Количество отработанных часов на человека в год, ч [11]	Количество отработанных часов занятым населением, млн ч [15]	Производительность труда, долл. /чел.-ч	Данные ОЭСР по ПТ, долл./ч
1	2	3	4	5= 2 : 4	6
Ирландия	339477,51	1739	3556,5	95,45	95,45
Люксембург	59592,12	1519	635,8	93,72	93,72
Норвегия	307833,65	1424	3950	77,93	77,91
Бельгия	525969,12	1546	7200,6	73,05	73,11
США	18624475	1781	267472,0	69,63	69,63
Германия	4030399,5	1363	59286,0	67,98	67,98
Италия	2326893,29	1724	42802,9	54,36	54,35
Испания	1687612,99	1701	32304,5	52,24	52,24
Япония	5369478,82	1714	114584,3	46,86	46,82
Корея	1877123,31	2071	54543,4	34,42	34,49
Россия	3635868,18	1974	142903,1	25,44	25,44

Согласно представленным ОЭСР данным, в 2016 г. Россия по показателю ВВП на час отработанного времени отставала от США в 2,67 раза, от Японии – в 1,75, от Германии – в 2,53 раза (рис. 1).

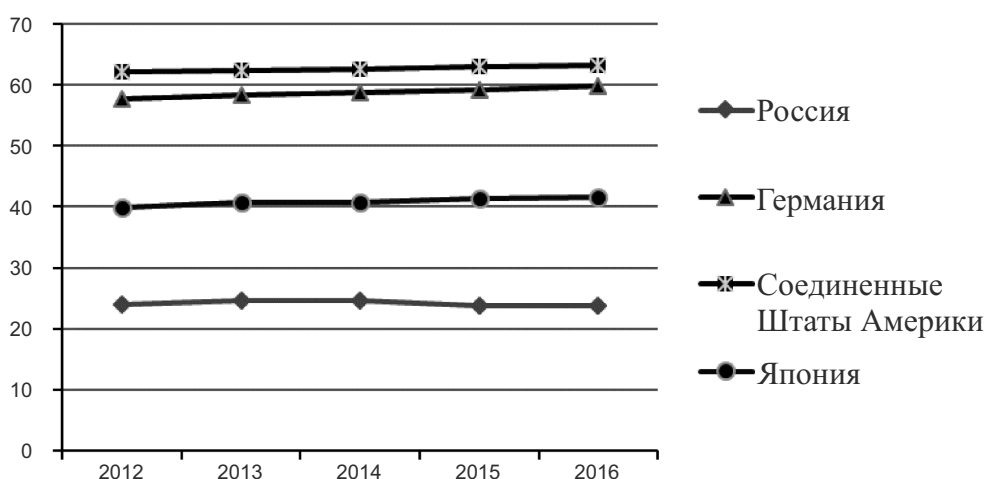

Рис. 1. ВВП на час отработанного времени, долл. / чел.-ч (2012–2016 гг.) [12]

Выполним расчет производительности труда с использованием другого показателя: в знаменателе вместо количества отработанных часов используем численность занятого населения. Представленные данные (табл. 3) несколько отличаются от предыдущих результатов. Так, в данном рейтинге США занимают третью позицию, после Ирландии и Люксембурга (по предыдущим расчетам были на 5-й), и опережают Норвегию и Бельгию. Отставание России по показателю ВВП на одного занятого ниже, чем по показателю ВВП на час отработанного времени (особенно от Германии), и составляет: от США – в 2,4 раза, Японии – в 1,6 раза, Германии – в 1,8 раза.

Таблица 3

**Сопоставление показателей производительности труда в мире за 2016 г.
(ВВП на одного занятого)**

Страна	ВВП 2016 г., млн долл., по ППС, текущие цены	Количество занятых, тыс. чел.	Производительность труда, долл./чел.	Данные ОЭСР по ПТ, долл. / чел.
1	2	3	4 = 2 : 3	5
Ирландия	339477,51	2045,45	165967,15	165967,55
Люксембург	59592,12	418,44	142414,96	142414,27
Норвегия	307833,65	2764	11372,52	111372,52
Бельгия	525969,12	4658,1	112914,94	112914,94
США	18624475	153586	121264,15	121264,15
Германия	4030399,5	43638,0	92359,9	92 359,9
Италия	2326893,29	24821,7	93744,32	93744,32
Испания	1687612,99	18987,374	88880,79	88880,79
Япония	5369478,82	66852	80318,89	80318,89
Корея	1877123,31	26409,1	71078,65	71078,65
Россия	3635868,18	72392,63	50224,29	50224,29

В свою очередь, статистическая служба Европейского союза (Евростат) определяет, что производительность труда за час работы рассчитывается как реальный объем производства на единицу трудозатрат (измеряется общим количеством отработанных часов). Евростат утверждает, что показатель производительности труда за час работы является более достоверным, чем производительность труда на одного занятого, так как устраняет различия, связанные с определением состава и структуры рабочей силы (работники, занятые полный рабочий день или частично) в разных странах [7]. Анализ открытых данных Евростата показал, что на сайте представлены относительные данные по производительности труда (за 100 % принят уровень производительности труда на одного занятого по странам Европейского союза), а именно: индекс производительности труда на одного занятого, индекс производительности труда на один отработанный час [8].

Таким образом, уровень производительности труда в российской экономике сегодня остается весьма низким. Данные табл. 4 показывают, что за 10 лет производительность труда в России выросла незначительно.

Таблица 4

Сравнение темпов роста производительности труда в странах мира в 1996 и 2016 гг.*

Страна	% от США		% от Японии	
	1996 г.	2016 г.	1996 г.	2016 г.
Ирландия	–	122,5	–	203,7
Люксембург	–	120,3	–	200,0
Норвегия	126,4	89,3	156	166,3
Бельгия	–	93,7	–	155,9
США	100	100	123,4	148,6
Германия	104,5	87,2	129	145,1
Италия	–	69,8	–	116,0
Испания	89,1	67,0	109,9	111,5
Япония	81,1	60,1	100	100,0
Корея	39,6	44,2	48,8	73,5
Россия	26,5	32,6	32,7	54,3

* Составлено автором. Данные за 1996 г. [5, с. 245].

Отметим, что в период 2011–2012 гг. наблюдалось незначительное сокращение темпов отставания производительности труда в Российской Федерации от развитых стран мира. Однако в 2014 г. наметилась тенденция к увеличению отставания России по данному показателю (рис. 2). Также, по данным Росстата, с 2015 г. наблюдается тенденция сокращения прироста высокопроизводительных рабочих мест: в 2015 г. – на 9,1 % по сравнению с 2014 г., в 2016 г. – на 4,8 % по сравнению с 2015 г. (рис. 3).

Ссылаясь на известных исследователей в области рынка труда (В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников), можно сказать, что данные по показателям производительности труда характеризуют совокупную производительность всех факторов производства, которые фактически создают ВВП, добавленную стоимость [5, с. 245]. Поэтому, с одной стороны, мы можем говорить об относительности данных и необходимости выработки более достоверных способов расчета показателей производительности труда. С другой стороны, представленные данные говорят о проблемах с использованием факторов производства в России. В частности, относительно использования человеческого капитала отметим, что существует понятие «работающие бедные», так как средняя заработная плата в регионах Российской Федерации остается низкой. Так, среднедушевой денежный доход населения за 2017 г. составил 31477,1 р., при этом большая часть в структуре дохода – это оплата труда (65,1 %) и социальные выплаты (19,7 %). Если мы говорим о другом факторе – капитале, то,

по разным оценкам, в России 14 % оборудования выработало свой ресурс и только одно из 26 предприятий использует преимущественно передовую технологию [2].

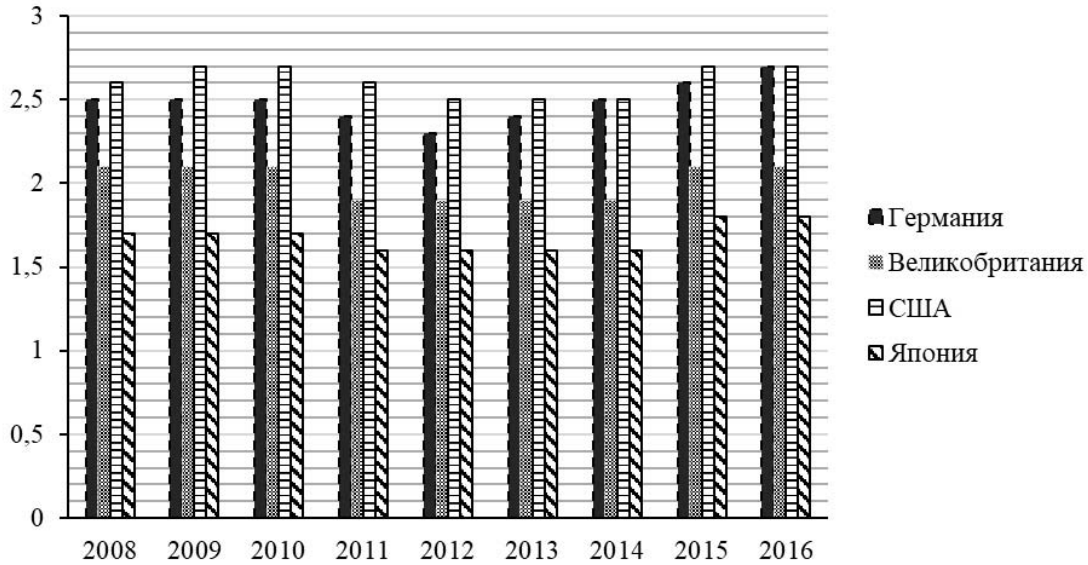

Рис. 2. Соотношение производительности труда (на час отработанного времени) в разных странах мира и в России по экономике в целом (рассчитано автором по данным ОЭСР)

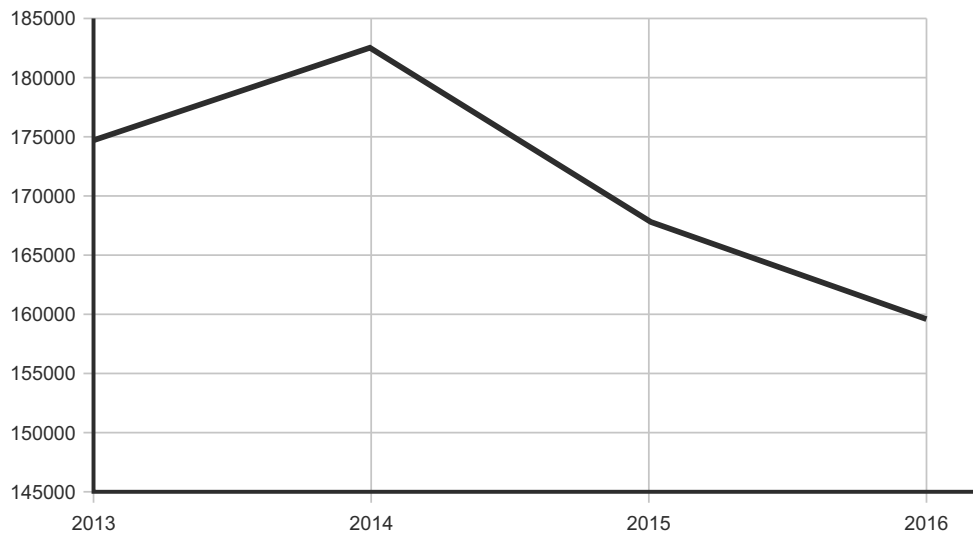

Рис. 3. Динамика числа высокопроизводительных рабочих мест в целом по экономике в Российской Федерации в 2013–2016 гг., тыс. ед. (составлено автором по данным Росстата)

С учетом изложенного к причинам низкой производительности труда в России следует отнести: износ оборудования, применение устаревших технологий, недостаток средств для внедрения новых производственных мощностей, неэффективное ис-

пользование трудовых ресурсов и рабочего времени, низкую квалификацию работников, а также отсутствие у руководителей малых и средних предприятий мотивации вкладывать деньги в новые технологии и в развитие производства из-за желания быстрее получить прибыль, неуверенности в завтрашнем дне и отсутствия здоровой конкуренции на различных секторах рынка.

В таком случае необходимо говорить о различных факторах и резервах роста производительности труда. В условиях необходимости форсированного экономического роста и цифровизации общества важно вернуться к глубокому анализу производительности труда, показателей фондоотдачи, фондоемкости и других на всей территории Российской Федерации. В настоящее время большинство предприятий не ведут расчет показателей производительности труда, фондовооруженности, материалоемкости и т. д., так как этого не требует бухгалтерская отчетность. В 1990-х гг. из отчетности фактически исключили показатель производительности труда, хотя до этого в СССР разрабатывался Техпромфинплан, состоящий из разделов планирования важнейших показателей по труду и заработной плате, эффективности производства и др. [6]. В качестве примера приведем США и ЕС, где ежегодно анализируют динамику производительности труда, использования рабочей силы и основного капитала, такие показатели, как фондо- и капиталовооруженность, находятся под постоянным государственным контролем [3, с. 19].

В связи с недостаточной эффективностью реализации действующих программ повышения производительности труда основными направлениями решения этой задачи, на наш взгляд, должны быть следующие: 1) усиление стимулирования технологического обновления; 2) разработка и реализация мер по обеспечению создания новых высокотехнологичных и модернизации устаревших рабочих мест; 3) осуществление программ развития человеческого капитала на федеральном и региональном уровнях; 4) включение производительности труда и других показателей, влияющих на ее рост, в отчетность как обязательных, их планирование на предприятиях, постоянный мониторинг и контроль.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>. Дата обращения: 01.07.2018.

2. *Гришин, В. И.* Производительность труда как ключевой фактор развития России: правовые и региональные аспекты: материалы Научно-экспертного совета при Председателе / Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Аналитический вестник. – 2014. – № 22 (540). – С. 14–15.

3. *Кокоулина, Е.* О задаче создания высокопроизводительных рабочих мест / Е. Кокоулина, А. Ложникова // Экономист. – 2013. – № 10. – С. 15–22.

4. *Нечаев, А. В.* Роль повышения производительности труда в неоиндустриализации России / А. В. Нечаев // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 1 (55). – С. 105–112.

5. Обзор занятости в России. – Вып.1 (1991–2000 гг.). – М.: ТЕИС, 2002. – 351 с.
6. Плановая экономика. Разделы техпромфинплана. Режим доступа: <http://www.рео.су/?p=703>. Дата обращения – 10.07.2018.
7. Eurostat. Labour productivity per person employed and hour worked. Dataset details. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/tesem160>. Дата обращения: 18.07.2018.
8. Eurostat. Labour productivity per person employed and hour worked. Data. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tesem160&language=en>. Дата обращения: 18.07.2018.
9. ILO. Labour Productivity Indicator Description. Режим доступа: http://www.ilo.org/ilostat/files/Documents/description_PRODY_EN.pdf. Дата обращения: 10.07.2018.
10. Moulite, M. South Korea cuts its work limit from 68 hours a week to 52/ М. Moulite. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2018/07/02/health/south-korea-work-hours/index.html>. Дата обращения: 19.07.2018.
11. OECD (2018), Hours Worked: Average annual hours actually worked, OECD Employment and Labour Market Statistics (database), <https://doi.org/10.1787/data-00303-en> (accessed on 18 July 2018).
12. OECD (2018), GDP per hour worked (indicator). Режим доступа: doi: 10.1787/1439e590-en (Accessed on 16 July 2018). Дата обращения: 16.07.2018.
13. OECD (2018), OECD Compendium of Productivity Indicators 2018, OECD Publishing, Paris. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/pdty-2018-en>. P. 40, 43. Дата обращения: 18.07.2018.
14. OECD. Stat. GDP per head of population. Режим доступа: https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=PDB_LV&lang=en. Дата обращения: 18.07.2018.
15. OECD. Stat. Hours worked for total employment. Режим доступа: https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=PDB_LV&lang=en. Дата обращения: 18.07.2018.
16. The German Federal Statistical Office. 2017 earnings: average 3,771 euros gross per month. Режим доступа: https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/NationalEconomyEnvironment/EarningsLabourCosts/EarningsEarningsDifferences/Current_EconomicActivity.html. Дата обращения: 19.07.2018.

E. A. Voikina. Labor efficiency in Russia and abroad: comparative analysis and growth prospects.

The dynamics of labour productivity is analysed and the factors affecting its level in the Russian Federation are examined in this paper. The reasons of low labour productivity are revealed, among which there are next: a high level of equipment wear, a shortage of funds for the modernization of production facilities and others. The domestic and foreign sources of statistical information on labour productivity are considered. Foreign approaches of the calculation of labour productivity have been studied in detail according to the statistical databases of the European Union and the Organization for Economic Cooperation and Development. In the paper calculations of labour productivity indicators for Russia and foreign countries are developed, incl. gross domestic product by the number of hours worked and gross domestic product by the number of employees. The author have carried out international comparisons of the labour productivity indicators, and world leaders by the level of labour productivity in the economy were identified. On the basis of a comparative analysis of labour productivity indicators, ways of increasing of labour productivity in the Russian Federation have been proposed.

Keywords: labour productivity, economic development, technical progress, equipment modernization, job, human capital.

*S. D. Bodrunov*¹

**NOOINDUSTRIAL TRANSITION:
THE ROLE OF FINANCIAL CAPITAL**²

Even though they are not generally acknowledged, manifestations of a permanent systemic crisis have become increasingly vivid over the past decades. While economics statistics indicate that we have overcome the drop in the global and national GDP resulting from the recession of 2008, the issues which caused the collapse of the world's top economies have not been resolved. The modern economy has accumulated a lot of controversies which no longer promote its development because their elimination is impossible under the current economic paradigm.

Modern market economy is characterized by a lack of balance between the financial and real capital, an imbalance so great that we may refer to it as the hyperdevelopment of financial capital which jeopardizes the sustainability of the economy and constitutes a core reason for its stagnation.

...

Let us emphasize that *primary money* (in this particular case, the equivalent commodity) was local. Its turnover encompassed relatively isolated regions, and different nations (tribes, clans, etc.) created their own currency, while the interaction between various economic entities established the exchange rate. Thus, money came of money. That is how financial capital emerged.

...

Later on, people introduced loans with an interest rate as a way to accumulate potential profit. The introduction of this simpler mechanism led to the development of *moneylending*. This financial institution has proven quite effective, but it pertains to the realm of money circulation where value is merely redistributed as opposed to the field of production where new value is created by human labor. The efficiency of moneylending is inherently unfair because within this system one's gain is always another's loss.

¹ *Sergey Bodrunov*, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists, Director of S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), Doctor of Economics, Professor.

² Based on the paper presented at S.Y. Witte Institute for New Industrial Development research workshop Financial Capital and Strategems of the Industrial Revolution (September 28, 2018).

...

Moneylending spread through Europe in the Middle Ages due to an increase in trading operations and the number of merchants who used this financial instrument, as well as the dispersion of the Jewish community which traditionally engaged in moneylending. The introduction of moneylending completely changed the European culture and existing social order. Later on, this financial institution became a major factor in the active advance of capitalism as a new social formation.

...

Quick rise of industrial production created public demand for the development of *financial technologies* which led to the emergence of lending agencies and related mechanisms. At the same time, faster capital turnover allowed for more expeditious development of financial instruments and technologies and the institution of financing as compared against the development of production per se, since the latter was associated with higher costs and required more transactions prior to yielding profit. At this stage, *monetized equivalent still could not exist without the real sector of the economy. Under the industrial society, cash flow played an extremely important, but nevertheless an auxiliary part in the reproduction process.* Further down the line, finance, which was initially incorporated into the production process, became equally significant and then turned into the principal element of the economy. Thus, the real and financial segments gradually switched places. As the financial sector grew, it included production into the profit-making process, but only when that was absolutely necessary.

...

The formation of financial institutions as a profit-making instrument actively promoted the development of innovations by ensuring its constant acceleration. That is the **second facet of the issue pertaining to the correlation between financialization and the development of the new industrial society of the second generation (NIS.2)**... Modern technologies are quickly shaping a new technological mode wherein the *acceleration of acceleration* of innovations is a major contributor. That is a core characteristic of the NIS.2. By the way, it also disproves the postindustrialist rejection of production and corroborates our opinion on its perseverance (in a qualitatively new way) as the foundation on the new industrial society of the second generation.

...

Financialization, which to a great extent owes its existence to the technological progress, is acting in line with its parasitic substance and, therefore, is starting to devour the body that nourished it by causing the outflow of capital from material production (including innovative manufacturing) into financial intermediacy. But that is not all. Even though it is forced to support and accelerate the innovative process, financialization by its very nature uses every opportunity to hamper the development of material production, gear it towards the satisfaction of simulative wants and plays a major part in promoting their expansion.

...

The most important point is the *role of financial capital in the transformation of industrial capitalist production into the noonomy*. Scenario analysis performed by the author in his book *Noonomy* indicates that growing financialization encourages accelerated civilizational descent to a global crisis. Clearly, we need to change the paradigm of social and economic development. There is a vital (and objective!) need to find a way of keeping capitalism in check, rationalizing public wants and ways of their satisfaction, and ensuring the transfer to the NIS.2 and the subsequent noosocial order (while safeguarding and developing industrial production as a way to satisfy real human wants and denying further growth of simulative needs).

...

Insistence on restricting financial capital in modern Russia must be construed as an essential prerequisite for reindustrialization, which is essential for the transition to the NIS.2. Unless we change our paradigm priorities, proclaimed industrial policy objectives will be generally perceived as nothing but catchy slogans. Only with efficient control and targeted management of financial processes will we be able to create the premises for reaching a turning point in technological modernization of the national economy and pursuing prospects of economic leadership.

...

We need to transform the financial capital from a parasitic growth which plagues the economy and society by generating simulative wants and irrational methods for their satisfaction into an accelerator of innovative development of the real sector, as we transition to the NIS.2 and further towards noonomy.

*R. S. Grinberg*¹

**ON THE INFLUENCE OF FINANCIAL SEGMENT
ON THE GLOBAL ECONOMY²**

In his article, Sergey Bodrunov writes about the influence of the hyperdeveloped financial segment on the global economy. According to Bodrunov, financial capital has gone from being a servant to becoming the master. That phenomenon is so widespread that we can talk about the emergence and consolidation of global financial nomenclature. Around the world, from the U.S. to China, forces interested in maintaining the status quo, i.e. the hegemony and domination of financial capital, are hard at work.

...

In my opinion, money is a good instrument capable of invigorating the economy. It is clear that Russia presently needs to apply this instrument because our economy has been stagnating for the past decade. If we disregard the years of high oil prices and consequent rapid growth of the Russian economy, we will see that over the past 25 years annual economic growth amounted to approximately 0.8%. If back in the day when Russians were giving up “bad” socialism we had been told that 25 years later our annual growth rate would be under 1%, it would have seriously undermined the authority of politicians who undertook to deliver us onto the bright future.

...

So what is the role of money in the current economy? There seems to be an easy answer: if we go up in a helicopter and start raining money, we will see economic growth. Or we can just lower interest rates – many believe that it will do the trick. I am against Russia’s current monetary and loan policy, but I do think that its adepts have very reason to be wary of what will happen and is already happening in our country. In the U.S. or Germany, pumping money into the economy works every time when the country needs to boost its economic growth. But in Russia this formula does not work because our economy is too open and undiversified, and the perfectly predictable outcome of pumping money into the economy is its conversion into imported goods or foreign currency.

¹ *Ruslan Grinberg*, Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS) and S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economics, Professor.

² Based on the paper presented at S.Y. Witte Institute for New Industrial Development research workshop Financial Capital and Strategems of the Industrial Revolution (September 28, 2018).

...

We need to identify priority areas and ensure that they receive consistent financing. It seems that we are currently guided by the motto of “to each his own.” That is a highly appropriate approach for maintaining the status quo wherein everyone is more or less content and getting some money, and no one says a word. But such climate is not conducive to investment. Let me cite the best and most cynical maxim of all time, our Russian know how, so to say, “What is investment? – Investment is a failed attempt at profiteering.” This joke is highly relevant, for it reflects the hegemony of money.

...

The most disturbing part of the current situation is the role of money that is completely blown out of proportion... In my opinion, the move towards the neoliberal doctrine which prioritizes money and stipulates caring only about one's own good is completely counterproductive. In the U.S.S.R., people did not talk about money. It was improper to demonstrate the desire to make money, and even though 90% of people wanted to have some, the society's general attitude was that of contempt. Of course, that was a rather silly thing to do, but it does not mean that we need to go to the other extreme where money is everything. That is pure selfishness without an ounce of altruism. It leaves no room for the public good and prescribes self-interest, obsession with money and maximization of profit at all costs. In this case, even good upbringing will not help because one would have to find a way to survive in this world. In my opinion, that is the most grievous fallout of the perestroika era.

...

We should introduce a tax on short-term financial transactions, as Nobel laureate James Tobin suggested. I think that suggestion still applies. ... If we truly want to make finance an auxiliary that would promote the growth of the real segment of the economy (which is what Bodrunov is writing about), offshores should be banned because their existence exudes a sharply negative effect on tax base at the state level.

*A.V. Buzgalin*¹

MONEY AS A HISTORICAL PHENOMENON²

Vast expanse of human activity, particularly creative activity, occurs in the field where there is no money, nor is it necessary even as a prerequisite. That is a brief, but very important introductory remark. Money – and financial capital to an even greater extent – is a historical phenomenon that possesses much more modest historical spatial boundaries than we tend to think. Many economists erroneously believe (and this belief rests on the omnipotence of the Ministry of Finance in Russia) that economy equals money, and money is the domain of the Ministry of Finance.

...

Modern economic theory exists in a snapshot cross-section of the local universe. The temporal dimension seems to be excluded from the picture, and ongoing qualitative changes also appear non-existent, except for such occurrences as the emergence of bitcoin or what not – and then suddenly everyone perceives that change is possible. Meanwhile, money did undergo a qualitative change by transferring first into capital and then into financial capital. To be more precise, fictitious capital preceded financial capital, which morphed into virtual capital and is currently entering the ambiguous cyberspace, as exemplified by cryptocurrencies. All that happened in a little more than 100 years. We witnessed the emergence of a phenomenon which, in my opinion, led to a qualitative change in money and called its very existence into question.

...

Under market economy, money constitutes a general equivalent, i.e. the commodity which has the characteristics of a general equivalent, or, in other words, ensures potential satisfaction of wants as they pertain to all things that can be sold and bought. But as soon as fictitious capital emerges, money becomes dependent on derivatives and everything that is circulating in the financial market, including securities, bonds, fictitious capital and monetary derivatives. At this point, it becomes “pseudo money.” Money loses its characteristics of a general equivalent and becomes a product of capital. Russia’s older generation has first-hand experience with money completely losing its value: Soviet

¹ *Alexander Buzgalin*, Professor in the Political Economy Department of Lomonosov Moscow State University, Research Director of S.Y. Witte INID Moscow Branch, Doctor of Economics.

² Based on the paper presented at S.Y. Witte Institute for New Industrial Development research workshop Financial Capital and Strategems of the Industrial Revolution (September 28, 2018).

savings devalued in a matter of months; during the default, the value of post-Soviet savings decreased dramatically over a short period of time as if waved away by a magic wand in the hands of decision makers; and current exchange rates are extremely volatile. All these events indicate that money is no longer the general equivalent in a true sense of the word. Once it entered in the cyberspace, money turned virtual.

...

When financial capital ceases to serve as the main source for the reproduction of technological, economic and social development, it engenders and accelerates further virtualization of money in the second sense, i.e. causes the transformation of money into “pseudo money” and its departure from the role of the general equivalent. That process is developing very actively at the moment. Moreover, it is unexpectedly growing dependent on the functioning of the economic process, i.e. those who make money.

...

In the future, financial capital will no longer serve as the main regulator of the economic process. The interim stage involves the subjugation of financial capital to the achievement of economic and social goals and, first and foremost, human progress.

Для записей

Для записей

Для записей
